

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 2 (12), 2012

Философия

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров*, д-р экон. наук
(председатель)
Д. И. Польшинский, д-р ист. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
Л. В. Михеева (ответственный секретарь)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
К. Префке, профессор (Германия)
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:

- Д. И. Польшинский*, д-р ист. наук,
(главный редактор серии)
О. М. Карпова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
Э. В. Кромер, канд. филол. наук
А. А. Корников, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук
В. М. Тюленев, д-р ист. наук
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Т. Б. Кудряшова, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, канд. филос. наук

Адрес редакции

153025 Иваново, ул. Ермака 39, к. 362
тел./факс (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Очертания ноосферы

- Дмитревская И. В.* Ноосферные смыслы
времени 3
Смирнов Г. С. Цефализация ноосферы: эволюция разумного вещества на рубеже тысячелетий 17
Брагин А. В. Ноосферный социализм как вариант глобализации 31

Ноосферная история

- Смирнов Д. Г.* Большая история универсума в клиососфском пространстве культуры 37
Меликян М. А. Интеллигенция как ноосферный герой истории 48
Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Ноосферный пейзаж: логика развития и экология выживания университетской научной школы 54

Актуальные проблемы философии

- Ерахтин А. В.* Постмодернизм и классическая философия 76
Ширяева Е. В. Бессмертие как идеал: основные формы и мировоззренческое значение 87

Юбилей кафедры философии

- Смирнов Д. Г., Теплянский М. В.* История кафедры философии: начало биографии 94

Юбилей

- Ровесник кафедры 112
Батурина Галина Ивановна 114
Рябов Олег Вячеславович 115

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "The Humanities"

Issue 2 (12), 2012

Philosophy

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

EDITORIAL COUNCIL:

V. N Egorov, Doctor of Economics (Chairman)
D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(Vice-Chairman)
V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)
L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)
K. Ya. Averbukh, Doctor of Philology
(Moscow)
Yu. M. Voronov, Doctor of Politics
N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry
K. Prefcke, Professor (Germany)
Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)
O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES "THE HUMANITIES"

D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(editor-in-chief of the series)
O. M. Karpova, Doctor of Philology
A. N. Taganov, Doctor of Philology
E. V. Kromer, Candidate of Science, Philology
A. A. Kornikov, Doctor of History
K. E. Baldin, Doctor of History
V. M. Tyulenev, Doctor of History
G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy
T. B. Kudryashova, Doctor of Philosophy
D. G. Smirnov, Candidate of Science,
Philosophy

Address of the editorial office
153025, Ivanovo, Ermak str. 39, office 362
tel./fax (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue "Russian Press" 41512

Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© Ivanovo State University, 2012

CONTENTS

Shape of noosphere

Dmitrievskaya I. V. Noospheric senses of time **3**
Smirnov G. S. Cefalization of noosphere: evolution of intelligent substance at the edge of millennium **17**
Bragin A. V. Noospheric socialism as a variant of globalization **31**

Noospheric history

Smirnov D. G. Big history of universum in the kliosopic space of culture **37**
Melikyan M. A. Intelligentsia as a noospheric hero of history **48**
Smirnov G. S., Smirnov D. G. Noospheric view: the logic of development and ecology of survival of humanitarian university school **54**

Actual problems of philosophy

Erakhtin A. V. Post-modernism and classical philosophy **76**
Shiryayeva E. V. Immortality as the ideal: the main forms and world outlook meaning **87**

Anniversary of department of philosophy

Smirnov D. G., Teplyansky M. V. History of department of philosophy: the beginning of biography **94**

Anniversaries

Coeval of department **112**
Baturina Galina Ivanovna **114**
Ryabov Oleg Vyacheslavovich **115**

Information about the authors **117**

Information for the authors of "Ivanovo State University Bulletin" **118**



ОЧЕРТАНИЯ НООСФЕРЫ

ББК 60.021

И. В. Дмитриевская

НООСФЕРНЫЕ СМЫСЛЫ ВРЕМЕНИ

Рассматривается содержание понятия «ноосферное время», коррелирующее с понятиями «мифологическое время», «сакральное время». Методом системной герменевтики анализируются ноосферные смыслы времени в поэзии Юрия Левитанского.

Ключевые слова: ноосферное время, антропологическое время, мифологическое время, сакральное время, системная герменевтика.

The category content of «noospheric time» correlates with terms «mythological time», «sacral time». Noospheric senses of time in Yury Levitansky poetry are analyzed with the help of system hermeneutics.

Key words: noospheric time, anthropological time, mythological time, sacral time, system hermeneutics.

Я знаю: время растяжимо.
Оно зависит от того,
Какого рода содержимым
Вы наполняете его.

С. Я. Маршак

I

Жизнь человека протекает во времени. Каково это время? Что мы имеем в виду, когда говорим: «Катастрофически не хватает времени», «Не знаю, куда девать время», «Время — деньги» или «Делу — время, потехе — час» и т. п. Какое это время? Безусловно, оно не геологическое, не астрономическое, не физическое и даже не биологическое и историческое. Вероятно, эти виды времени присутствуют как составляющие в осмыслении человеческого времени, но не исчерпывают его содержания. В нашем понимании времени существует еще какой-то компонент, определяющий его специфику, делающий его сугубо человеческим, *личностным*. Это особый тип — *время антропологическое*. Если общее философское определение времени характеризует его как форму бытия материи и мышления, то антропологическое время своей субстанцией, носителем, имеет особого рода «вещь» — человека и человеческое сообщество.

Человек — существо конечное: физическое время его пребывания на Земле — прочерк между двумя датами — рождения и смерти. Этот прочерк заполняется массой событий и дел. Нужно вырасти, выучиться, найти свое призвание, работу, завести семью, детей, вырастить их, выучить, определить место в жизни, хорошо бы дождаться внуков и поставить их на ноги и т. д. «по кругу». А там, глядишь, старость и ... «Пройдемте...». Это и есть *жизнь*. Ее содержание не описывается временными категориями — секунды, минуты, часы, годы, столетия, эпохи и т. п.

© Дмитриевская И. В., 2012

2012. Вып. 2 (12). Философия •

Конечность жизни определяет внутреннее психологическое напряжение, рождает вопрос о содержании и смысле жизни: как лучше распорядиться временем? Можно заполнить жизнь плотно событиями интересными и полезными или ничего не делать, не суетиться, а лежать на диване как И. И. Обломов и мечтать о смысле жизни — все равно конец один. Вопрос о смысле жизни не резонерский. В молодости человек не ощущает конечности собственного бытия и потому не ставит этого вопроса по отношению к жизни вообще, а ставит временные цели и достигает их воплощения. В зрелом возрасте вопрос о смысле бытия, как правило, глубоко волнует. В инварианте он содержит мысль о том, что *конечное существование мыслящего человека должно иметь какое-то отношение к бесконечному и безусловному началу*, иначе — зачем жить? Зачем вся эта суета? Так же ставил вопрос о смысле жизни И. А. Гончаров устами своего героя И. И. Обломова: если самую маленькую, незаметную жизнь человека сравнить с существованием листочка дерева, то и она имеет отношение к вечности как большого, могучего дерева, дуба или секвойи. Здесь в содержании понятия «антропологическое время» возникает новый оттенок: *время, прожитое осмысленно*, со смыслом не только внутренним и внешним, но и *трансцендентальным*, в отношении к вечности.

В объеме «антропологического времени» содержится особый вид — ноосферное время. *Ноосферный смысл, на наш взгляд, идентичен смыслу жизни, имеющему отношение к безусловному началу*. Л. Н. Толстой писал о трех периодах жизни человека: первый он проживает для себя, вторую треть жизни — для людей, третью — для Бога. В исторической архаике время делится на мифологическое, сакральное, и эмпирическое, профанное [10, с. 252—253]. Мысль Л. Н. Толстого можно интерпретировать таким образом: первую и вторую треть жизни человек проживает с профанными земными целями и смыслами, последняя треть бытия наполнена сакральным смыслом, имеет отношение к вечности.

Но и профанная жизнь может быть наполнена сакральным содержанием, это периоды ноосферного времени в жизни человека¹.

¹ По В. И. Вернадскому, ноосфера — разумная оболочка Земли, созданная человеческой культурой — успехами науки, культуры, техники [1, 2]. По Тейяру де Шардену, ноосфера — божественная среда, в которой существует все живое, в том числе человек; божественная среда оживляет и одухотворяет даже космос [13, 14]. Мы определяем *ноосферу как системно организованное Всеобщее*. В ней роль концепта (системообразующего свойства) играет информация, в отличие от биосферы, где концепт — энергия; структура ноосферы — энергетическая (в биосфере — информационная); субстрат — особого типа «вещество» — человек, социум, техника (в биосфере субстрат — биологический). В системе ноосферы информация, энергия, вещество изменяют свою сущность. В ноосфере, в отличие от биосферы, информация несет функцию не только *сохранения целостности* системы как необходимого условия ее жизнеспособности, но и семантико-семиотическую, знаковую функцию. Энергия — особого рода созидательная целенаправленная энергия, «пассионарность», по Л. Гумилеву [3, 4]. «Вещество» — разумный человек и сообщества людей, обладающих коллективным разумом, плюс техника, вторая природа, в которой естественные законы механической, физической, химической, биологической форм движения реализуются на искусственном субстрате. Ноосферное время в истории Земли начинается в период перехода биосферы в ноосферу, когда все естественные земные процессы

Осмыслим проблему ноосферного времени в парадигме экзистенциализма и экзистенциальной ситуации. В нашем случае ноосферное время рассматривается как *живое, личностное время*. Объективное содержание ноосферного времени как аспекта семиогенеза, как хронотопа исторического времени — в работах [11, с. 298—301; 12]. Заметим, что тот и другой подходы к феномену ноосферного времени опираются на методологию системного анализа, что закономерно: там, где решается проблема целостности объекта или предмета знания, системный метод необходим.

Взаимосвязь бытия и времени, с экзистенциально-герменевтической точки зрения, глубоко рассматривает М. Хайдеггер [17, 18]. В этом плане интересна попытка *мыслить бытие без сущего* и *время без временного*. Вероятно, следует понимать это как изменение самой логики мышления: бытие и время рассматриваются не как «вещи», но как свойства и отношения. По Хайдеггеру, бытие и время обладают одним и тем же предикатом: о них известно, что они «есть», то есть они бытуют как «*присутствующее*», «присутствие не существует среди вещей» [18, с. 394]. Время определяет бытие только как присутствующее. Но и предикат «есть» кажется Хайдеггеру неоднозначным, потому что может представлять только один модус времени — настоящее. Поэтому философ вводит предикат «иметь место» как для бытия, так и для времени. По его мнению, этот предикат точнее определяет роль времени в выявлении сущности бытия. Дальнейшее рассуждение ведется феноменологически, описывая экзистенциальную ситуацию, в которой время выявляет сущность бытия. Согласно Хайдеггеру, сущность бытия скрыта от субъекта, бытие является «*потаенным*». Но оно способно обнаруживать «просвет», куда исследователь может войти с вопросом о сути собственного бытия или бытия мира или другого человека. Время обнаруживает этот «просвет», выводит бытие из потаенности, делает его «непотаенным». Оно же возвращает непотаенность в первоначальное состояние потаенности. Поэтому у времени три измерения: прошедшее, настоящее и будущее. В настоящем бытие — в качестве «присутствующего», здесь оно непотаенно (οντι). Что касается прошлого и будущего, то здесь нет «просвета», и бытие не есть «присутствующее» (μνον). *Выведение бытия из потаенности в открытость* Хайдеггер называет — «*Место*». Бытие, обладающее Местом, делает потаенное присутствующим. Бытие, не имеющее Места, теряющее его, опять возвращается из непотаенности в потаенность. Таким образом, Место — четвертое измерение *собственно времени*. Основная функция времени — развитие бытия из потаенности в непотаенность и обратно. Такую интерпретацию времени Хайдеггер находит у греков, в частности у Парменида: «впускание присутствия» названо временем. Что такое настоящее? — Открывание потаенного. Что такое прошлое? — Скрывание непотаенного. Что такое будущее? — Потаенное, которое, возможно, станет непотаенным. Одновременно проясняется смысл «присутствующего»: с открытием непотаенности приходит «присутствие», обретение Места, пространственной характеристики бытия. Время — способ заполнения «просвета в бытии» — от прошлого к настоящему и будущему: время не только обнаруживает «просвет», но и

в принципе могут контролироваться человеческим разумом, так же как и технические достижения, и не могут использоваться во вред природе и человеку (подробнее см.: [6, 15, 16]).

удерживает его, «длит», устанавливая связь между прошлым и настоящим, настоящим и будущим, прошлым и будущим. Во времени существует «событие». И это значит, что какие-то проявления бытия «касаются» человека, «соприкасаются» с ним и, тем самым, «сбываются».

На наш взгляд, характеристика связи времени и бытия, данная М. Хайдеггером, точно описывает ситуацию, когда время *проходит «сквозь» жизнь*, высвечивая ее закон, *конструируя «судьбу» и личность*. Эта характеристика в наибольшей степени присуща *ноосферному времени*.

Восстановление утраченной и построение жизнеспособной целостности путем введения новых системообразующих свойств и отношений предполагает решение *проблемы идентификации личности во времени*. Пребывая в пограничной ситуации, человек «ни с чем не может себя отождествить» — ни с прежним собой, ни с другими, ни с прежде любимыми делами и увлечениями. Внешние, внутренние, трансцендентальные смыслы бытия исчезают. В этой ситуации для осуществления самоидентификации, как правило, отыскивается определенный *вектор времени*, в котором человек ощущал себя целостным и жизнеспособным — детство, юность, зрелый возраст, даже старость или смерть. Содержание этих периодов весьма разнообразно: скажем, в детстве ощущение гармонии с миром и целостности бытия дает чувство защиты, возникающее при воспоминании о доме, о любви родителей; в юности — воспоминание о студенческих годах; в зрелом возрасте — об успехах в делах, о любви к семье и детям; в старости — осознание мудрости, даже смерть воспринимается не как необратимый конец существования, а как переход к новому качеству жизни, жизни вечной. Не случайно в последние годы жизни многие люди становятся искренне верующими. Все эти способы самоидентификации основаны на диалектическом взаимодействии измерений времени: прошлое в настоящем, будущее в прошедшем, настоящее в будущем

и

т. п.

В структурном инварианте здесь — определение отношения смысла собственной жизни к безусловному началу, стремление к воскресению души, к обретению внутреннего психологического стержня, «Бога живого человека» (А. П. Чехов). Духовное содержание личности — это то, что делает человека самим собой. Самоидентификация в пограничной ситуации происходит в ноосферном времени.

Итак, главная функция ноосферного времени — «склейка» разных модусов времени при «распаде связи времен», продление «просвета» в бытии для понимания его сущности. Но, как видим, «просвет» может иметь не только креативный, но и глубоко трагический смысл. Экзистенция человека предполагает две эссенциальные ипостаси — «путь жизни» и «путь смерти». Первый — путь познания и понимания себя, других людей, мира. Это путь созидания креативной целостной личности. Это «просвет», выход бытия из потаенности в непотаенность. Второй — «дыра в бытии», разрушение целостности, уход из открытости в неконструктивную замкнутость, в полную метафизическую смерть. Если первый путь связан с реализацией потенции ноосферного времени, то во втором случае время *неноосферно*. Именно здесь возникает проблема идентификации.

Итак:

1. Ноосферное время — вид антропологического времени; в нем определяется отношение содержания жизни человека к безусловному началу.

2. Чаще всего ноосферное время проявляется в пограничной ситуации («распалась связь времен»), когда утрачивается психологическая целостность и жизнеспособность человека. Главная функция ноосферного времени — восстановление психологической целостности и жизнеспособности.

3. В герменевтическом отношении ноосферное время призвано обнаружить «просвет», в который человек, «по воле» самого бытия, входит с вопросом о сущности бытия и смысле жизни. Задача ноосферного времени — вывести бытие из потаенности в «просвет», непотаенность, обнаружить истинную сущность бытия.

4. Пребывание в ноосферном времени разрешает задачу *идентификации*; последняя может быть утрачена в пограничной ситуации, в период глубоких жизненных кризисов, на грани жизни и смерти. Психологическая идентичность восстанавливается правильным выбором «вектора» времени, в котором адекватно определяется содержание смысла жизни.

5. Общие черты ноосферного времени:

— Коммуникативно-информационный характер: ноосферное время выступает как средство хранения, производства и передачи информации от поколения к поколению, от культуры к культуре [5; 8].

— Ноосферное время герменевтично: оно формирует модели общения и понимания — *собственно понимающую и интерпретационную*. В нем невозможно взаимодействие культур, находящихся в разном астрономическом или историческом времени, понимание событий, относящихся к разным историческим эпохам. Собственно понимающая модель, применительно к восприятию прошлого, предполагает построение системы знания, в которой концептуально-структурный уровень задается системой ценностей той эпохи, которую мы стремимся познать; скажем, события эпохи Екатерины II оцениваются исходя из культурных, политических, экономических условий России XVIII века. Но можно рассматривать события той эпохи и оценивать их прогрессивное или реакционное влияние на развитие России с современной точки зрения — это интерпретационная модель понимания [8].

— Формой существования ноосферного времени является *ноосферный диалог* [7]. При концептуально-структурной общности менталитетов возможен конструктивный диалог поколений и культур, принадлежащих разному историческому времени. Ноосферное время рассматривается как время Встречи людей, поколений, культур, близких по духу и ментальности.

— Ноосферное время креативно, системно, жизнетворно, обладает высоким энергетическим потенциалом, осуществляет ноосферный закон [5].

II

Для выяснения ноосферных смыслов времени, явно или скрыто присутствующих в содержании и структуре текста, проведем системно-герменевтический анализ стихотворений Ю. Левитанского [9]. Обратим внимание на следующие характеристики ноосферного времени: способность проходить «сквозь» душу и жизнь человека; явно присутствующие векторы существования — путь жизни и путь смерти, что указывает на всецело антропологический характер ноосферного времени; диалектичность, смену концептуально-мировоззренческих установок; неперемное присутствие экзистенциальной ситуации; основные черты ноосферного времени — системность, жизнетвор-

ность, способность формировать целостность личности, креативность, воплощение ноосферного закона: информация генерирует энергию, энергия структурирует «вещество». Заметим, что в разрешении экзистенциальной ситуации важное значение имеет катарсис и последующее прозрение, понимание смысла жизни. Просматривается связь ноосферного времени с позитивным пониманием смысла жизни; взаимосвязь профанного, неноосферного, времени с сакральным его смыслом. Носитель ноосферного времени — ноосферный диалог [7], который, на наш взгляд, является необходимым условием конструктивного диалога поколений и культур. Всегда ли возможен такой диалог? С теоретико-системной точки зрения он возможен, если вступающие в диалог люди и сообщества обладают концептуально-структурной общностью тезаурусов, миропонимания, стиля мышления, эмоционально-психологического склада, содержания системы ценностей и деятельностных установок, главным образом нравственных. Каждый человек должен видеть в другом не врага, а друга, не средство, а цель, не объект потребления, а субъект бытия, живое существо, за здоровье и сохранение жизни которого он в ответе перед каждым другим человеком, человечеством и высшим законом бытия. Это путь *ноосферного человека*. В этом главный смысл и функция ноосферного времени: пребывающий в нем человек сначала осознает себя как целостную, креативную, жизнеспособную, жизнетворную личность, а затем и формирует себя таким.

Человек живет в двух типах времени: *внутреннем* и *внешнем*. Внешнее время связано с включением в природный или социальный контекст. Природный контекст — смена дня и ночи, времен года, климатических поясов и т. п.; социальный контекст — смена эпох, экономических и политических условий, культурных контекстов бытия, контекста мирного существования или социальных катаклизмов и т. п. Сохранение в своем мироощущении осознания «внутреннего» времени — впечатлений детства, юности, зрелости, воспоминания о времени любви, удач, ярких событий в жизни, ощущения счастья — все, что оставляет в памяти ощущение полноты и радости жизни или сожаление о бездарно потраченном времени, — это свидетельство присутствия периодов ноосферного времени в жизни человека. Напротив, если жизнь была благополучной, сытой, размеренной, однообразной, но не содержала творческого потенциала, если в конце ее человек не может вспомнить ничего хорошего и не очень сожалеет о ней, — такую жизнь ноосферное время не затронуло, не прошло «сквозь», а всецело осталось внешним физическим временем. Безусловно, внутренним временем отмечены этапы жизни — рождение, детство, юность, зрелость, старость и смерть. По существу, в каждом периоде есть сакральный смысл, который человек разгадывает, отвечая на вопрос о смысле жизни; в каждом из видов внутреннего времени содержится основание ноосферного времени. Но не всякое внутреннее время отмечено свойством ноосферности. Ноосферно лишь то время, располагаясь в котором *события образуют целостность*, сама личность формируется как целостность, яркая, жизнеспособная и жизнетворная, креативная, обладающая пассионарностью, выбирающая путь жизни, владеющая знанием и практическими навыками борьбы со злом, смертью.

Границы между разными видами понимания времени — ноосферным и неноосферным — подвижны: одно время может диалектически преобразоваться в другое; это зависит не столько от обстоятельств места и времени,

сколько от личностных качеств человека, его свободной воли в преодолении психологических кризисов, в борьбе со смертью.

Перейдем к анализу смыслов ноосферного времени в стихотворениях Ю. Левитанского.

* * *

Все сущее мечено временем.
А вот замечается вновь,
Что время рифмуется с бременем,
С любовью соседствует кровь.

Старинные связи не сломлены
И медленно сходят на нет —
Так прочно они обусловлены
Всем опытом прожитых лет.

Нам годы минувшие помнятся,
Не так наша память слаба.
А все же смотрите, как полнятся
Значением новым слова.

Иные уходят в предание,
Иные лишь стали верней.
Я в будущем вижу братание
Не схожих по виду корней.

Надежными узами связаны,
Сроднившись на все времена,
Там пальмы рифмуются с вязами,
С планетою нашей — луна.

И больше не кажется странностью,
То детям известно давно, —
Что время рифмуется с радостью,
Что людям созвучно добро.

* * *

Каждое утро
Ходит отец за хлебом.
В булочной рядом
Он покупает хлеб.

Он возвращается
С черным и белым хлебом
И режет торжественно
Черный и белый хлеб.

Сердится мама:
— Куда нам так много хлеба!
Вот и вчерашний даже
Не съели хлеб...

Но завтра опять берет он
Две булки хлеба
И режет старательно
Черный и белый хлеб.

Милые, полно,
Чего уж тут пререкайся!
Ведь между вами
Других разногласий нет.

...О, голодная память
Далеких эвакуаций,
Трудная память
Наших военных лет!

В первом стихотворении вначале даны неноосферные смыслы времени, закодированные в рифмах: «время — бремя», «любовь — кровь», — словно жизнь, отмеченная временем, осмысленная в нем, непременно толкает человека на путь смерти. Такое восприятие связано с телесной конечностью человека, запрограммированностью его жизни «внешними» обстоятельствами. Это мироощущение создает экзистенциальную ситуацию, которая требует разрешения через катарсис и смену мировосприятия. Поэт обращается к «внутренней» временной структуре — «детскости», вспоминает детское восприятие мира, яркость событий, их жизнеутверждающий пафос, доброе начало жизни, объединяющее людей. Уровень восприятия мира обыденным сознанием заменяется более высоким, ноосферным, и новые рифмы производят новые, ноосферные, смыслы времени: время рифмуется с радостью, людям созвучно добро.

С теоретико-системной точки зрения изменяется концептуально-структурный уровень миропонимания — путь смерти заменяется путем жизни. Изменение жизни во времени преобразует структуру самого времени: вначале время, «проходя сквозь жизнь», разрушает ее, потом, при смене мировоззрения, приобретает созидательный характер. Модель времени никак не совместима с физическими и математическими моделями линейного или многомерного, или циклического времени, свойственного неодухотворенной природе. Это и не многомерные модели пространства-времени. Само время — качественно понимаемая вещь, и модель — не количественно-математическое, а качественно-структурное описание. Это время «будущее в прошедшем»: конструктивный, жизнотворный смысл жизни — в прошлом, в «детстве»; нужно осуществить «воспоминание души», восстановить детское мироощущение, тогда и восстановятся ноосферные смыслы времени.

Второе стихотворение ярче описывает экзистенциальную ситуацию, определившую мировоззрение героя — отца, и модель восприятия времени: «прошлое в настоящем». Каждое утро отец ходит за хлебом и покупает его, потому что семья наголодалась в войну. Мать сердится — ее память отказывается хранить зло, а отец помнит: экзистенциальная ситуация не пережита, катарсис не произошел, и отец покупает хлеб. *Хлеб — символ жизни*, потому что в реальных условиях голода — это необходимое условие выживания. Опять-таки смена картины мира в сознании человека, пережившего войну: ощущение «смерти» в концепте миропонимания еще не готово уступить место концепту «жизнь». Но... если в концепте — «хлеб», то, тем самым, *жизнь*; и, вероятно, скоро отец научится верить в жизнь и радоваться ей: если есть хлеб, то есть жизнь. «Хлеб наш насущный даждь нам днесь»: можно вести обычную, будничную жизнь, но она будет иметь сакральное содержание и длиться в ноосферном времени, если в ее концепте — уважение к хлебу. Хлеб выполняет функцию концептуально-структурной составляющей целостной, мирной, спокойной, трудовой, созидательной жизни. Пока существует хлеб, концепт и структура жизни — константы.

Время проходит «сквозь» жизнь человека, ставя перед смертью, заставляет «пережить» смерть, катарсис и воскресение, сакрализуя смысл жизни.

Смерть

Я давно знаю,
Что, когда умирают люди
И земля принимает
Их грешные тела,

Ничего не меняется в мире —
Другие люди
Продолжают вершить
Свои будничные дела.

Они так же завтракают.
Ссорятся. Обнимаются.
Идут за покупками.
Целуются на мостах.

В бане моются.
На собраниях маются.
Мир не рушится.
Все на своих местах.

И все-таки каждый раз
Я чувствую — рушится.
В короткий миг
Особой той тишины

Небо рушится.
Земля рушится.
И только не видно этого
Со стороны.

В стихотворении «Смерть» осмысливается экзистенциальная ситуация, связанная с пониманием неизбежности физической смерти. Сюжет: люди неизбежно умирают, их грешные тела предаются земле, но оставшиеся продолжают жить, делать будничные дела, вести себя так, будто ничего не случилось, ничего не меняется и мир не рушится. Поэт говорит, что в действительности в это мгновение мир меняется радикально, мир рушится необратимо, мир умершего человека исчезает безвозвратно. Экзистенциальная ситуация, связанная с физической смертью, кажется неразрешимой: воскресения не будет — путь смерти неизбежно завершает жизнь. Системологически это система — замкнутая, в концепте которой смерть. И продолжающаяся будничная, то есть физическая, жизнь других людей несет в себе тот же закон смерти. Физический конец человека означает его духовную смерть. Воскресение к новой жизни — «смертью смерть поправ» — поэт исключает. Это вариант *неноосферного времени*, и вопрос о принципиальной ноосферности жизни человека остается открытым. Его положительное решение напрямую связано с решением вопроса о сущности духовности и проблемой *идентификации духовной и личностной сущности человека во временных границах* — земной жизни и за ее пределами. В других стихотворениях Ю. Левитанского находим иное, неэсхатологическое решение проблемы. Если концепт и структура личности психологически, интеллектуально и нравственно сформировались при «земном» времени, то уходя в вечность, личность оставляет на Земле свое духовное наследие, которое используют, продолжают, развивают другие люди. Наблюдается преемственность концептуально-структурной компоненты духовного содержания личности, а это — основание преемственности поколений, преемственности культур.

Заметим, что в стихотворении «Смерть» — «распалась связь времен»: здесь нет ни прошлого в настоящем, ни будущего в настоящем, ни настоящего в будущем и т. п., существует лишь Ничто, пустота временная, пространственная, бытийная.

Элегия

Тихо. Сумерки. Бабье лето.
Четкий, чистый, щемящий звук,
Будто дерево рубят где-то.
Я засыпаю под этот звук.

Они идут, приминая травы.
Они топорами облечены.
Я знаю — они, дровосеки, правы.
Эти деревья обречены.

Сон происходит в минувшем веке.
Звук этот слышится век назад.
Ходят веселые дровосеки,
Рубят, рубят вишневый сад.

Но птица вскрикнула, ветка хрустнула,
И в медленном угасании дня
Что-то вдруг старомодно грустное,
Как дождь пронизывает меня.

У них особые на то виды.
Им смешны витающие в облаках.
Они аккуратны. Они деловиты.
У них подковки на сапогах.

Ну, полно, мне-то что быть в обиде.
Я посторонний. Я ни при чем.
Рубите вишневый сад! Рубите!
Он исторически обречен.

Вздор — сантименты. Они тут лишни.
А ну, еще разик! Еще разок!

...И снова снятся мне вишни, вишни,
Красный-красный вишневый сок.

В стихотворении «Элегия» — возвращение времени: прошлое в настоящем и будущем. Но это *возвращение смерти*, рубка вишневого сада — путь смерти, причем смерть переходит во времени, потому что она — концептуально-структурный аспект сущего. Позиция поэта иная, чем в стихотворении «Смерть»: он не согласен с перманентно действующей смертью, ее постоянным возвращением во времени. Вишневый сад — цветущий, плодоносящий — символ жизни, ее всюдности, целостности. Концептуально-структурно *жизнь духовна*. Она не может быть разрушена ни как способ бытия одного человека, ни как бытие человеческого сообщества. Преемственность смерти иллюзорна, связана с механическим, циклическим повторением одних и тех же процессов уничтожения жизни, которая кажется обреченной. Но жизнь побеждает, она — концепт и структура бытия: «И снова снятся мне вишни, вишни, красный-красный вишневый сок». Именно жизнь в концепте обуславливает связь времен, неизбежность существования прошлого в будущем и будущего в настоящем и прошедшем. Концептуально-структурно текст константен, субстратно открыт.

Обращает на себя внимание созвучность содержания стихотворения с современной социальной ситуацией в России. Все тяготы перестройки и перехода к капитализму фактически несет на себе интеллигенция, наиболее духовно сформированный слой общества. И как всегда она более всего уязвима, страдает от негативных последствий социальных потрясений. Они, русские интеллигенты, *уходят* из этого времени, как уходят любимые герои А. П. Чехова, все время говорящие «не то», но не поступающиеся моральными принципами. Герои «Вишневого сада» у Чехова уходят временно побежденными, но не сломленными: они вернутся в другом времени, победа духа — за ними. Проблема личностной идентификации как необходимого условия жизнеспособности человека решена положительно: аналогия между человеком, живущим в ноосферном времени, и умирающим, но непременно возрождающимся вишневым садом, возрождающимся, потому что в нем необходимость и потребность самого мира, Космоса, рождающего порядок по законам Духа, — это изоморфизм жизнеспособных, креативных, целостных систем.

Там, где существует экзистенциальная ситуация, есть и проблема идентификации, потому что человек «ищет себя». И находит в ноосферном времени, там, где земное профанное время пересекается с вечностью. Точка пересечения — в прошлом, где цветущий, плодоносящий вишневый сад. Структура времени, проходящего «сквозь» бытие, воскресает: модель — «прошлое в будущем».

И еще два стихотворения Юрия Левитанского, смыслы которых выражают суть ноосферного и неноосферного времени.

Как показать зиму

...но вот зима,
и чтобы ясно было,
что происходит действие зимой,
я покажу,
как женщина купила
на рынке елку
и несет домой,
и вздрагивает елочкино тело
у женщины над худеньким плечом.
Но женщина тут, впрочем,
ни при чем.
Здесь речь о елке.
В ней-то все и дело.
Итак,
я покажу сперва балкон,
где мы увидим елочку стоящей
как бы в преддверье
жизни настоящей,
всю в ожиданье близких перемен.
Затем я покажу ее в один
из вечеров
рождественской недели,
всю в блеске мишуры и канители,
как бы в полете всю,
и при свечах.
И наконец,
я покажу вам двор,
где мы увидим елочку лежащей
среди метели,
медленно кружащей
в глухом прямоугольнике двора.
Безлюдный двор
и елка на снегу
точней, чем календарь, нам обозначат,
что минул год,
что следующий начат.
Что за нелепой разной кутерьмой,
ах, боже мой,
как время пролетело.
Что день, хоть и длинней да холодней.
Что женщина...
Но речь тут не о ней.
Здесь речь о елке.
В ней-то все и дело.

В этом стихотворении выявляется символический смысл времени. Зима — метафора «пути смерти». Очень точно феноменологически описывается, как существует смерть: сначала она потаенная часть жизни, присутствует имплицитно на «празднике жизни», потом находит свой «просвет» в бытии и становится явной. Затем делает свое дело и опять уходит в потаенность. «Путь смерти» — время неноосферное, не созидательное, а разрушительное. В концепте здесь смерть абсолютная, метафизическая, смысл «смертью смерть поправ» отсутствует. Доминирует смысл: небытие, пустота — вечны, жизнь — флуктуация в этой вечности. Проводится аналогия между жизнью елки и человека. Поэт постоянно напоминает, что «женщина тут вовсе ни при чем, здесь речь о елке...». Именно это напоминание настраивает читателя на аналогию типа изоморфизма: речь фактически о жизни и смерти человека, проблема смысла жизни и смерти, рассказ о том, как взаимодействуют жизнь и смерть в коротком промежутке астрономического времени.

Сначала мы видим, как женщина готовится к празднику, встрече Нового года: она купила елку и несет ее домой. Елка срублена, фактически *убита*, но она, елка, «не понимает» этого, ощущает себя живой и тоже ждет праздника. Не понимает и женщина, что несет «на худеньком плече» смерть, убитое живое существо. Затем «умершая внутри» елка на балконе ожидает праздника. А женщина? Она тоже ожидает праздника, хотя, как и всякое живое существо, смертна и несет в себе смерть на протяжении всей жизни. И вот — «праздник жизни»: елка в мишуре и при свечах, видимо, и женщина отдается светлому чувству радости жизни, забыв о смерти внутри. Вот здесь, может быть, «просвет», в который врывается ноосферное время, созидательная струя жизни, непотаенность. А дальше все опять поглощается смертью, уходит в потаенность: холод, снег, неживая елка *лежит* на снегу во дворе. Год минул, начинается новый. Астрономическое время неумолимо и линейно движется вперед, может быть, к вечности, но эта вечность не жизнотворна, а однообразна и безлика как энтропия, и холодна как зима. Чуда не случилось: время не продлило жизнотворный «просвет», не установило «связи времен»; в «просвете», в конечном счете, оказалась не вечная жизнь, но вечная смерть. Время, выполняя все свои экзистенциальные функции, не становится временем жизни вечной, ноосферным временем. Вопрос о реальной возможности ноосферного времени в этом стихотворении остается открытым. Смысл стихотворения глубоко трагичен: время проходит «сквозь» жизнь — елочки и женщины, — но не воскрешает, а убивает, так как в концепте несет смерть.

И еще одно стихотворение Ю. Левитанского о смысле смерти. Оно более «оптимистично»: человека убивает не время, человек сам выбирает свой путь смерти. Здесь речь не о профанном, эмпирическом времени, а о сакральном, мифологическом.

Меж двух небес (начала и конца),
 Меж двух стихий (как в кресле брадобрея —
 Меж двух зеркал), стремительно старея,
 Живешь на этом тесном пяточке,
 В двух зеркалах бесчисленно повторяясь
 И постепенно в них сходя на нет,
 Там, за чертой, за гранью дней и лет,
 Последним звуком нисходящей гаммы.

Две бронзы. Две латуни. Два стекла.
 Два тонких слоя ртутной амальгамы.
 Вот тайна и развязка этой драмы.
 Меж двух стихий (начала и конца),
 Меж двух страстей (как в кресле брадобрея —
 Меж двух зеркал)...
 Гораций и Катулл,
 Шекспир и Дант сидели в этом кресле.
 Они ушли. Они навек воскресли
 И в глубине зеркал остались жить.

Ну что ж, мой друг, приходит наше время.
 Эй, брадобрей, побрить и освежить!..
 И вдруг поймешь — ты жизнь успел прожить,
 И, задохнувшись (годы пролетели),
 Вдруг ощутишь, как твоего чела
 Легко коснулись вещие крыла
 Благословенной пушкинской метели...

Ну что ж, мой друг, двух жизней нам не жить,
 И есть восхода час и час захода.
 Но выбор есть
 И дивная свобода
 В том выборе, где голову сложить!

Здесь также действует время, проходящее «сквозь» жизнь. Человек осмысливает себя во времени как в пограничной ситуации: «меж двух небес, начала и конца, меж двух стихий...». Жизнь пролетает быстро, смерть — вечное небытие. Но время не всецело профанно, в нем есть отношение к вечности: Гораций, Катулл, Шекспир, Дант — «Они ушли. Они навек воскресли и в глубине зеркал остались жить». И опять — вопрос о смысле смерти. Поэта осеняет догадка: смысл смерти *в обретении свободы!* Это не абсолютная свобода в христианском смысле как воскресение к жизни вечной «смертью смерть поправ», а *свобода выбора* на пути смерти: «но выбор есть и дивная свобода в том выборе, где голову сложить». Вероятно, это высказывание следует понимать как выбор между смертью профанной — человека, обремененного болезнями и земными заботами, и смертью духовного человека, погибающего физически, но сохранившего в душе «Бога живого человека» и оставившего в сердцах других людей добрую память о себе. Время, проходя «сквозь» жизнь, одухотворяет ее, формирует целостную креативную личность, увеличивает «просвет», продлевает «присутствие личного бытия в его

отношении к вечности». Это ноосферный смысл времени. Смерть неизбежна, но не означает конца бытия; возможно, она ступень на пути к новой форме жизни — не физической, а духовной.

И еще одно стихотворение — «Разговор у новогодней елки». Это стихотворение хорошо известно как песня. В нем — диалог двух танцующих у новогодней елки людей. *Диалог — ноосферный*, потому что текст реплик участников диалога постепенно конструирует новую реальность, которая и называется «жизнью». Зима, символ смерти, скоро пройдет: «недолговечна ее кабала и опала».

— Что же из этого следует? — Следует жить,
шить сарафаны и легкие платья из ситца.
— Вы полагаете, все это будет носиться?
— Я полагаю, что все это следует шить.

Время также «сквозное», но в его концепте — *жизнь*. И потому оно оживляет участников диалога, увеличивает «просвет» в бытии, продлевает «присутствие» жизни, дарит радость, делает людей счастливыми, восстанавливает связь времен, снимает напряжение экзистенциальной ситуации. И хотя ситуация земная, профанная, но сам праздник Нового года — сакральное действие, это праздник начала Космоса, который в древней философии считался живым и даже личностным, следовательно, знаменуемое этим праздником время — сакрально, ноосферно. И. Кант писал, что люди должны жить так, чтобы быть достойными счастья, и в этом выполнение нравственного закона. Но и сама жизнь — это дар судьбы: люди должны жить так, чтобы *быть достойными жизни...*

Библиографический список

1. Вернадский В. И. Размышления натуралиста : в 2 кн. М. : Наука, 1977. Кн. 2 : Научная мысль как планетарное явление. 368 с.
2. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М. : Наука, 1988. 520 с.
3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л. : Гидрометеиздат, 1990. 528 с.
4. Гумилев Л. Н. Этносфера : история людей и история природы. М. : Экопрос, 1993. 544 с.
5. Дмитриевская И. В. Коммуникативное пространство ноосферы // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2010. Вып. 2. С. 9—25.
6. Дмитриевская И. В. Ноосфера как системно организованное Всеобщее // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1997. С. 8—27.
7. Дмитриевская И. В. Ноосферный диалог — путь к созданию ноосферы // Ноосферные исследования. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2002. Вып. 2. С. 57—82.
8. Дмитриевская И. В. Человек в пространстве глобальных коммуникаций // Философская антропология и гуманизм / Владимир. пед. ун-т. Владимир, 2004. С. 220—251.
9. Левитанский Ю. Окно, горящее в ночи. М. : Эксмо, 2011. 320 с.
10. Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. М. : Сов. энцикл., 1980. Т. 1. 654 с.
11. Смирнов Д. Г. Семиософия ноосферного универсума. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 372 с.
12. Смирнов Д. Г. Семиотико-антропологическое измерение ноосферной истории: ноосемиогенез в работах А. Н. Портнова // Неизреченное слово : памяти профессора А. Н. Портнова. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. С. 249—257.

13. *Тейяр де Шарден П.* Божественная среда. М. : Ренессанс, 1992. 312 с.
14. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М. : Наука, 1987. 240 с.
15. *Уемов А. И.* Системный подход и общая теория систем. М. : Мысль, 1978. 272 с.
16. *Уемов А. И., Сараева И. Н., Цофнас А. Ю.* Общая теория систем для гуманитариев. Варшава : Universitas Rediviva, 2001. 276 с.
17. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997. 452 с.
18. *Хайдеггер М.* Время и бытие // Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Республика, 1993. С. 391—407.

ББК 60.023

Г. С. Смирнов

ЦЕФАЛИЗАЦИЯ НООСФЕРЫ: ЭВОЛЮЦИЯ РАЗУМНОГО ВЕЩЕСТВА НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛИТИЙ

Показано, что применение принципа подобия позволяет представить проекцию процесса биологической цефализации в биосфере на формы социальной, государственной, технической и компьютерной цефализации ноосферы.

Ключевые слова: цефализация, вселенское чувство, эволюция мозга, синергия разума, цефализация ноосферы.

The article deals with phenomenon of cefalization of noosphere.

Key words: cefalization, sense of universe, evolution of brain, cinergy of mind, cefalization of noosphere.

Когнитивный универсум и ноосферная реальность

Специалисты в области когнитологии утверждают, что человек в своих познавательных возможностях предстает единым в трех лицах: как крокодил, как лошадь и как человек — в соответствии с историческими формами эволюции мозга. Аристотель рассматривал эту проблему в контексте более широко, его «универсальный эволюционизм» изображал душу в трех измерениях — душа растительная, душа животная, душа человеческая. История философии знает и еще более широкие модели растворения во вселенной отражательно-познавательных способностей: панпсихизм предполагает самоотражение Универсума, Вселенная выступает как самонаблюдатель и как самосозидатель по герметическому принципу подобия. В этом смысле эволюция разума Вселенной предстает как филогенез, а формация земного разума человечества как онтогенез. Естественно, что процесс онтогенеза земной ноосферы идет значительно быстрее, чем эволюция разума организма вселенной, течение беременности человеческого разума схоже с беременностью, порождающей человеческую телесность (в соответствии с законом Геккеля — Мюллера).

© Смирнов Г. С., 2012

Так выстраивается стрела *ноосферного времени*, первые подходы к анализу которого осуществляли П. Тейяр де Шарден (преджизнь — жизнь — разум) [9] и В. И. Вернадский (пространство и время в живой и неживой природе) [4]. Синергетика разума (на философском языке точнее было бы сказать «синергия разума») на настоящий момент в достаточно полной мере отвечает методологической сложности репрезентации конвульсий мирового ноосферного сознания.

Современный разум, перманентно находящийся в точке бифуркации, существует даже не в трех измерениях (крокодила, лошади и человека), а в значительно большем количестве трансграничных версий самоидентификации и самореализации. Современная ноосфера думает когитомодусами не только домашних животных, но и диких животных: выбрасывающиеся на берег киты в последнее время сменились увечащими людей акулами. Еще более суровы формы геологического мышления Геи (Д. Лавлока), ибо стихийные бедствия всегда лишь последствия колоссальных информационных подвижек биосферно-ноосферного развития. Мертвая когнитология современной техногенной цивилизации душит, судя по всему, не только живую природу, но и живого человека: все, кто не обслуживает современную техносферу, предстают как лишние люди, в сообществе техно-людей экологическая ниша ноосферных людей становится все незаметнее, человеческий разум все более вытесняется псевдоразумом компьютерных систем, имеющих свои значительные ограничения не только по когнитивному потенциалу, но и даже по когнитивным ресурсам. Конечно, техномыслящая ноосфера как этап субстанционального развития человеческого разума вполне закономерна и даже оправданна, но институциональная абсолютизация этой преходящей формы может оказаться чрезвычайно губительной.

На повестке дня — когнитивная человеческая революция, которая позволит преодолеть геоархетипы пресмыкающегося, все без разбору пожирающего крокодила и подневольно и неосмысленно работающей без обозначения цели лошади. Когнитивный взрыв не ограничивается лишь информационным взрывом, более того, думается, что они не столько друзья, сколько враги: неравновесность и негармоничность когнитивного универсума порождают диссонансность ноосферной реальности.

В течение долгого времени управленческие процессы в становящейся ноосфере носили субъектно-монархический, группо-олигархический или коллективно-классовый, т. е. заведомо когнитивно ограниченный, характер. Только в эпоху глобально-коммуникативного общества появляется возможность создания не анти- или псевдодемократических механизмов манипулирования социумом, но сетевой организованности когнитивного потенциала ноосферно-эволюционирующего человеческого сообщества с целью форсирования коэволюционных процессов взаимодействия общества и природы, биосферы и цивилизации.

Когнитивная синергетика — одна из важнейших предпосылок ноосферного развития в третьем тысячелетии [10]. Ноосферное человечество предстает в этом плане как единый и взаимосвязанный когнитивно-информационный и ноосферно-семиотический универсум, самосозидающий аттракторы и поисковые деятельностные формы предустановленной гармонии. Ноосферная монада как коллективно-соборное человечество — своеобразное следствие когнитивной пантомии, начинающей обозначать себя даже в столь несовершенных формах виртуальной (информационно-компьютерной) реальности.

Истоки проблемы ноосферной цефализации

Платоновская мудрость сохранила для современного человечества представления о Вселенной как Живом Космосе: Вселенная — организм, подобный организму человека, из этой мировоззренческой конструкции вырастает представление, которое в действительности отвечает биосферному видению мира: живое и неживое вещество вступают в сложнейшие соотношения между собой, организовывая тем самым не только планетарную, но и космопланетарную организмическую целостность. Таким образом, идея В. И. Вернадского о биосферности бытия и о процессе перехода биосферы в ноосферу [3], оказывается, имеет более широкое значение, чем могло бы показаться вначале, она весьма эвристична для понимания процессов, происходящих в становящемся глобальном человечестве.

Герметические принципы и цивилизационная цефализация

Принцип подобия, взятый из герметической философии, представляет собой самый убедительный пример выхода не только в формы верха и низа, но и в формы правого и левого, тем самым позволяет угадать форму бытия, невозможную (и не данную) для органов человеческого тела, именно *мозг оказывается главным чувствилищем вселенной*, выходя даже за пределы максимально возможного *сердечного чувствилища*, не говоря уже о традиционных 5 чувствах. Так принципиально переформатируется вся гносеология, построенная на традиционных подходах материально-физиологического взгляда на природу человека (которая в этом случае фактически исключает космическую модусность человека: космическая гносеология не выходит за рамки философии, она только неизмеримо расширяет гносеологическое пространство человеческого бытия). Современная наука подошла к тому времени, которое реально делает человека космическим гнозисом.

Вселенское чувство миробытия

Представление И. И. Лапшина о вселенском чувстве, присущем человеку, его отраженности в мировой литературе, дает возможность не только выйти на новый гносеологический уровень, но и обнаружить значимость экологии разума для выявления специфики «ноосферного перехода». Вселенское чувство человека позволяет понять космическую природу человеческого сознания, установить космопланетарные формы тождества абсолютного максимума и абсолютного минимума.

Философия универсального эволюционизма предполагает выстраивание процессов коэволюции в системе «Человек — Общество — Природа», взятой как максимально возможная, охватываемая наукой (и более широко — сознанием) целостность. Антропологическая досягаемость и достигаемость Вселенского бытия в значительной мере и определяет преодоление агностицистического парадокса («чем больше знаешь, тем больше не знаешь»). Критерий сознаниевого обозначения окружающей среды для каждого человека свой, и определяется он спецификой космогенетической, биогенетической, социогенетической и культурно-генетической наследственности.

Цефализация как духовная инициация

Примером гностической инициации может служить знаменитая картина М. Н. Нестерова «Видение отроку Варфоломею», в которой задается способ понимания как расширения окружающей среды: только выйдя за рамки старой — прежней, предшествующей — системы возникает возможность переосмыслить взглядом издалека прежний объем телесно-духовной погруженности в бытие. Именно так работает в антропологическом контексте теорема Геделя о неполноте. Выход из этого познавательного тупика обычно совершается через индукцию, аналогию (как своего рода расширенную индукцию, в которой вывод делается не из одного единичного суждения, а *через* или *посредством* схожести нескольких единичных суждений).

Истоки парадигмы цефализации

В индийской философской традиции сформировалось представление о том, что каждый человек есть своеобразные глаза и уши вселенной, вселенная чувствует саму себя посредством людей, которые неотрывны от ее организма. С философской точки зрения эта ситуация предполагает наличие проблемы постижения клеткой огромного организма самого этого организма. Даже нервная клетка не может обладать полной информацией об организме, такого рода полная информация о пребывании организма в среде обитания должна быть дана организму через мозг, который и является в этом случае системой большей, нежели сам организм как форма биологической субстратности. Весьма важно в этом плане и то, что в человеческом организме происходят экологические процессы взаимодействия (отношения) живого и неживого вещества. Однако полевые отношения в данном случае предстают в качестве важнейших, ибо они могут оказаться системообразующими.

Космос организма человека — 300 трлн клеток организма, 100 млрд нервных клеток, 15 млрд нейронов. Биосферный (ноосферный) космос — 15 млрд людей на планете Земля (по подсчетам С. П. Капицы, население Земли не должно превышать 11 млрд человек). Уже в этом контексте мозг человека, управляющий организмом, количественно подобен возможной человеческой структуре ноосферы. Проблема заключается в том, как выстраиваются отношения между людьми — есть ли похожесть между такого рода людскими коммуникативными взаимодействиями и взаимодействиями между нейронами в логике эволюции живого вещества.

Г. П. Аксёнов, анализируя труды Вернадского, посвященные процессам цефализации, напоминает: «Энцефалоз, или цефализация, — палеонтологический термин, который обозначает увеличение массы и повышение организации головного мозга организмов в процессе эволюции. Введен в науку американским геологом Дж. Дана (Dana) (1813—1895). Дана рассмотрел цефализацию на примере ракообразных и пришел к выводу, что головной мозг, в отличие от других органов, никогда с течением времени в ходе изменений организмов не деградировал, а постоянно прогрессировал. В. И. Вернадский возводит научное положение Дж. Дана в принцип и называет его в числе 20 важнейших эмпирических обобщений высшего ранга...» [1, с. 720].

Цефализация как процесс развития головного мозга многочисленных форм живого вещества, таким образом, есть процесс не просто биологический или биосферный — это процесс космический, ибо он представляет со-

бой способ адаптации к космическому организму Вселенной. Вселенское чувствилище есть адекватная форма космического бытия человека.

Цефализация ноосферы — особая надсоциальная (метасоциальная, социоприродная) форма биосферно-цивилизационного развития, имеющая космическую телеологичность.

Биологическая и социальная цефализация

Исторический процесс развития человеческой цивилизации дает нам возможность проследить эволюцию (экологическую эволюцию) Разума на планете Земля. На первый взгляд, этим занимается антропология (философская в том числе), но в действительности полнота комплексности обеспечивается рассмотрением проблемы через призму биосферологии и ноосферологии как дисциплин, претендующих на предельную синтетичность. (Думается, что эта комплексность значительно шире, нежели агрегированность NBIC (нано-, био-, инфо-, когнито-), ибо в систему приоритетов, как это ни странно, не включена экология, а биология, как видно из контекста, в известной мере ограничивается лишь «большой генетикой».)

За период человеческой эволюции (эволюции *homo sapiens*) цефализация биологическая фактически переросла в цефализацию социальную (и выступает как специфическая форма социализации).

В XX веке отчетливо стало видно, что, *во-первых*, наряду с организованностью экономической цефализации (она всегда была ведущим фактором, но отчетливо эту мысль выразил Ф. Энгельс в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», а К. Маркс в «Капитале» раскрыл институционально-организационные формы), сложилась организованность социальной цефализации и техно-цефализации, *во-вторых*, наряду с формами национальной и региональной цефализации, постепенно сформировалась модель глобальной цефализации человеческой цивилизации (в этом смысле цефализация цивилизации предстает как одна из центральных проблем социальной философии в целом).

Цефализация: постнеклассический дискурс

Постнеклассическая наука предстает как расширенное поле человеческого космопланетарного бытия. В силу этого герметическая размерность философии позволяет осуществлять рефлексии (своего рода экоотражение) в трех параллельных дискурсах на трех уровнях бытия вселенной. Применительно к каждому философу высотность и низотность задается спецификой или концептуальностью философской теории. Например, В. И. Вернадский рассматривал онтологическое триединство как соединенность биосферы микрокосма и космоса Вселенной, при этом он считал, что научному исследованию «напрямую» доступна только биосферная реальность. В настоящее время происходит расширенное научное освоение мира, а значит, появляется возможность выстраивать научные путешествия в другие реальности: не только реальные, но и виртуальные, более того, задается пространство метавиртуальности — бытия сверхтонких миров в реальности нашего «привычного» мира. Тонкие полевые структуры вселенной, определяющие особенности природы и устройства головного мозга, доступны человеку именно в контек-

сте, связанном с мозгом как органом «вселенского чувства», которое пока дается не всем, но открыто как процесс его эволюционного развития. (В этом контексте размышление А. А. Зиновьева о человеичнике может иметь не только социологический или социально-философский смысл, но и космический смысл, ибо современное человечество во вселенной и может рассматриваться по своим когнитивно-познавательным возможностям как муравейник, а каждый человек как вселенский муравей, когнитивные возможности которого чрезвычайно малы по сравнению с «вселенским человеком».)

Институциональные формы ноосферной цефализации

Что же представляет собой цефализация человеческой цивилизации в контексте ноосферной самоорганизации? Прежде всего, это проблема формирования коллективного разума, который в определенных своих начальных формах носит характер государственного механизма, также эволюционирующего в процессе исторического развития, но в других формах предстает как сложнейшая социальная самоорганизация, которая иногда жестко противостоит государственной власти, а иногда, трансформируясь в процессе борьбы, сама обретает характер власти и в отдельных случаях становится государственной властью. Так, на протяжении последних столетий вступали в синергичное противостояние государственная власть и гражданское общество (которые, до известной степени, могут быть представлены как левополушарные и правополушарные способы освоения и регулирования социоприродной реальности).

Модусы лево- и правополушарности достаточно разнообразны. (Применительно к герметизму эта форма соотносительности вытекает из принципа пола, ибо нет большей дополнителности в системе социального бытия, нежели дополнителность мужского и женского как в системе биологического пола, так и социального пола, гендера.) Ян и инь предстают именно как формы ментального (даже изображение единства «ян» и «инь» в круге через волнистую разделительную линию похоже на структуру лево- и правополушарного мышления).

К числу такого рода дополнителностей принадлежит основное геополитическое отношение воды и суши, религиозное отношение небесного и земного, географическое отношение Востока и Запада, Юга и Севера. Важной разновидностью «полиполушарности» может служить географическое разделение земного шара на западное и восточное, южное и северное полушария. В геополитическом и культурологическом смыслах эта «целостная система» полуполушарности оказывает существенное влияние на ход мировой истории, при этом следует учитывать, что планетарная континентальность (пятизначная материковость) может оказаться весьма важной для понимания процессов цефализации, становящейся в историческом времени ноосферы.

Закон Геккеля — Мюллера «онтогенез повторяет филогенез» дает возможность понять структуру мозга как способ эволюции биосферного универсума, иными словами, структура мозга отражает процессы, происходящие не только в живом веществе, но и косном, которое включает и космос, понимаемый как неживое вещество. Рамон-и-Кахаль одним из первых ученых установил такого рода взаимосвязь между организованностью космоса и структурой человеческого мозга.

Однако еще более репрезентативный вариант связан с тем, как структуры космоса проявляются в системе общественных отношений, в целом в моделях цивилизационного развития, которые могут быть названы цефализацией цивилизации. Представление о *космической социологии* может показаться несколько выходящим за рамки научного дискурса, но при этом следует иметь в виду, что начало утверждения этого направления в системе общественно-гуманитарного знания связано с работами русских космистов, в том числе А. Л. Чижевского, обнаружившего взаимосвязь космоса и человеческой цивилизации на уровне воздействия Солнца на планетарный биологический и мировой исторический процесс. В данном случае целесообразно обратить внимание на религиозный и мистический русский космизм. Для него целостность Вселенной космической и Вселенной земной не подлежит сомнению и представляет собой аксиому, из которой проистекают все последующие размышления. Вышеотмеченные моменты свидетельствуют о том, что для представлений о цефализации ноосферы (цивилизации) сложились не только философские, но и общенаучные теоретические предпосылки. Цефализация ноосферы в философском дискурсе предстает в контексте анализа структуры общественного (общечеловеческого, глобального, ноосферного) сознания, при этом структура сознания предполагает экспликацию типов, видов, уровней и сфер сознания.

Особенности всемирно-исторического процесса показывают, что процесс цефализации ноосферы проходил и проходит в рамках достаточно сложных как трансформационных, так и катастрофических обстоятельств.

Проанализируем некоторые из возможных сюжетов подобия цефализации в биологическом смысле и цефализации в социальном (ноосферном) смысле. На первый взгляд в этом случае мы находимся в рамках традиционного позитивистского подхода, ибо пытаемся перенести биологические закономерности на закономерности социального развития. Такой вариант эвристичен и продуктивен в силу многообразной эмпирической операциональности, но в той проблемной области, которая обозначена выше, необходима более сложная форма комплексности, чтобы получить новые репрезентативные результаты. Думается, что в этом случае требуется вся методологическая мощь русского космизма, чтобы нетривиальность такого рода подхода позволила установить корреляционную связь между развитием «живого вещества и интеллекта на планете Земля» [6].

Дву(поли)полушарность мозга ноосферы

История человечества показывает, что наиболее значимыми полушариями мозга ноосферы являются церковь (от организаций жрецов до современных тайных и явных конфессиональных форм) и университет (как форма светской организованности глобального знания в точках региональной презентации).

Церковь в истории человеческой цивилизации предстает в качестве одной из самых первых форм цивилизационно-институциональной цефализации. (Родовые формы социальной цефализации носили лакунный и фрагментарный характер; используя метафору П. Тейяра де Шардена, можно было бы сказать, что «щепки» сознания-разума еще могли стать основой костров человеческой мысли.) Процесс социальной цефализации интенсивно пошел именно с эпохи возникновения цивилизаций, именно тогда стали возникать

устойчивые формы бытия сознания-разума, которые на протяжении нескольких тысяч лет совершенствовались в синкопическом ритмическом формате (что напоминает совершенствование современных компьютерных форм в XX веке, прошедших большой путь эволюции за время жизни одного человека).

Церковь строит преимущественно образные (образно-поведенческие), а университет — вербально-логические (научные и общенаучные) реальности. Процесс взаимодополнения знания и сознания — формирования цельного знания — проявляется в явном виде в том, что для большинства университетов характерно наличие приуниверситетских храмов. На более высоком уровне реальности такая взаимодополняемость проявляется в единстве науки и религии. В этом контексте следует сказать, что мозг современной ноосферы предстает (по меньшей мере) как четырехядерный процессор, в котором свои симультанные процессы осуществляют не только наука и религия, но и философия и искусство.

Формационно-цивилизационный подход и социальная цефализация

Цефализация ноосферы осуществлялась по формационному формату: для первобытного общества было характерно родоплеменное устройство разума, в нем работало не только мифологическое сознание, но и старейшинское обыденное сознание. Размышляя о процессах развития человека, Вяч. Вс. Иванов утверждает: «Когда мы поем, это уже ноосфера, вынесенная за пределы нашего организма» [5, с. 21].

Но решительный скачок в развитии ноосферной цефализации был связан с возникновением первых цивилизаций: формирование письменности и городской среды обитания было похоже на формирование тела аксона, соединенного с другими аксонами (городами-полисами) посредством «дорог-дендритов». В этой ноосферно-семиотической (коммуникационно-знаковой) системе отдельные люди выполняли функции обмена веществом, энергией и информацией как внутри города-полиса, так и по отношению к другим системам. Цивилизация выстраивает таким образом сложнейшую социально-семиотическую сеть, которая очень похожа на нервную систему, но именно так и начинается формирование психосферной и пневмосферной (социально-нейронной) системы. Скорость передачи энергии в этой системе определялась характером тягловой (людской или животной) силы, так же передавалась и информация. Итак, специфика общественно-экономических формаций обуславливалась не только системой производительных сил и производственных отношений (это своего рода внешние факторы — формы вещной видимости), но и процессом обмена веществом, энергией и информацией в той или иной социально-экономической системе.

Специфика такого рода социально-культурной цефализации была напрямую связана с особенностями языкового взаимодействия: разноговорящие и разнопонимающие человеческие субстанции искали и находили способы коммуникации, обеспечивающие формирование Всеединства (в данном случае семиотического всеединства). В работах Вяч. Вс. Иванова показаны такого рода формирующиеся связи, в конечном итоге образующие семиотический универсум.

Семиотическая эффективность оказывалась важнейшим фактором выживания цивилизации, при этом наиболее действенными были простые жесткие

механистические формы передачи информации. Хорошим примером для пояснения данного положения является организация татаро-монгольского войска, в которой «цепная семиотическая реакция» осуществлялась с наименьшими искажениями и высокой эффективностью. В такого рода системах «людской» семиотики на первое место выступают личностные факторы вождя, предводителя, военачальника, если качества «главы» (головы) системы оказывались неадекватными, то эта система очень быстро вымирала. (Пример А. Македонского демонстрирует семиотическую эффективность идеальной системы с ведущим сильным звеном. Человек, обученный и воспитанный Аристотелем, своей исторической деятельностью показывает, что система с личностной организацией социальной цефализации осуществляет колоссальную по мощи цивилизационно-историческую работу.) Именно по причине того, что естественная цефализация наиболее органична для биосферно-ноосферной системы, такие формы, как самодержавие, королевская и царская власть, не утратили своего значения для самосохранения общества в его самых высоких ценностно-мотивационных проявлениях. Вместе с тем оказалось, что в плане биологической эволюции такого рода семиотическая доминантность чрезвычайно уязвима либо по причине того, что наследственная передача власти оказывается генетически экстремальной (так закончилась царская власть в России в силу наследственного заболевания цесаревича Алексея), либо по причине того, что власть может легко оказаться в руках властителей, не обремененных тысячелетними семиотическими традициями (социальными программами, веками доказывавшими свою эффективность в сохранении социально-генетических и культурно-генетических программ). Тоталитарные режимы псевдodemократического толка (типа фашистских и нацистских) окончательно похоронили идею «одновластия» в силу того, что эти режимы вели национальные государственные (этнонациональные и информационно-семиотические) образования к катастрофам. Сжигание книг, насаждение одномыслия с помощью средств массовой информации, уничтожение интеллектуального и культурного цвета государства — ее интеллигенции (какой бы противоречивой по своей натуре она не была) — все это свидетельствует о ярко выраженной семиотической деградации, которая в конечном итоге приводит к разрушению самого общества.

Так на протяжении нескольких тысяч лет сформировались модели национальной цефализации, каждая из которых отстаивала свою эффективность и приоритетность. Парадокс этого периода истории заключается в том, что отдельные этнонациональные образования хотели доказать свою «избранность» не столько силой ума и семиотическими ресурсами, сколько голлой силой, в этих случаях законы истории ставили их на свое место. Военные интервенции в Россию в начале каждого столетия на протяжении последних пятисот лет свидетельствуют о том, что хитрый русский разум оказывался сильнее военно-силовой машины: можно было проиграть дебют, но когда игра переходила в эндшпиль, достаточных ресурсов для победы у агрессора не оказывалось.

Именно эта историческая закономерность — энергетика социально-семиотических структур — помогла СССР в конечном итоге победить гитлеровскую Германию, но эта же особенность и привела к разрушению СССР в 90-х годах XX века. История России хорошо показывает, что семиотический потенциал предстает как основной ресурс выживания. К сожалению, нынешняя правящая каста не понимает этой важной исторической закономерности,

навязывая ненациональные семиотические конструкции, размывающие идентичность, которая всегда спасала российское государство перед лицом внешней экспансии, какую бы модальность она не носила: военную, культурную, демографическую, экономическую, экологическую, нравственную или эстетическую.

Ноосферная цефализация в XX веке

В первой половине XX века совершается революция в системах социальной цефализации: телеграфные и телефонные средства связи, многочисленные транспортно-инфраструктурные пути сообщения, телевидение позволяют визуально-образно установить единый информационный универсум. В. И. Вернадский отмечал среди специфических особенностей формирования ноосферы именно средства связи на основе электричества. Неклассическая революция в науке обеспечила переход на принципиально иную стадию оразумления человеческой цивилизации на основе техноэлектронной цефализации. Как показывают исследования историков и культурологов, именно XX век стал веком становления совершенно нового уровня коллективного разума человечества, а значит, и особой формы ноосферной цефализации. Предпосылки мирового правительства начали складываться именно в XX веке, хотя возникновение Лиги наций не предотвратило катастрофического развития событий, приведших к мировой войне, существование ООН показывает также очень скромные достижения мирового коллективного разума.

После Второй мировой войны сложилась не только система двух сверхдержав, но и система двух полушарий, которые в соответствии с геополитическим раскладом обозначались как СССР и США. Но для СССР, который только что выдержал тяжелейшее противостояние объединенной Европе, осуществлявшей агрессию против Страны Советов, конфронтация с США оказалась предельно тяжелой. СССР в этой так называемой холодной, а на самом деле «комплексной» войне потерпел сокрушительное поражение: тоталитарная семиотическая система была не в состоянии противостоять «рыночной семиотике», хотя советская разведка (как система «потайной семиотики») обеспечила СССР ядерный паритет и создала условия для временного равновесия сил. Когда Запад наконец-то осуществил принуждение России к миру и покорности, сделал ее своим неравноправным вассалом, то фактически была восстановлена историческая закономерность противоборства Запада и Востока, прелюдией которого в XX веке случайно (или совсем не случайно) оказалась Россия, всегда выступавшая своеобразным медиатором прямого и открытого противостояния двух полушарий и двух суперконтинентов (Евразии и Панамерики). После того как «даманский инцидент» показал формальное и фактическое противостояние СССР и Китая, СССР оказался в состоянии войны на два фронта (в этом положении в свое время находилась Германия, которую спровоцировали на начало агрессии против Советской России). При этом очень важно, что сформировалась некая семиотическая триадность — паритетность: китайский, российский и западный семиотические универсумы стали факторами *цивилизационной дополнителности*, в системе взаимодействий которых и будет, очевидно, выстраиваться новая *семиотическая геополитика*. Как считают некоторые специалисты, США, пытаясь столкнуть Россию и Китай, в некотором смысле просчитались, ибо в конечном итоге беспрецедентное ослабление и унижение России при-

вело не к триадности, а к диадности: новому противостоянию двух сверхдержав — США и Китая. Россия вновь заняла свое — подобающее ей — место «мозо-

листого тела» планетарного мозга человеческой цивилизации, тем самым еще более отчетливо показывая действие принципа подобия в эволюционном процессе развития нервной системы и головного мозга и соответственно несовершенного, раздробленного, неоптимизированного информационно-семиотическими потоками коллективного разума человеческой цивилизации, в истории которой на протяжении тысячелетий утверждалась логика естественного отбора и борьбы за выживание, все-таки отвечающей, судя по всему, больше биологической, нежели социальной природе человека.

Глобальный семиотический универсум — важное изобретение человечества, обозначившееся уже во второй половине XX века.

В это время происходит утверждение глобальной социально-техносферной цефализации, которая связана с созданием всемирных телефонных сетей, а затем и всемирного интернет-пространства.

Весьма интересны сюжеты цефализации ноосферы в контексте вещественно-энергоинформационного развития техногенной цивилизации. Электрические линии созидались по проторенным железным и автомобильным дорогам, затем эти линии дополнились радиолиниями. Следующий шаг в цефализации был обусловлен созданием системы беспроводной связи, которая в конечном итоге стала космической и, значит, глобальной. Образ земли стал похож на планетарную модель атома, в которой спутники (ИСЗ) выполняют функции электронов, формируется своеобразная спутниковая отражательно-зеркальная поверхность.

Несовершенство *ноосферы современной человеческой цивилизации* в значительной степени зависит как раз от несовершенства процессов социально-цивилизационной цефализации. В этом смысле интернет-цефализация как особый этап развития также представляет собой предпосылку для дальнейшего развития универсальной всеобщей связи всех членов человеческого сообщества, но уже на принципиально новой, может быть, совсем не техногенной, а биогенно-полевой субстанции, скорость передачи информации в которой значительно выше, нежели ограниченность скорости передачи информации скоростью света. Такая своего рода постнеклассическая цефализация представляет завершение классического и неклассического этапов цефализации. История мировой науки свидетельствует о том, что всеобщая связь людей земли носит не только вещественный и энергетический, но и информационный характер. Он, в свою очередь, связан с телепатическими способностями человека. В. С. Солоухин в одном из своих произведений («Капли росы») высказал мнение, что у первобытных людей была телепатическая способность, а затем человек утратил эту способность за счет форм языка и письменности. Не следует признавать данную интуицию научно проверенной и доказанной идеей, но осмысление ее весьма продуктивно. Даже учитывая неverifiedируемость этого положения, следует считать, что возможность подобной семиотической петли неслучайна, ибо человеческая природа бесконечна и разнообразна, т. е. безмасштабна.

Телепатическая цефализация

Начнем с многочисленных примеров, которые показывают наличие социально организованных проекций цефализации, связанных с нетехногенными формами. Прежде всего о таких формах свидетельствуют многочисленные религиозные верования: медитации, шаманизм, спиритические сеансы.

Пробыв несколько лет на Соловках, П. А. Флоренский совершает удивительное открытие, о котором немедленно сообщает академику В. И. Вернадскому (очевидно, ученый был уверен в том, что письмо с этим открытием обязательно дойдет до адресата и станет достоянием научной общности). П. А. Флоренский не смог донести до потомков учение о пневмосфере во всей его полноте (из опубликованных дневниковых и эпистолярных текстов, по крайней мере, это не следует), но совершенно ясно, что он много думал над данной проблемой. Формирование концепции пневмосферы есть результат многотрудного осмысления религиозной цефализации человечества. Церковно-храмово-монастырское пространство, очевидно, может быть рассмотрено как ярко выраженная институциональность цефализации.

Победа атеистического мировоззрения в России, связанная с господством государственнической религии в стране и постепенным утверждением положения о том, что «Бог умер», на достаточно продолжительный период времени, затормозила все иные формы цефализации, кроме научной, но сейчас имеется возможность осмыслить этот процесс во всей его полноте. (Пример развития научной мысли в СССР при всех его противоречивых моментах следует рассматривать как материально-вещественную цефализацию, создавшую в течение очень короткого времени сложнейшую систему перетекания научной информации в библиотечных средах, в научно-исследовательских институтах и центрах, в разнообразных формах межличностной научной коммуникации. Следовало бы даже сказать, что именно эта форма и представляет собой идеальный тип социальной цефализации, если учитывать, что он оказался эффективнее более изоциренных и по времени более продолжительных форм создания общечеловеческого религиозного сознания. Научные формы цефализации сделали то, что не смогли сделать религиозные и философские, — создали модели общечеловеческого характера. Именно по этой причине проблема цефализации человечества возникает на самом крутом — экспоненциальном — взлете эволюции человеческого разума, связанном с многообразными формами рационализма.)

Научный модус цефализации в значительной степени носит уже не стихийный характер, а организационно-управляемый, цели движения вперед известны и выстроены как цели достижимые в отличие от религиозных целей, которые недостижимы и как бы наперед неизвестны, точнее сказать, не поставлены, еще точнее сказать — поставлены не самим человеком, а «силами, над ним стоящими» и ему по каким-то причинам неведомыми. В основном кризис современной цивилизации и связан с тем, что человечество само захотело устанавливать себе цели, которые могут иногда и не вплестаться в ход развития разума, а лишь отвечать телесно-материальной бытийно-антропологической сущности.

**«Ноосферный человек»
как проявление «метасоциальной» цефализации**

• Серия «Гуманитарные науки»

На определенном этапе развития отечественной и мировой антропологии укрепилось мнение о том, что биологическая эволюция человека подошла к своему завершению, что в значительной степени человек оказывается в русле социальной эволюции. Это методологическое положение использовано в данной статье, в частности в представлениях о социальной цефализации. Однако примеры детей индиго заставляют посмотреть на данную проблему с несколько иной стороны: перед нами пример антисоциальной эволюции, ибо человек учится выживать не столько благодаря, сколько вопреки некоторым проявлениям «техно-социального прогресса». Первое обстоятельство связано с тем, что для них характерно обратное-попятное движение к утверждению примата (доминирования) образного правополушарного мышления. Это в некоторой степени свидетельствует об опережающем отражении биосоциальной эволюции: для прорыва в новую человеческую формацию необходимо изменение человеческого качества прежде всего на субстратно-сознательном уровне. М. Шелер в этом контексте говорил о «человеке религиозном», смысл которого следует понимать не в узком, а предельно широком значении данного понятия. Своя особая версия цефализации ноосферы может быть обнаружена в творчестве Д. Л. Андреева, который «мечтает об объединении в будущем всего человечества, независимо от расовых, национальных, политических, культурных и религиозных различий людей. Решающая ступень к достижению этой цели — создание великой федерации государств (ВФГ). Ей будет предшествовать международная лига преобразования сущности государства (ЛПСГ) со своими филиалами во всех странах...» [7, с. 26]. При этом имеется возможность посмотреть на проблему более широко: цефализация ноосферы в контексте Розы Мира — сложнейшая организация более чем двух сотен слоев Шаданакара, дающих представление об устройстве «ноосферного мозга» планеты.

Современный этап человеческой эволюции предстает как формирование «космического человека», в известном смысле — человека ноосферного [8]. Именно в процессе нового этапа цефализации и будет формироваться ноосферный человек.

Вторая особенность хомо индиго — сдвиги в организменно-адаптивной сфере, человек приучается все более жить в агрессивных условиях техногенной среды, отвечая в то же время на вызовы более совершенной в некоторых отношениях и по отношению к некоторым ситуациям информационной среды, создаваемой в процессах компьютерной цефализации. Современный человек понимает способности своего мозга как компьютера (еще раньше он понимал самого человека как машину) в соответствии с собственным социально-культурным несовершенством, но, очевидно, придет время, когда он осознает примитивность своих представлений о возможностях мозга и выйдет за пределы своей компьютерно-математической репрезентации. (Уже сейчас совершенно ясно, что мозг обладает теми возможностями, о которых написано в священных книгах, но которые в силу некоторых обстоятельств еще не проявились в формулах ноосферной космической цефализации.)

Пока человек не понимает своих еще не открывшихся, но, судя по всему, запрограммированных природой способностей (избыточностей) для свое-

го поставленного в повестку дня космического существования. Именно в этом смысле, может быть, и следовало бы говорить об открывающейся эре «космической цефализации», о которой грезил в своих провидческих книгах К. Э. Циолковский.

Цефализация как закон вселенской истории

Современное общество — не важно, как его называть: «капиталистическое», «потребительское» или «сверхпотребительское» — глубоко больное и предельно неэкологичное общество. В этом смысле цефализация обретает неожиданные формы: ее «космическое воление» оказывается сильнее, нежели материально-экономические процессы, задававшие в течение долгого времени не только понимание истории, но и ее реальное бытие. Цефализация в контексте вселенской истории может рассматриваться как ее главный закон, как, говоря языком постнеклассики, аттрактор процесса самоорганизации в космопланетарной системе «Человек — Общество — Природа».

Вселенская история — это по большому счету и есть процесс биологической и социальной цефализации (т. е. тех форм, которые нам на сегодняшний день известны), но в ее ткань, без сомнения, вплетаются и формы ноосферной цефализации, которые нам пока не в полной мере явлены.

Библиографический список

1. Аксенов Г. П. Комментарии // Вернадский В. И. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 663—729.
2. Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. М. : АСТ ; СПб. : Сова, 2007. 383 с.
3. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление // Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М. : Рольф, 2002. С. 242—470.
4. Вернадский В. И. Пространство и время в живой и неживой природе // Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М. : Наука, 1988. С. 210—384.
5. Иванов Вяч. Вс. Целесообразность человека // Новая газета. 2012. № 92. С. 20—21.
6. Казначеев В. П., Трофимов А. В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля : проблемы космопланетарной экологии. Новосибирск : Наука, 2004. 312 с.
7. Платонов Г. В., Косичев А. Д. Проблемы духовности личности : (состав, типы, назначение) // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1998. № 3. С. 16—33.
8. Маленков А. Г. Ноосфера и человек ноосферы. М. : Маджерик, 2009. 367 с.
9. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Наука, 1987. 240 с.
10. Хакен Г. Принципы работы головного мозга : синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М. : Пэр Сэ, 2001. 351 с.

ББК 60.032.2

А. В. Брагин

НООСФЕРНЫЙ СОЦИАЛИЗМ КАК ВАРИАНТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена актуальной научной, философской и социально-политической проблеме глобализации жизни человечества, а конкретно — ноосферному социализму как ее возможному варианту. Внимание акцентируется на анализе природы глобализационных процессов и обоснованности ноосферной модели, ее общих параметров.

Ключевые слова: глобализация, социализм, ноосфера.

The article is devoted to actual scientific, philosophical, socio-political problem of globalization of mankind's life, and specifically to the noospheric socialism as its possible variant. The attention is focused on the analysis of the nature of globalization processes and the validity of the model, its General parameters.

Key words: globalization, socialism, noosphere.

Находясь на позициях универсального эволюционизма, попытаемся взглянуть на процессы, происходящие с современным человечеством, его выбором будущего в широком социоприродном и даже космическом контексте. Начнем с уточнения смысла значимых для рассматриваемой темы понятий — «глобализация», «социализм», «ноосфера».

Существуют разные точки зрения на то, что обозначать термином «глобализация», отсюда и возникающие порой непонимания. Чтобы их избежать, отметим, что автор согласен с позицией В. П. Култыгина интерпретирующего термин «*глобализация*» как «*тенденцию, процессы, основной чертой которых является связывание различных стран в некое единое мировое целое в социальной, политической, экономической и культурной областях*» [6, с. 81]. Вполне приемлема и сходная трактовка, данная Ю. Д. Граниным, по которой глобализация — это «*мегатенденция к поэтапному объединению цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе разделенного человечества в потенциально возможную глобальную (планетарную) общность*», осуществляющаяся «*в череде попыток формирования общего пространства совместной жизни сообщества людей на основе разных форм общежития и разных цивилизационных моделей развития*» (курсив мой. — А. В.) [3, с. 103, 173].

Подчеркнем, что процесс глобализации всех сторон жизни человечества, с нашей точки зрения, не является чем-то субъективно детерминированным, он имеет под собой глубокие объективные основания (причем не только экономические или социально-политические, но и космические, социоприродные). В основе глобализации лежит процесс эволюции биосферы, ее превращения в ноосферу, подмеченный еще в начале XX века В. И. Вернадским, сделавшим свой прогноз развития событий в русле данной объективной тенденции. Причем объективный характер процесса глобализации вовсе не отрицает определенной случайности и субъективности форм его реализации. Это обусловлено прежде всего тем обстоятельством, что процесс взаимодействия общества и природы протекает в условиях существования больших социальных групп людей со специфическими, зачастую противоположными

© Брагин А. В., 2012

интересами. Поэтому преобразующая деятельность людей (в том числе и в русле глобализационных тенденций) выражается, как правило, в рамках конкретной политики, которая является линией массового поведения, направленного на реализацию главным образом групповых интересов (и потому навязывается обществу через механизм власти, прежде всего государственной). Такое понимание глобализации предполагает множественность вариантов ее осуществления.

Человечество изначально едино по своей природе, и данное обстоятельство получает свое выражение в нарастании его социокультурного единства. Однако такое единство вовсе не должно предполагать стирание этнических и культурных различий, ибо различия эти — необходимое условие устойчивости существования человека на планете Земля, они фиксируют разный опыт адаптации этносов к среде, т. е. варианты стратегий существования, могущих быть востребованными всем человечеством в связи с изменением условий жизни. Полиэтничность и поликультурность создают запас прочности, жизнеспособности человечества перед лицом возможных испытаний.

Существенно, однако, что современные реалии социально-экономической, политической и культурной жизни обеспечивают навязывание человечеству в качестве единственно возможной неолиберальной западной модели глобализационных процессов, которая *вовсе не является* таковой. Заметим, что существуют сегодня и альтернативные, так называемые незападные концепции глобализации [6]. В ряду альтернативных концепций глобализации вполне можно рассматривать и ноосферный социализм (в частности, версию А. И. Субетто, изложенную в «Манифесте ноосферного социализма» [15]).

Поскольку речь в данной статье будет идти и о социализме, то необходимо уточнить понимание этого термина. Если обратиться к интернет-ресурсам, то обилие имеющихся трактовок социализма поражает. Некоторые авторы, игнорируя теоретическое наследие классиков марксизма-ленинизма, зачисляют в социалистические общества даже шумерские государства, Древний Египет и империю инков (в рабочих бригадах усматривая политические партии!) (см.: [19]). Такие трактовки обретают смысл только в контексте философии постсовременности и общества потребления, «выставившего для продажи на свободном рынке даже духовные ценности (так называемый духовный шопинг) и тем самым лишившего их абсолютного характера» [11, с. 31]. Между тем К. Маркс в рамках своей формационной теории довольно определенно и обоснованно относил приведенные выше примеры социальной организации к азиатскому способу производства (см., напр.: [9, 10]).

Как нам представляется, наиболее взвешенно сегодня суть социализма передает «Википедия»: «Социализм — обозначение учений, в которых в качестве цели и идеала выдвигается осуществление принципов социальной справедливости, свободы и равенства, а также общественного строя, воплощающего эти принципы... Основной целью социализма является упразднение эксплуатации людей людьми... снижение отчуждения человека от результатов его труда... обеспечение свободного и гармоничного развития каждой личности». Далее указывается основное средство достижения данной цели — отмена частной собственности на общественные средства производства, которые переводятся под общественный контроль [20]. Добавим к этому, что, как известно, основной принцип социализма — «от каждого по способностям — каждому по труду».

Последнее время все шире и громче обсуждается проблема глобализации в контексте прогнозов будущего человечества. Крах СССР и отказ народов, населяющих эту сверхдержаву, от социализма рассматриваются как утрата конструктивной перспективы на фоне окончательной утраты доверия к доминирующей модели социально-экономического и политического развития, определяемой классиками марксизма как «империализм» (см., напр.: [4, с. 40]). При этом, однако, забывают, что Китай, Вьетнам, Северная Корея и Куба — страны, населенные около 2 млрд человек, продолжают оставаться социалистическими по сути, пусть и различающимися по своей конкретной форме. Упускается из виду и тот факт, что сама по себе глобализация социальной жизни есть объективный социоприродный процесс, неизбежный и закономерный. Другое дело, что формы его осуществления носят конкретный исторический характер, а сила его реализации зависит от имеющихся объективных оснований и от человеческой субъективности, свободы (естественно, не абсолютной) выбора альтернатив.

Как справедливо отмечал В. И. Вернадский, «религия и государственные социальные образования на протяжении целых тысячелетий пытались и пытаются создать единство и силой включить всех в одно целое единое понимание цели и смысла жизни» [4, с. 324], но данные усилия пока безрезультатны. Я уже писал о процессах глобализации (см., напр.: [3]). Продолжая изложенные мною идеи, замечу, что одной из исторических форм глобализации является и борьба за мировое господство, пусть и в деформирующей сущность человека форме. Попытки создания мировых империй от Александра Македонского, Чингисхана, Гитлера, Сталина до Обамы есть выражение *объективной* социоприродной необходимости. Тысячелетия эта тенденция прокладывала себе дорогу в сознании людей и практике, причем, как отмечалось, в весьма извращенной, насильственной и утопической форме, тем более далекой от своего содержания, чем меньше вызревших объективных оснований для ее реализации наличествовало в социальной жизни. Однако с конца XX века можно уже с уверенностью говорить, что складывается система объективных оснований для глобализации социальной жизни человечества, неслиянного единства составляющих его плоть этнокультурных образований. В итоге, подчеркивает британский социолог Э. Гидденс, впервые в истории человечества (по крайней мере, истории как мы ее традиционно представляем) происходит интенсификация социальных отношений на мировом уровне, при которой «самые отдаленные места предстают связанными между собой таким образом, что события в одном месте определяются процессами, которые происходят в другом месте, на расстоянии многих километров, и наоборот» (цит. по: [5, с. 35]).

Поскольку глобализация с XX века предстает уже не просто как тенденция, а как реальный системный процесс, то и требования к проектам и моделям глобализации, выдвигаемые в ходе социального отбора вариантов, предъявляются серьезные, причем отнюдь не на основе субъективных предпочтений, а на основе самой исторической практики в ее стратегической перспективе. Причем, как справедливо пишет А. И. Пигалев, «цивилизационный проект, опирающийся на принцип соперничества, в принципе не является жизнеспособным, если он не содержит в своем составе явного указания на конечную цель» [11, с. 37]. Добавим еще, что и наличия «абы какой» цели недостаточно для жизнеспособности. Цель цивилизационного проекта долж-

на быть адекватной социоприродной тенденции и конструктивной. В свете этого, например, апология глобализации в ее вестернизированном неолиберальном виде, столь милая многим интеллектуалам в постсоветской России (см., напр.: [18, с. 24—35]), объективно не пройдет уже потому, что индивидуализм и эгоизм в качестве ценностного ориентира саморазрушительны для целого. А вот модели глобализации, предлагающие в качестве духовной основы коллективистские ценности, несомненно, адекватны социоприродным тенденциям, несут конструктивность (т. е. способны в стратегическом плане обеспечить выживание и развитие человечества, а не ускорять приближение его конца). И здесь существенно важно (для всех, и в плане сегодняшнего дня, и в плане перспективы), что собой конкретно представляют эти модели, насколько они реалистичны и субъективно привлекательны для людей (ведь исторические закономерности, как подметил еще Г. В. Плеханов, прокладывают себе дорогу через случайность [12, 13]).

Кстати, вполне реально и активно конкурируют в плане перспектив на реализацию религиозные модели глобализации (наибольшей степенью реальности, несомненно, обладает исламская модель). Однако, учитывая религиозную секуляризованность современного общества, следует признать, что сегодня наиболее вероятной из светских моделей является именно социалистическая, причем ее привлекательность в глазах миллионов в XXI веке непрерывно растет. А определение «ноосферный» применительно к социализму вполне органично и уместно, другое дело, что понимать под «ноосферным социализмом», каким содержанием наполнять в качестве социального проекта.

Поскольку речь в данной статье идет именно о *ноосферном* социализме, то уточним, что значит «ноосфера». У этого понятия много определений. По нашему мнению, *ноосфера* — есть *оптимально соответствующее объективной необходимости, обладающее системной завершенностью состояние разума, высший этап его актуального развития, характеризующийся оптимальным соответствием его роли в мироздании*. Ноосфера в узком смысле этого термина — поле актуальной явленности родовой человеческой сущности. Подчеркну, что достижение современным земным человечеством этапа ноосферы в ходе «естественного» развития цивилизации вовсе не предопределено, и прежде всего потому, что *человек наделен свободой воли и отнюдь не всё, что совершает человечество в своей истории, есть реализация родовой человеческой сущности*. Ноосфера, как объективная тенденция мироздания (стремящегося к системной завершенности), реализуется во Вселенной, так сказать, широким фронтом (увеличивающим степень надежности выполнения Разумом своего космического предназначения) в развитии различных видов разумных существ, различных цивилизаций. Такая реализация ноосферной тенденции имманентно предполагает возможную самовыбраковку цивилизаций, не могущих совладать с собственной мощью вследствие недостаточной разумности и эгоизма.

В свое время В. И. Вернадский подчеркивал, что «то понятие ноосферы, которое вытекает из биогеохимических представлений, находится в полном созвучии с основной идеей, пронизывающий “научный социализм”» [2, с. 340]. Исходя из сказанного выше определим то основное, на чем должно концентрироваться внимание именно *ноосферного* социализма, если следовать духу идей основоположников ноосферной теории [2, 16]. По нашему мнению, его составляют:

- 1) ноокосмоцентризм;
- 2) коэволюция;
- 3) коллективистские ценности (воспитание личности на их основе);
- 4) ликвидация частной собственности на научную информацию, снятие экономических и правовых барьеров на пути ее свободного производства и циркуляции. Как справедливо отмечал Г. Фреге, «мысль не может менять владельца, так как ее в принципе нельзя соотносить с понятием собственности» [17, с. 46];
- 5) всестороннее развитие науки как основного инструмента ноосферогенеза.

Заметим, что на настоящий момент самая известная и проработанная модель ноосферного социализма — это модель, предлагаемая А. И. Субетто. В чем, на наш взгляд, ее недостатки? Прежде всего в акценте на социально-экономической и политической составляющих, не выражающих специфики ноосферного социализма, а являющих собой попытку весьма формального и содержательно слабого развития социалистической теории, достигшей классического совершенства в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, нашедшего конкретное проявление в концепциях советского социализма, «социализма с человеческим лицом» и других, зачастую конкурирующих друг

с другом за адекватность выражения истины. Подчеркнем, что по поводу империализма лучше, чем сказал В. И. Ленин [7, 8], если и можно сказать, то пока еще не сказано. Не являются исключением и мудрствования по поводу «капиталократии», весьма несоразмерно выглядящие на фоне ссылок на Маркса и Ленина. Значит ли данное замечание, что идея ноосферного социализма бессодержательная, пустая или играет инструментальную роль, служа для протаскивания либеральных идей, все более дискредитирующих себя и вызывающих отторжение в сознании людей (вплоть до распространения для их обозначения терминов типа «либерастия»)? Вовсе нет!

Разум в лице земного человечества может взять на себя функции «направляющего воздействия» на Земле, ближнем космосе и в мироздании *с целью обеспечения оптимума функционирования*. Это не предопределено, но возможно. Как справедливо писал П. Тейяр де Шарден (имея в виду последствия именно такого направления регуляции природных процессов), «если у человечества и есть будущее, то оно может быть представлено лишь в виде какого-то гармонического примирения свободы с планированием и объединением в целостность» [16, с. 222], что означает достижение полноты бытия для личности, человечества, Мира. Реализация ноосферного социализма должна быть национальной по форме и интернациональной, общечеловеческой по содержанию. В. С. Соловьев отмечал: «Народность оказывается на деле лишь особой формой всемирного содержания, живущей в нем, наполняющейся им и воплощающей его не для себя только, а для всех» [14, с. 369].

Лежащий в основе ноосферной концепции подход к человечеству как к гармоничному социоприродному организму, интересы которого единственно и могут быть положены в основу конструктивной глобальной человеческой деятельности, исходит из знаменитого филолаевского толкования гармонии как «согласия разногласного». В основе этих интересов лежит все более полная и адекватная реализация родовой человеческой сущности, выражаемая в форме культуры.

Здесь чрезвычайно важно при осуществлении ноосферной концепции избежать утопизма, а для этого трезво оценивать положение с культурой в современном обществе. Полагать, что неграмотные, невежественные и бескультурные люди будут лихорадочно приобщаться к сокровищам мировой культуры, утопия (опыт XX века доказательство тому). При неразвитости духовных потребностей неизбежно самоуничтожение, причем тем более ускоренное, чем больше возможностей предоставит таким людям общество. Культурный прогресс хрупок, требует неустанных целенаправленных организованных усилий и забот со стороны как всего общества, так и каждого его члена в течение столетий. Образование и воспитание поэтому должны быть в ряду основных повседневных целей ноосферного социализма. Опирающаяся на «индустрию знаний» наука как база экономики и всей социальной эволюции постепенно преобразует институты человечества в соответствии с общественным характером всеобщего научного труда. Может быть, тогда и правда, на смену рыночно-капиталистической цивилизации Запада придет «ноосферно-социалистическая духовная цивилизация, где действует принцип примата духовных потребностей над материальными и человек исходит из высшей целесообразности, диктуемой “метафизическим коммунизмом мироздания”» [15, с. 104].

Библиографический список

1. Брагин А. В. Культурное самоопределение России в глобальном мире: гуманистическое измерение // *Философская антропология и гуманизм : коллектив. моногр. / А. В. Брагин, Ф. В. Цанн-кай-си, М. М. Прохоров и др. ; Владимир. гос. пед. ун-т. Владимир, 2004. С. 285—307.*
2. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление // *Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М. : Айрис-пресс, 2004. С. 242—482.*
3. Гранин Ю. Д. Глобализация и национализм: история и современность : социально-философский анализ. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 372 с.
4. Крымский С. Б. Метаисторические ракурсы философии истории // *Вопр. философии. 2001. № 6. С. 32—41.*
5. Култаева М. Локальное в лабиринтах глобального общества: методологический аспект // *Там же. 2011. № 9. С. 34—44.*
6. Култыгин В. П. Незападные концепции глобализации // *Личность. Культура. Общество. 2002. Вып. 1/2. С. 80—103.*
7. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма // *Полн. соб. соч. Т. 27. С. 299—426.*
8. Ленин В. И. Развитие капитализма в России // *Там же. Т. 3. С. 3—609.*
9. Маркс К. К критике политической экономии // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7—8.*
10. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов // *Там же. Т. 46, ч. 1. С. 3—508.*
11. Пигалев А. И. Постмодернистская апокалиптика как упреждающее обновление цивилизационного проекта // *Вопр. философии. 2011. № 5. С. 31—37.*
12. Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // *Плеханов Г. В. Избр. филос. произведения : в 5 т. М. : Политиздат, 1956. Т. 1. С. 3—334.*
13. Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // *Там же. Т. 2. С. 300—331.*
14. Соловьев В. С. Оправдание добра // *Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1988. Т. 2. С. 47—548.*
15. Субетто А. И. Манифест ноосферного социализма. СПб. : Астерион, 2011. 108 с.
16. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Наука, 1987. 240 с.
17. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // *Философия, логика, язык. М. : Наука, 1987. С. 18—47.*

18. Хитун С. Л. Постиндустриальная нравственная революция и ее экономическая (кенсианская) первооснова // Вопр. философии. 2011. № 3. С. 24—35.
19. URL: http://forexaw.com/TERMs/Society/Forms_of_goverment/1487_%DO%A1%DO%BE%D1%8 (дата обращения: 28.02.2012).
20. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EE%F6%E8%E0%EB%E8%E7%EC> (дата обращения: 4.02.2012).

НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ

ББК 60.031

Д. Г. Смирнов

БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ УНИВЕРСУМА В КЛИОСОФСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

Анализируется содержание основных философско-исторических концепций XX века в контексте процессов глобализации. Определяется место теории ноосферной истории в современном клиософском дискурсе.

Ключевые слова: Большая история, глобальная история, универсальная история, интеллектуальная история, ноосферная история, клиософский дискурс, системный подход, универсумный подход.

The content of the basic cliosophy conceptions of XX century is analyzed in the article. The place of the noospheric history model in the modern cliosophic discourse is determined.

Key words: Big history, global history, universal history, intellectual history, noospheric history, cliosophic discourse, system approach, universum approach.

Историософия начала XXI века находится в состоянии интеллектуального поиска новой парадигмы истории. Гуманитарная наука адаптируется под изменяющиеся условия становящейся глобальной социальной среды — расширяющееся пространство, ускоряющееся время.

Эпоха истории «плана выражения», «истории Материи», «истории субстанциальной», задача которой заключалась в реконструкции фактологической ткани истории и определении так называемых альтернатив исторического развития, остается в прошлом. На первый план выходит (если говорить используя семиотическую терминологию) история «плана содержания», позиционирующая себя как «история Духа», «история реляционная», пытающаяся узреть за стохастическими вариациями исторического процесса единое упорядочивающее начало, системоорганизующее свойство, концепт истории.

Феномен ноосферной истории требует определения своего места и статуса в системе современной философии истории. Цель настоящей статьи подкрепить «эмпирическое обобщение» ноосферной истории (см.: [22—28]) категориальным дискурсом анализа проблемы — раскрыть место универсумно-ноосферной постнеклассической системы разума о разуме.

Основные категории постнеклассической философии истории

Современное общественно-гуманитарное знание, вслед за естественно-научным, входит в категориальное поле новой, возможно постпостнеклассической, научной картины мира. Возникают новые научные понятия и категории, фиксирующие изменение представлений человека о мире и собственном месте в нем. Меняется и цель осмысления исторического процесса — человек

© Смирнов Д. Г., 2012

2012. Вып. 2 (12). Философия •

осознает ограниченность причинно-следственной модели оценки истории, вырастающей на базе классической и неклассической научных картин мира. В рамках постнеклассического моделирования истории гораздо более важным становится вопрос об организации (самоорганизации) исторического процесса, роли и месте в нем «стороннего» наблюдателя, метаальтернативах глобализирующейся истории.

Современный клиософский дискурс изобилует большим количеством категорий, претендующих на статус «универсального объяснительного эталона». В ряду наиболее разработанных понятий можно назвать такие, как «Большая история» (*Big History*) (Д. Кристиан) [35, 36]¹, «новая мировая история» (*New World History*), «энвайроментальная история» (*Environmental History*) (Дж. Р. МакНилл) [40], содержательно близкое к последнему «зеленая история» (*Green History*) (К. Понтинг) [42], «глобальная история» (*Global History*) (В. И. Пантин) [16, 17]², «универсальная история» (А. П. Назаретян, А. Д. Панов) [11, 13, 15]³, «информационная история» (Н. Н. Моисеев) [7], «интеллектуальная история» (*Intellectual History*), «планетарная история», «ментальная история» (*Mental History*), «тотальная история» (школа «Анналов»: М. Блок, Л. Февр, Л. Леви-Брюль, Ж. Ле Гофф). Заметим уже здесь, что абсолютное большинство понятий в приведенном ряду отсылают нас к зарубежной традиции, которая позиционирует себя прежде всего как «подлинно аналитическая», противостоящая идеологизированным телеологическим версиям.

Примером блестящего историографического анализа ведущих современных философско-исторических концепций может служить труд Л. П. Репиной [20], которая осуществляет небезуспешную попытку создания «большого» пространства моделей философии истории в отечественной и зарубежной традиции, хотя из фокуса ее внимания и ускользают некоторые историософские теории. Отдельные замечания по поводу соотношения основных категорий современного философско-исторического дискурса, который может быть выражен в формуле «История глобализации и Глобализация истории», встречаются в работах А. П. Назаретяна, М. А. Кукарцевой.

Несмотря на то что логико-категориальная проблематика уже получила освещение в научной литературе, мы считаем необходимым кратко остановиться на ряде моментов понятийно-содержательного плана, без обращения к которым невозможно дальнейшее изложение концепции «ноосферной истории». Главным вопросом в данном контексте становится вопрос об определении места ноосферной истории, отсылающей к опыту отечественной философии истории и историософии, в и без того перенасыщенном ряду категорий современной философии истории⁴.

Появление новой клиофилософской терминологии свидетельствует о попытке фундаментализации и онтологизации истории человечества, поиске новых закономерностей его развития в контексте синергетических представлений о социоприродной и биосферно-ноосферной самоорганизации. Эти

¹ См. также: [41, 43, 45].

² См. также: [18].

³ См. также: [8, 10].

⁴ При этом мы намеренно оставляем в стороне внутриисторическую полемику по поводу более частных категорий историографии и философии истории, ибо она, с одной стороны, избыточна в рамках нашего анализа, а с другой стороны, получает полноценное освещение в работах современных историков.

попытки уже обозначили себя в современной отечественной и западной науке, где в последние десятилетия резко возрастает число ученых, которые разрабатывают новые макроисторические модели.

Главной отличительной чертой этих разработок становится то, что выполнены они преимущественно в рамках частнонаучной методологии: интерпретации исторического процесса осуществляются через контекст геологических, биологических, физических, кибернетических, этнографических и других подходов. Это позволяет искать пути «сильного синтеза», всестороннего охвата социоприродного всеединства, выявить ту нить, которая связывает воедино все частнонаучные модели человеческой истории.

В целом главная проблема современного исторического знания далека от своего окончательного решения. Обилие терминов и понятий ставит в тупик даже выдавших виды исследователей. В силу этого, в первом приближении необходимо определиться с основными понятиями, ибо некоторые из них синонимичны, а потому и избыточны, в том числе и классические понятия, наполненные новым содержанием (неклассическим и постнеклассическим). Такими в современном историографическом дискурсе, по мнению Л. П. Репиной, являются термины «глобальная история» и «новая мировая история» (хотя, как мы увидим далее, и здесь есть свои нюансы); одновременно автор выступает против отождествления «истории идей» и «интеллектуальной истории», «всемирной истории» и «всеобщей истории». С точки зрения А. П. Назаретяна, правомерно отождествление понятий «Большая история» и «Универсальная история». В этом отношении интенция, имеющая место в исторической и клиософской науке, понятна и оправданна, научный подход, актуализируемый «бритвой Оккама», требует предельной четкости в определении основных категорий и, соответственно, предметной области всякой концепции философии истории.

Что такое Большая история?

Интерес к Большой истории обозначился в отечественной гуманитарной науке в конце XX — начале XXI века. На страницах ведущих российских журналов стали публиковаться переводные статьи ученых, исследующих социальную историю в универсальном контексте [6, 32, 34]. Эти публикации, несмотря на вариативную терминологию, были объединены в серию работ «по Большой истории». Интересно отметить, что в дальнейшем термин «Большая история» в отечественной традиции постепенно вытесняется «более понятным русскому читателю» синонимичным термином «Универсальная история», очевидно, предложенным самим А. П. Назаретяном⁵.

Как показывает А. П. Назаретян, «универсальная история (Big History) представляет собой интегральную модель эволюции Вселенной, которая связывает развитие общества, живой и неживой природы как последовательный взаимообусловленный процесс» [9, с. 5]. Разработка концепции Большой истории приходится на 1970—1990-е годы прошлого века. Она велась учеными из разных областей знания, работавшими независимо в Северной и Южной Америке, Австралии, Западной Европе и России.

В этом направлении изучения истории А. П. Назаретян объединяет сразу несколько трендов, использующих различные понятия для описания и

⁵ См. обоснование в статье А. П. Назаретяна: [9].

объяснения универсальных процессов в истории, а именно в западноевропейской науке распространены понятия «Cosmic Evolution» (*космическая эволюция*), «Big History» (*Большая история*), «Weltallgeschichte» (*история мироздания*), «Mega-historia» (*мегаистория*); в России утвердились термины «универсальный эволюционизм», «универсальная история».

Пафос размышлений А. П. Назаретяна показывает, что сама идея Большой истории вырастает не из гуманитарного, а из естественно-научного дискурса (можно сказать, даже того, что в российском образовательном пространстве скрывается за термином «концепции современного естествознания»⁶). Она действительно основывается на синергетическом представлении о природе исторического процесса. А. П. Назаретян отмечает, что «предпосылками для конструирования универсальной истории как цельной картины эволюционных процессов от Большого взрыва до современного общества послужили два ключевых достижения в науке XX века» [9, с. 10]. Во-первых, это релятивистские модели эволюционной космологии, а во-вторых, модели самоорганизации в открытых физических системах. Данные открытия, в свою очередь, привели к формулированию представления о «сквозных» векторах, или метатенденциях единого эволюционного процесса.

Российский физик А. Д. Панов толкует универсальную историю в формационном ключе. Он считает, что планетарная универсальная история, включающая историю биосферы и цивилизации, представляет собой последовательность исторических эпох и разделяющих их революций (см.: [13, 15]). При этом ученый продолжает традицию рассмотрения истории как последовательности сменяющих друг друга событий, в которых обнаруживается определенная закономерность. Научное открытие А. Д. Панова заключается в следующем: сопоставив временные интервалы между качественными скачками в эволюции природы и общества, он показал, что на протяжении миллиардов лет эти интервалы последовательно сокращались в соответствии со сравнительно простой логарифмической формулой (см.: [14]).

Генезис Большой истории: несколько слов об истоках проблемы

Как показывают И. М. Савельева и А. В. Полетаев, формирование двуединого понимания истории — в широком и узком смысле — относится именно к середине XVI века: «В широком смысле история включала три компонента: священную, природную и человеческую историю. Эта широкая трактовка, по-видимому, впервые была предложена Жаном Боденом в работе “Метод легкого познания историй” (1566)» [21, с. 42]. Позднее такая методология была использована в трудах Т. Компанеллы, Ф. Бэкона, Т. Гоббса и многих других. «Лишь в конце XVIII в. в работах французских энциклопедистов эта схема начинает размываться, а в XIX в. “природная” и “священная” истории окончательно выводятся за рамки обсуждения» — отмечают ученые [там же].

В контексте рассматриваемой проблематики гораздо более значимым является обращение к творчеству К. Милье, который в 1551 году создает «Написание истории универсума вещей», где «вся совокупность историче-

⁶ Заметим, что в рамках учебного процесса подобный курс читается и Ивановском государственном университете, правда, его название несколько отличается — «Современные концепции естествознания» или «Современная научная картина мира».

ских нарративов делится на пять областей — история природы (*historia naturae*), история благоразумия (*historia prudentiae*), история правителей (*historia principata*), история мудрости (*historia sapientiae*), история литературы (*historia litteraturae*)» [там же]. Обратим внимание на фиксацию «истории благоразумия» и «истории мудрости», которые составляют «разумное» ядро человеческой истории.

По мнению Р. Смита, идея универсальной истории и, соответственно, сам термин впервые обнаруживают себя в творчестве французского гуманиста Франсуа Бодуэна (1520—1573), которому принадлежит труд «Учреждение универсальной истории и ее соединение с юриспруденцией» (1561). Как отмечает автор, уже потом идею универсальной истории воспринял Жан Боден (1530—1596) и развил ее далее, связав историю с физическими условиями географии [29, с. 56]. Очевидно, что термин используется здесь в формальном аспекте, указывая на универсальные механизмы развития отдельных пространств. Однако идея аналогичности, сопоставимости, сопряженности локальных процессов во всемирном контексте обозначает себя в науке задолго до осознания всемирного характера исторического процесса в XIX—XX веках.

Всемирная история как простое сравнение истории разных стран и народов противопоставляется всеобщей истории, претендующей на универсалистский статус, но при этом опирающейся на тот или иной вариант линейно-стадиальной модели исторического процесса.

Глобальная история как история глобализации

С точки зрения А. П. Назаретяна, «глобальная история» представляет собой модель, в рамках которой было установлено глубокое взаимовлияние геологических, биотических и социальных процессов [9]. В результате оформилось новое направление междисциплинарных исследований эволюции — глобальная история, основоположниками, которой он называет В. И. Вернадского, П. Тейяра де Шардена и Э. Леруа [9, с. 8]. В настоящее время традиция глобальной истории существует в нескольких вариациях [3, 44, 46].

Позволим себе заметить, что упоминание В. И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена в качестве основоположников концепции глобальной истории допустимо лишь в узком философско-историческом контексте. Глобальная история (от лат. *globus* — шар), «история Земли, рассматриваемая как последовательное образование, развитие и взаимодействие планетарных сфер, в процессе которых биота, а затем общество становились ведущими агентами преобразований» [9, с. 8], в содержательном плане обедняет истинное смысловое наполнение теорий В. И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена. Глобальность как качество истории цивилизации — лишь одно из свойств планетарной эволюции, но не единственное и отнюдь не самое существенное.

Вместе с тем из исследовательского фокуса выпала фигура П. А. Сорокина, который по праву считается одним из отцов-основателей современной глобальной истории (см.: [1]). Особый интерес для нашей проблематики представляют его «Главные тенденции нашего времени», первоначально изложенные им в 1963 году в пленарном докладе XVIII Международного конгресса по социологии: «...во-первых, перемещение творческого лидерства

человечества из Европы и Европейского Запада, где оно было сосредоточено в течение последних пяти столетий, в более обширный район Тихого океана и Атлантики, особенно в Америку; во-вторых, продолжающаяся дезинтеграция до сих пор преобладающего типа культуры, общества и системы ценностей; в-третьих, возникновение и постепенный рост первых компонентов нового — интегрального — социокультурного порядка, его системы ценностей и типа личности» [31, с. 75].

Другой известный отечественный специалист по глобальной истории, В. И. Пантин, полагает, что, скорее, «глобальная история является тесным переплетением, взаимодействием различных, разошедшихся, дифференцированных линий, нитей развития человеческого рода, — подобно тому, как ткань является переплетением отдельных нитей, но представляет собой нечто принципиально новое по сравнению с их механической совокупностью» [17, с. 17]. Так, В. И. Пантин расширяет представление о глобальной истории указанием на ее «многоликость» и несводимость к одному основанию глобальности, раскрывая ее неклассический или даже постнеклассический потенциал.

По мнению Л. П. Репиной, если глобальную историю предпочитают связывать с процессами глобализации, то новая мировая история «темпоральных ограничений не имеет» [20, с. 202]. Главной задачей последней большинство специалистов считают «изучение *взаимодействий между людьми*, участвующими в крупномасштабных исторических процессах» [там же]. Аналогичным образом и глобальная история «предполагает изучение локальных явлений с глобальной точки зрения» [там же].

Глобальная история, или новая мировая история, таким образом, — новая научная дисциплина, «которая опирается на представление о структурной когерентности мирового исторического процесса с максимальным учетом разнообразия его составляющих и взаимосвязанности всех его локальных акторов» [20, с. 211]. Обратим внимание на словосочетание «структурная когерентность». Такая постановка проблемы позволяет говорить о том, что с точки зрения системного подхода глобальная история в познании и понимании истории останавливается на втором — структурном — уровне анализа истории как системы, что заужает постановку вопроса в контексте постнеклассической картины мира, в рамках которой и возникает новая мировая, или глобальная, история.

В итоге Л. П. Репина приходит к выводу о том, что современная версия глобальной истории «находит свое законное место в гораздо более продолжительной традиции всеобщей, или универсальной, истории» [20, с. 250]. Позволим себе не согласиться с автором в одном, но существенном аспекте. Всеобщая история ведет не столько к глобальной истории, пространственно и временно ограниченной второй половиной XX века, сколько к ноосферной истории.

Определенный интерес представляет модель «тотальной истории», концептуализирующаяся в трудах М. Фуко, который постулирует: «тема и возможность глобальной истории начинают понемногу исчезать, и мы видим, как проясняются весьма несхожие очертания того, что мы могли бы назвать тотальной историей». Ее замысел — «попытка восстановить формы единства цивилизации» [33, с. 12].

М. Фуко видит ограниченность глобальной истории в том, что она пытается все свести к одному: «Глобальное описание собирает все феномены —

принцип, смысл, дух, видение мира, формы совокупности — вокруг единого центра». Ей он противопоставляет тотальную историю, «которая разворачивается в виде рассеивания» [там же].

Именно концептуализация постнеклассики в научном, в том числе и историческом, познании вызвала к жизни теорию универсального эволюционизма и новую концепцию универсальной (Большой) истории человечества. По мнению Л. П. Репиной, и с ним можно согласиться, концепция универсальной истории «отнюдь не исчерпывает номенклатуры версий макроисторического анализа — и более того — не занимает среди них центрального места» [20, с. 215]. Это замечание крупного специалиста в историографии представляется значимым в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, оно свидетельствует о том, что теория универсальной истории в том виде, в котором она существует сейчас в трудах прежде всего Д. Кристиана и А. П. Назаретяна, не имеет потенциала к объединению в себе всех предыдущих исторических концепций⁷. Во-вторых, и это самое важное, центральное место в чреде макроисторических концепций свободно, на настоящий момент ни одна из моделей клиософского дискурса не может претендовать на данный статус. Возможно, мы ошибемся, но предположим, что это связано прежде всего с тем, что абсолютное большинство таких теорий носит структурный, а не концептуальный характер.

«История идей» versus «интеллектуальная история»

Особое место в типологии клиософских концепций у Л. П. Репиной занимает «интеллектуальная история», предтечей которой в XX веке была так называемая «история идей» (см.: [39]). Потенциал «истории идей», к сожалению, еще не осознан в полной мере. «Эта программа... осталась не востребовавшей, а точнее — вообще незамеченной», — пишет Л. П. Репина [20, с. 330]. В этом отношении представляют интерес размышления А. Лавджоя, во-первых, о «философской семантике» как одной из составляющих работы историка; во-вторых, о соотношении индивидуальных идей с коллективными мыслями больших групп людей.

Ограниченность концепции А. Лавджоя, и в первую очередь его методологии, которая, возможно, и привела к упомянутой выше неоцененности его теории, заключалась, на наш взгляд, в том, что идейные комплексы были для исследователя лишь исходным материалом для создания максимально полной «биографии идеи», а философская семантика носила формалистский характер, т. е. предполагала лишь изучение ключевых слов и выражений, характерных для определенного исторического периода или идейного течения.

Эвристический потенциал рассматриваемой концепции связан как раз с семиотической методологией, правда, в ее более системном и «глубинном» варианте, а также с представлением о том, что можно было бы назвать коллективным интеллектом и что позднее было реализовано в «другого рода интеллектуальной истории». Эта интеллектуальная история связана с «исследованием *всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты*, — в долгосрочной исторической перспективе» [20, с. 334]. «Новая интеллектуальная история», как детище последнего времени,

⁷ А именно в этом заключается пафос работ самого Д. Кристиана и некоторых отечественных исследователей (см. напр.: [2, с. 186]).

«концентрирует свое внимание на феномене самого исторического текста (исторического нарратива), а также на проблеме репрезентации авторского текста и восприятия его читателем» [20, с. 337].

Л. П. Репина полагает, что будущее новой интеллектуальной истории связано с формированием «новой культурно-интеллектуальной истории», в которой главным предметом исследования будет «человеческая субъективность... в ее истинной целостности», соединяющая «категории сознания и мышления» [20, 339], что обусловит интерес к «историческим категориям мышления, интеллектуальной деятельности и продуктам человеческого интеллекта, а также к историческому развитию интеллектуальной сферы» [20, с. 342], включая мифологические, религиозные, философские, научные и художественные компоненты.

Именно в контексте культурно-интеллектуальной истории осуществляется попытка преодоления оппозиции между «внешней» и «внутренней» историей, историей идей и историей текстов. Эта проблема решается следующим образом: «Интеллектуальная история есть внутренняя сторона (the inside) культурной истории, а культурная история — внешняя сторона (the outside) интеллектуальной истории» [37, р. 1]. Подобная логика размышлений позволяет предложить отечественный, более сложный в гносеологическом плане, вариант прочтения рассматриваемой проблематики. Думается, имеет смысл говорить о «внутренней форме истории» (по аналогии с «внутренней формой слова» Г. Г. Шпета), что одновременно задает универсальный и семиологический дискурсы анализа.

Таким образом, значение интеллектуальной истории для философии истории в том, что она визуализирует реальную борьбу идей и интеллектуалов в контексте развертывания ноосферных и антиноосферных интенций, разума и безумия в истории. В результате можно говорить о «Малой» ноосферной истории (как способе целостного рассмотрения прошлого человечества, где основная задача — изучить все области прошлого, в которых сохранились его поддающиеся расшифровке следы, и придать им современный смысл средствами языка [38, р. 13—14]) и «Большой» ноосферной истории (как модели реконструкции концепта, или системообразующего свойства системы истории, на метаинтеллектуальном уровне, уровне «идей идей») ⁸.

В отечественной традиции «западная интеллектуальная история» получает свое оригинальное воплощение в междисциплинарной области, в советской историографии именованной «история общественной мысли», а в последнее время получившей название «интеллигентоведение». Эта предметная область включает в себя не только историю отдельных представителей науки, философии, религии и искусства — культуры в целом, но и анализирует духовные процессы, являющиеся системообразующим фактором современной истории [5, 30].

Таким образом, рассмотрение глобальной истории и «новой» универсальной истории, вызванных к жизни в первую очередь глобализационными процессами, обычно осуществляется в рамках аналитических подходов, сформировавшихся в западной философской традиции в XVIII—XX веках.

⁸ Микроприложением Большой ноосферной истории, вероятнее всего, можно считать «интеллектуальную историю неинтеллектуалов» Р. Дарнтон, которая сосредоточила свое внимание на том, «как люди постигают смысл окружающей действительности» [4, с. 348].

Проведенный анализ показывает, что изучаемые модели, рядоположенные в категориальной сетке постнеклассического историософского дискурса, основное внимание уделяют фактологическому плану истории, плану выражения, а в сфере методологии ориентируются на сугубо исторический подход, игнорируя потенциал семиотического подхода к исторической действительности. Недостаточность (даже ограниченность) такого подхода к истории наиболее отчетливо обнаруживается в контексте философских универсумных построений.

Как отмечают С. С. Неретина и А. П. Огурцов, следует иметь в виду «неоправданные отождествления, которые необходимо не только артикулировать, но и элиминировать до того, как определить границы глобализации...» [12, с. 964]. К числу этих отождествлений относятся, во-первых, «отождествление процессов глобализации с построением целостного мира, обладающего единым этносом, планетарной наукой и даже космическим мировоззрением» [там же]; во-вторых, «идентификация процессов глобализации... с агрессивной трансляцией ценностей западной культуры и цивилизации» [12, с. 964—965]; в-третьих, «отождествление глобализации с распространением ценностей американской культуры, которое влечет за собой исключение из сознания азиатских волн глобализации» [12, с. 965]; в-четвертых, диффузия «социальных норм (поведения и жизнедеятельности), цивилизационных способов регуляции совместной жизни людей (права и морали) и техник распространения культурных инноваций», которая принимается за универсализацию ценностей культуры [12, с. 967].

В завершении своего анализа авторы утверждают, что, «старая проблема универсалий рассматривается в совершенно новой перспективе — перспективе многообразия культур и цивилизаций и возможности выбора единственного, или универсального, пути развития в ходе взаимодействия различных локальных цивилизаций. Это принципиально новая плоскость рассмотрения глобализма как универсализма предполагает как выявление универсалий каждой из цивилизаций, так и осмысление ведущего вектора их взаимодействия и разнонаправленных движений, одно из которых понимается в качестве глобального» [12, с. 968].

Теория ноосферной истории в рамках современного клиософского дискурса

Проведенный анализ свидетельствует о том, что и теория универсальной истории, и теория глобальной истории, и теория интеллектуальной истории в том виде, в котором они существуют сейчас, в методологическом плане ориентированы на доминирование структурного и субстратного уровней описания и понимания системы истории, т. е. не носят доминантно концептуального характера.

В контексте данных рассуждений следует обозначить место ноосферной (концептуальной) истории в постмодернистском дискурсе. Очевидно, что ноосферная история не тождественна ни глобальной, ни тотальной. Ее задача заключается не в том, чтобы свести историческое многообразие к одному центру, к Единому, как это может показаться на первый взгляд при редуцированном понимании клиософских концепций. Она ничего общего не имеет с «диссипативной» методологией, предлагаемой М. Фуко и его единомышлен-

никами. Ноосферная история стремится увидеть, обнаружить следы Единого во множественности исторического бытия, и в этом смысле она востребует потенциал не дедукции, индукции и аналогии, считающихся классическими для гуманитарных исследований, а делает ставку на абдукцию (абдукционное чувство), о котором в свое время говорил Ч. С. Пирс.

Современная теория истории, претендующая на концептуальный статус в системе моделей философии истории, должна строиться на базе нескольких принципов, которые оказались разбросанными по различным философским теориям рубежа столетий. Необходимо признать, во-первых, темпоральную и топологическую относительность и открытость «новой истории»; во-вторых, несводимость «новой истории» к процессам глобализации, сколь бы широко она ни понималась; в-третьих, концептуальный характер «новой истории»; в-четвертых, имманентность антропологической и гуманистической, интеллектуалистической и интеллектибельной составляющих «новой истории»; в-пятых, главенство духовной истории над материальной.

Применение универсального подхода к представлениям о глобальной истории приводит к целесообразности введения термина «ноосферная история», смысл которого напрямую связан с универсальной линией в философии истории и вбирает в себя существенно важные смыслы проанализированных выше понятий, но обладает предельно выраженной концептуальностью, которая превосходит структурные и субстратные подходы к истории. В этом смысле Большая история предстает как субстрат исторического знания, глобальная история фиксирует многообразие отношений на уровне структуры, ноосферная история скрывает (раскрывает) важнейшее системообразующее свойство истории как сверхсистемы.

Библиографический список

1. *Василенко В. В.* П. А. Сорокин как основоположник современной глобальной истории // Фигуры истории, или «общие места» историографии : Вторые Санкт-петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб. : Северная Звезда, 2005. С. 19—22.
2. *Высокова В. В., Сосновский М. А.* Универсальная история в современной историографии // Диалог со временем. 2007. Вып. 18. С. 170—190.
3. *Голубев В. С.* Эволюция: от геохимических систем до ноосферы. М. : Наука, 1992. 110 с.
4. *Дарнтон Р.* Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М. : НЛЮ, 2002. 284 с.
5. Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук : исслед. и учеб.-метод. разработ. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 274 с.
6. *Кристиан Д.* К обоснованию «Большой (Универсальной) истории» // Обществ. науки и современность. 2001. № 2. С. 137—146.
7. *Моисеев Н. Н.* Судьба цивилизации. Путь Разума. М. : Яз. рус. культуры, 2000. 224 с.
8. *Назаретян А. П.* Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. М. : Недра, 1991. 222 с.
9. *Назаретян А. П.* Универсальная (Большая) история: версии и подходы // Ист. психология и социология истории. 2008. № 2. С. 5—24.
10. *Назаретян А. П.* Универсальная история и синдром предкризисного человека // История и синергетика : методология исслед. М. : КомКнига, 2005. С. 139—163.
11. *Назаретян А. П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М. : Мир, 2004. 368 с.

12. *Неретина С., Орузцов А.* Пути к универсалиям. СПб. : РХГА, 2006. 1000 с.
13. *Панов А. Д.* Кризис планетарного цикла Универсальной истории // Вселенная, пространство, время. 2004. № 2. С. 28—34.
14. *Панов А. Д.* Сингулярная точка истории // Обществ. науки и современность. 2005. № 1. С. 122—137.
15. *Панов А. Д.* Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума (SETI). М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 208 с.
16. *Пантин В. И.* Глобальное видение истории и современность // Филос. науки. 2004. № 7. С. 76—82.
17. *Пантин В. И.* Циклы и волны глобальной истории : глобализация в историческом измерении. М. : Новый век, 2003. 276 с.
18. *Пантин В. И., Лапкин В. В.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна : Феникс+, 2006. 448 с.
19. Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции: моногр. / под ред. В. С. Меметова. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 432 с.
20. *Ретина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М. : Кругъ, 2011. 560 с.
21. *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Теория исторического знания : учеб. пособие. СПб. : Алетейя ; М. : ГУ ВШЭ, 2008. 523 с.
22. *Смирнов Д. Г.* «Видеть или погибнуть»: П. Тейяр де Шарден в поисках ноосферной истории // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. 2012. № 4 (48). С. 142—148.
23. *Смирнов Д. Г.* Восхождение сознания к разуму: онтогенез и филогенез в ноосферной истории // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2011. Вып. 2. С. 11—26.
24. *Смирнов Д. Г.* Живая ноосферная история : (по страницам «Философских фрагментов» Н. П. Антонова) // Там же. 2010. Вып. 2. С. 25—35.
25. *Смирнов Д. Г.* Незнакомый В. И. Вернадский: эмпирическая семиотика Вселенной // Там же. 2009. Вып. 3. С. 123—133.
26. *Смирнов Д. Г.* «Потом и опытом»: ноосферная история глазами Вяч. Вс. Иванова // Личность. Культура. Общество. 2012. Вып. 2 (71/72). С. 216—222.
27. *Смирнов Д. Г.* Семиотико-антропологическое измерение ноосферной истории: ноо-семиогенез в работах А. Н. Портнова // Неизреченное слово : мемор. сб., посвящ. проф. А. А. Портнову. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. С. 249—257.
28. *Смирнов Д. Г.* «Экология разума» Г. Бейтсона: поиски семиотических оснований ноосферной истории // Вестн. высш. учеб. заведений. Сер.: Гуманит. науки. 2011. Т. 2, № 4. С. 314—319.
29. *Смит Р.* История гуманитарных наук : пер. с англ. / под науч. ред. Д. М. Носова. М. : ГУ ВШЭ, 2008. 392 с.
30. *Соколов А. В.* Поколения русской интеллигенции. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2009. 672 с.
31. *Сорокин П. А.* Главные тенденции нашего времени. М. : Наука, 1997. 351 с.
32. *Спир Ф.* Структура Большой истории. От Большого взрыва до современности // Обществ. науки и современность. 1999. № 5. С. 152—163.
33. *Фуко М.* Археология знания. Киев : Ника-Центр, 1996. 208 с.
34. *Янч Э.* Самоорганизующаяся Вселенная : введение и обзор: рождение парадигмы из метафлуктуации // Обществ. науки и современность. 1999. № 1. С. 143—158.
35. *Christian D.* Maps of Time: an Introduction to Big History. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 2011. 642 p.
36. *Christian D.* This Fleeting World : a Short History of Humanity. Great Barrington : Berkshire Publishing Group LLC, 2007. 120 p.
37. *Kelley D. R.* Intellectual History and Cultural History: the inside and the outside // History of the Human Sciences. 2002. Vol. 15.

38. Kelley D. R. Prolegomena to the study of Intellectual History // Intellectual News. 1996. № 1. P. 13—14.
39. Lovejoy O. A. The Great Chain of Being : a Study of the History of an Idea. Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1936. 393 p.
40. McNeill J. R. Something New Under the Sun: an Environmental History of the Twentieth-Century World. New York : W. W. Norton, 2000. 421 p. (Global Century Series).
41. McNeill R., McNeill W. H. The Human Web : a Bird's-Eye View of World History. New York : Maple-Vail Book Manufacturing Group, 2003. 350 p.
42. Ponting C. The Green History of the World: the Environment and the Collapse of Civilizations. New York : Penguin Books, 1993. 430 p.
43. Spier F. Big History and the Future of Humanity. Blackwell Publishing Ltd, 2011. 272 p.
44. Snooks G. D. The Dynamic Society. Exploring the Sources of Global Change. London ; New York : Routledge, 1996. 491 p.
45. Stokes Brown C. Big History: from the Big Bang to the Present. New York : The New Press, 2007. 288 p.
46. Wood D. Five Billion Years of Global Change: a History of the Land. New York : Guilford Press, 2004. 336 p.

ББК 60.023

М. А. Меликян

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК НООСФЕРНЫЙ ГЕРОЙ ИСТОРИИ

В центре внимания феномен интеллигенции, понимаемой как особое свойство и отношение к универсуму. Именно сущностное отношение к внутреннему и внешнему бытия обуславливает возможность рассмотрения интеллигенции в качестве ноосферного героя истории.

Ключевые слова: интеллигент, интеллигенция, системный подход, интеллигентность как свойство, интеллигентность как отношение, ноосферность, ноосферный человек, ноосферный герой.

The phenomenon of intelligentsia as a special property and attitude to the universe is analyzed in the article. The essential attitude to external and internal existence determines the possibility to view the intelligentsia as a noospheric hero of history.

Ключевые слова: intellectual, intelligentsia, system approach, intelligentsia as a property, noosphere, noospheric person, noospheric hero.

Лучше будет сказать, что интеллигент не мыслит свою интеллигентность, но дышит ею, как воздухом.

А. Ф. Лосев. Держание духа

Социокультурная реальность XXI века отчетливо показывает: «интеллектуальная история», понимаемая как история интеллигенции, становится существенно важным срезом мирового исторического процесса.

© Меликян М. А., 2012

• Серия «Гуманитарные науки»

Особенность временной истории заключается в том, что фактически каждый индивид превращается в субъект духовного производства, которое понимается как создание и воссоздание (конструирование и реконструирование) семиосферы (персональной, локальной и в конечном счете глобальной).

С. Аверинцев отмечает, что даже те, кто не по своей воле были лишены возможности «оставить нам что-нибудь, кроме некоторого количества стихотворений и весьма специальных, порой быстро устаревающих ученых трудов, воспитали нас. Без них нас не было бы...» [1].

Интеллигенция с точки зрения качественного понимания вещей предстает как ноосферный герой истории. При этом понятие «герой» может быть интерпретировано по крайней мере в двух ключах: герой как действующее лицо истории (по аналогии с героем романа), хранитель культурного генофонда, и герой как субъект, совершающий исторический подвиг.

Заметим здесь же, что такое понимание феномена интеллигенции будет ущербным без обращения к потенциалу системного подхода [8], который позволяет рассмотреть интеллигенцию не только на субстратном, но также на структурном и концептуальном уровнях рефлексии.

Русская философия об интеллигенции

Н. А. Бердяев пишет о «тяжелом и угрожающем положении интеллекта и его представителей, интеллигенции». Трагедия русской интеллигенции, по его мнению, состоит в том, что ее «психологический тип... покоится на социально-групповых особенностях, а не на духовной мощи» [3, с. 11]. Он говорит о существовании двух типов мироощущения: в основе одного лежит чувство обиды, в основе другого — чувство вины, им соответствуют и разные философии. Путь обиды и необходимости — путь разрушительный, путь вины и свободы — созидательный. Проблема интеллигенции, полагает Бердяев, заключается в том, что она исповедует философию обиды, т. е. философию рабскую, должна же исповедовать философию вины, т. е. свободы. Только свободный может чувствовать себя виновным, только сознавший вину обращается к глубочайшей своей свободе. Следовательно, интеллигенция идет по пути разрушения, а не созидания. И она изменится тогда, когда станет «духовным цветом народа, избранными его личностями, а не кружковщиной, претендующей спасать отечество, независимо от своих качеств» [3, с. 12].

С. Н. Булгаков считает, что характер русской интеллигенции складывался под влиянием двух основных факторов — внешнего и внутреннего. Внешним фактором является непрерывное и беспощадное давление полицейского прессы, способное совершенно уничтожить более слабую духом группу. И то, что она сохранила жизнь и энергию и под этим прессом, свидетельствует о исключительном ее мужестве и жизнеспособности. А внутренним фактором, определяющим характер интеллигенции, выступает «ее особое мировоззрение и связанный с ним ее духовный склад» [5, с. 277]. Подробному рассмотрению этого фактора и посвящена статья «Героизм и подвижничество». Словом, которое, по мнению С. Н. Булгакова, выражает основную сущность интеллигентского мировоззрения и идеала, является слово «героизм», причем «героизм самообожания» [5, с. 283]. Он пишет: «Изолированное положение интеллигента в стране, его оторванность от почвы, суровая историческая среда, отсутствие серьезных знаний и исторического опыта, все это взвинчи-

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

вало психологию этого героизма, интеллигент, особенно временами, впадал в состояние героического экстаза. Россия должна быть спасена, и спасителем ее может и должна явиться интеллигенция. Интеллигенция живет в атмосфере ожидания социального чуда» [5, с. 285]. Именно в ложности идеалов слабость интеллигенции, а исправить ее можно только изнутри, и сделать это должна сама интеллигенция, совершив «свободный духовный подвиг» [5, с. 279].

И. А. Ильин видит специфику российской интеллигенции, во-первых, в том, что она неверно поняла свое предназначение и свою задачу в жизни России, и поэтому не нашла своего органического места. Во-вторых, интеллигенция была лишена в самой себе духовной почвы, поэтому она не могла приобрести и общественно-политической почвы в массах. Она не имела великой национальной идеи, способной зажигать сердца, заряжать волю и покорять умы; она не умела верно стоять, бодро идти, крепко вести. В-третьих, у нее не было религиозного восприятия родины. Она потеряла живое отношение к Богу [10].

Александр Исаевич Солженицын, сравнивая дореволюционную интеллигенцию с советской интеллигенцией, говорит о том, что под этим словом в России понимается весь образованный слой, все, кто получил образование выше семи классов школы. С чувством сожаления он пишет: «Так — произошло, и с историей уже не поспоришь: согнали нас в образованщину, утопили в ней (но и мы дали себя согнать, утопить). С историей не поспоришь, а в душе — протест, несогласие: не может быть, чтоб так и осталось! Воспоминанием ли прошлого, надеждой ли на будущее: мы — другие!» [16].

Интеллигенция: категориальный смысл

В современных исследованиях можно выделить несколько подходов к понятию «интеллигенция». Так, «первый из них главными характеристиками данной группы общества признает духовные качества, закладываемые в человеке при рождении и в процессе ~~воспитания~~ воспитания. Второй делает упор на социально-профессиональные особенности. В третьем случае интеллигенция рассматривалась в качестве неповторимой социальной группы, которая сформировалась в особых исторических условиях в России» [18, с. 29].

Существует много определений, но чаще всего дается лишь внешнее понимание интеллигенции, что не является достаточным для раскрытия сущности данного понятия. Пользуясь терминологией системного подхода, можно сказать, что в этих случаях анализ проводится лишь на субстратном уровне. Но ведь важно именно внутреннее, глубинное понимание интеллигенции, т. е. изучение данного явления на иных уровнях, а именно на концептуальном и структурном. Таким образом, мы рассматриваем интеллигенцию в первую очередь как некое свойство или отношение. Следовательно, в центре нашего внимания будет не интеллигент, т. е. «человек, обладающий качеством интеллигентности» [16, с. 51], и не интеллигенция как «множество интеллигентов» [там же], а интеллигентность как свойство, качество и отношение. Именно о свойстве интеллигентности, которым может владеть представитель любого социального слоя, пишет И. В. Дмитревская в работе «Герменевтика драматургии А. П. Чехова». Это духовное и нравственное качество позволяет интеллигенции играть «концептуально-структурную роль в систе-

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

ме общественного бытия, обеспечивая ее целостность и жизнеспособность» [7, с. 117].

О том, что интеллигентность является ключевым понятием, «главным семантическим множителем, посредством которого можно выразить другие понятия», говорит А. В. Соколов [16, с. 50]. А. Ф. Лосев абстрактное понятие «интеллигентность» рассматривает как ту или иную «жизнь личности» или его функцию. Автор разграничивает такие понятия, как «интеллигентность» и «выражение интеллигентности» [12, с. 314].

Культурная значимость интеллигенции, по мнению исследователя, состоит в постоянном и неуклонном стремлении не созерцать, но переделывать действительность, не со стороны смотреть на мир, а принимать активное участие в жизни общества. Интеллигентность, по Лосеву, является естественным чувством и инстинктивным отвращением к жизненным несовершенствам [12, с. 317]. Интеллигент постоянно трудится, он всегда готов вступить в бой, он пытается бороться со всеми скрытыми и открытыми несовершенствами жизни.

Автор приходит к выводу, что интеллигентность — это подвиг, это «ежедневное и ежечасное несение подвига, хотя часто только потенциальное» [12, с. 319]. Интеллигентность есть индивидуальная жизнь или функция личности, понимаемой как сгусток природно-общественно-исторических отношений, идеологически живущей ради целей общечеловеческого благоденствия, не созерцающей, но переделывающей несовершенства жизни, что повелительно требует от человека потенциального или актуального подвига [там же]. Интеллигентным, пишет Лосев, является тот человек, который «блюдет интересы общечеловеческого благоденствия. Интеллигент живет и работает в настоящее время так, как в будущем станет жить и работать человек в условиях общечеловеческого благоденствия. И при этом вовсе не обязательно, чтобы интеллигент сознавал это в подробностях и чтобы вообще это сознавал» [12, с. 318].

В этом отношении свойство интеллигентности напоминает свойство ноосферности, которое присуще ноосферному человеку, и это позволяет нам говорить о ноосферности интеллигенции.

Интеллигент в контексте ноосферного видения мира

По-новому раскрывается интеллигент как носитель свойства интеллигентности, когда мы смотрим на него с точки зрения ноосферного видения мира. Эта проблема является одной из ключевых в работах И. В. Дмитриевской, Г. С. Смирнова, Д. Г. Смирнова и других.

Г. С. Смирнов отмечает, что «универсумное понимание исторического процесса создает условия для полноформатного осмысления феномена интеллигенции, ибо становится возможным акцентировать внимание не только на материальных или только духовных аспектах, но искать факторы взаимообусловленности материального и идеального в развертывании исторического процесса» [14, с. 99]. Интеллигенция как духовное состояние — это конкретно-историческое ощущение и понимание своего единства с миром, который постоянно расширяется, заставляя тем самым расширяться и человеческую субъективность [там же]. Интеллигенция, по определению Г. С. Смирнова, становится «аттрактором ноосферного развития».

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Семиологической функции интеллигенции в условиях становления и развития ноосферного общества посвящена статья Д. Г. Смирнова. По мнению исследователя, семиологическая функция интеллигенции «заключается не только в том, чтобы “осмысливать жизнь” (В. И. Вернадский), но и в том, чтобы “прописывать” образы сверхсистемности. Семиологическая функция интеллигенции предстает в формах опережающего отражения, проявляется как способность увидеть то, чего нет, но возможно (действительно) и, более того, как «достичь невозможного» [15, с. 24]. И это еще одно свойство, которое сближает интеллигента и ноосферного человека.

По мнению И. В. Дмитриевской, интеллигенция выполняет главную ноосферную функцию — «транслирует в будущее лучшие свойства, присутствие которых сохраняет жизнь» [6, с. 89].

Д. С. Лихачев отмечает, что «все интеллигенты в той или иной мере “творят”, т. е. они являются творцами. А умение творить, а не разрушать — это один из самых главных признаков ноосферного человека.

Интеллигенты ноосферны и потому, что свободны в своих взглядах, убеждениях. Д. С. Лихачев называет людей, которые пишут, творят по заказу, не интеллигентами, а наемниками. А особым принципом интеллигентности исследователь считает интеллектуальную свободу как нравственную категорию. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и мысли. Совесть, по мнению автора, заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, а указывала настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни [11].

Ученые, которые ради своей профессии, жертвуют интересами людей и культурными ценностями, например работают на войну или производят опыты, опасные для человека и животных, не являются интеллигентами. «Способность таким образом строить свое поведение и организовать среду обитания, чтобы не разрушать целостности живого, а сохранять ее и приумножать» [11] и делает интеллигента носителем свойства ноосферности. Ноосферный человек всегда созидатель, считает Лихачев. Таким образом, люди, деятельность которых приносит пользу государству, экономике, но разрушает живое, — не интеллигенты, они не творцы, они неноосферны. «Обязанностью интеллигентных людей всегда было и остается: знать, понимать, сопротивляться, сохранять свою духовную самостоятельность и не участвовать во лжи», — пишет ученый [11].

Глубоким качеством интеллигенции, по мнению Г. С. Смирнова, является «феномен “везде-вечности”» [13, с. 66]. В этом понимании интеллигенция, как и ноосферный человек, предстает перед нами как «внепространственный и вневременной организм» [там же] и переносится в нравственную категорию. Интеллигентность и ноосферность являются именно нравственными категориями, так как для них не существует пространственно-временных рамок.

Интеллигенцию превращает в ноосферного героя и ее стремление к созиданию, к творению, постоянное стремление к духовному росту. Ведь, по словам В. А. Бачинина, подлинная интеллигентность «не является чем-то внешним, выражающимся в благообразных манерах и в способности произносить “гладко причесанные” фразы. Интеллигентность — это в первую очередь особый страт внутренней жизни...» [2, с. 17].

Поэтому нельзя по каким-то определенным характеристикам: отсутствию или наличию образования, профессии, роду деятельности — разграни-

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский,
разреженный на 0,1 пт

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный, русский

Отформатировано: Шрифт: 11 пт,
Цвет шрифта: Черный

чивать интеллигента от неинтеллигента, ноосферного человека от неноосферного. Необходимо в этих феноменах в первую очередь видеть и ценить особое отношение к миру, к другим людям, к жизни.

Таким образом, интеллигентность, как и ноосферность, является особым взглядом на мир, особым отношением к тому, что происходит вокруг. Это умение, дар становится выше реальной действительности. А интеллигентный человек, как и ноосферный, является духовно богатым, активным человеком, наполненным внутренней энергией, который не со стороны смотрит на то, что происходит в действительности, а пытается так или иначе переделать эту действительность, а точнее, усложнять внешнюю и внутреннюю реальность.

Библиографический список

1. *Аверинцев С.* Опыт петербургской интеллигенции в советские годы — по личным впечатлениям. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/aver/op_pet.php (дата обращения: 30.07.2011).
2. *Бачинин В. А.* Интеллигентность — категория нравственная. М. : Знание, 1985. 64 с.
3. *Бердяев Н. А.* Духовный кризис интеллигенции // Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. М. : Канон+, 1998. С. 9—22.
4. *Бердяев Н. А.* Из психологии русской интеллигенции // Там же. С. 67—79.
5. *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество : (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Булгаков С. Н. Два града : исследование о природе общественных идеалов. СПб. : Изд-во РХГИ, 1997. С. 275—299.
6. *Дмитревская И. В.* Богочеловек Вл. Соловьева — Ноосферный человек — «Прекрасный человек» А. П. Чехова // Соловьевские чтения. 2008. Вып. 20. С. 85—93.
7. *Дмитревская И. В.* Герменевтика драматургии А. П. Чехова. Иваново, 2008. 186 с.
8. *Дмитревская И. В.* Текст как система: понимание, сложность, информативность / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1985. 87 с.
9. *Дмитревская И. В.* «Тимей» Платона: миф о Живом космосе // Ноосферная идея и будущее России / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1998. С. 29—32.
10. *Ильин И. А.* О русской интеллигенции. URL: http://inductor1.ucoz.ru/publ/d_s_likhachev_o_russkoy_intelligencii/26-1-0-484 (дата обращения: 20.09.2011).
11. *Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции. URL: http://inductor1.ucoz.ru/publ/d_s_likhachev_o_russkoy_intelligencii/26-1-0-484 (дата обращения: 20.09.2011).
12. *Лосев А. Ф.* Дерзание духа. М. : Политиздат, 1988. 366 с.
13. *Смирнов Г. С.* Новая молодая российская интеллигенция: философские проблемы философской экологии, антропологии и персонологии XXI века // Интеллигенция и мир. 2008. № 4. С. 61—78.
14. *Смирнов Г. С.* Философия интеллигенции и ноосферная история: синергетический подход // Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. С. 98—128.
15. *Смирнов Д. Г.* Интеллигенция: семиологическая функция : (к постановке проблемы) // Интеллигенция и мир. 2008. № 3. С. 13—26.
16. *Соколов А. В.* Поколения русской интеллигенции. СПб. : Изд-во СПбГУП, 2009. 672 с.

Отформатировано: Шрифт: Times New Roman, 10 пт, не курсив, Цвет шрифта: Черный, английский (США), не разреженный на / уплотненный на

Отформатировано: Шрифт: Times New Roman, 10 пт, не курсив, Цвет шрифта: Черный, английский (США), не разреженный на / уплотненный на

Код поля изменен

Отформатировано: Шрифт: Times New Roman, 10 пт, не курсив, Цвет шрифта: Черный, английский (США), не разреженный на / уплотненный на

Отформатировано: Шрифт: Times New Roman, 10 пт, не курсив, Цвет шрифта: Черный, английский (США), не разреженный на / уплотненный на

Отформатировано: Шрифт: Times New Roman, 10 пт, не курсив, Цвет шрифта: Черный, английский (США), не разреженный на / уплотненный на

Отформатировано: Шрифт: 10 пт, Цвет шрифта: Черный, русский

17. *Солженицын А. С.* Образованщина. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/aver/op_pet.php (дата обращения: 30.04.2012).
18. *Тепикин В. В.* Культура и интеллигенция. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2006. 80 с.

ББК 60.023

Г. С. Смирнов, Д. Г. Смирнов

**НООСФЕРНЫЙ ПЕЙЗАЖ:
ЛОГИКА РАЗВИТИЯ И ЭКОЛОГИЯ ВЫЖИВАНИЯ
ГУМАНИТАРНОЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ШКОЛЫ**

Анализируются основные направления развития университетской научной школы за пять лет (2006—2010). Раскрываются новые тенденции исследования проблем ноосферологии на региональном, федеральном и глобальном уровнях.

Ключевые слова: философия сознания и ноосферы, философская традиция, ноосферное развитие, ноосфера и семиосфера, ноосферная безопасность.

The basic directions of development of the university scientific school for five years (2006—2010) are analyzed in the article. New research tendencies at regional, federal and global levels are revealed.

Key words: philosophy of consciousness and noosphere, philosophic tradition, noospheric development, noosphere and semeisphere, noospheric safety.

В последнее время в условиях модернизации высшей школы высший образовательный менеджмент приучает университетское сообщество к мысли о том, что необходимо посмотреть на себя со стороны, провести компаративистский анализ содеянного, а удостоверившись в своей неполноценности, встраиваться в фарватер европейской науки. Интернет позволяет убедиться в том, что даже некоторые научные отечественные университетские журналы публикуют статьи российских авторов только на английском языке. В середине прошлого века это назвали бы низкопоклонством перед Западом, но сейчас, когда у российской науки нет государственной поддержки, приходится, как иногда говорили прежде, «повторять зады», т. е. переводить «с французского на нижегородский» то, что должно быть прочитано значительно раньше. В этой ситуации встает актуальный вопрос: имеют ли право на существование научные школы с «советским прошлым». Целесообразно ли поддерживать почвенные региональные научные традиции, когда взят курс на «европеизацию плюс коммерциализацию всей страны»? Возможно ли аутентичное развитие российской культуры, завязанной на тысячелетних духовных традициях? Ответ в этом случае, очевидно, такой: столичные культуры всегда по преимуществу культуры иноориентированные, а провинциальные культуры в силу специфики личностного хранения «человеческой информации» больше подвержены почвенности и региональной аутентичности. По этой причине каждый регион должен получать максимальную поддержку в развитии культуросферы, включающей в себя прошлое, настоящее и будущее (отметим, что будущее существует в настоящем прежде всего как антропологическая форма, но при этом надо иметь в виду, что социоприродная субстанциональность, экологическая среда, принадлежит не просто прошлому и будущему, но в значительной степени будущему).

© Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г., 2012

История России показывает, что очень часто аттракторы (как формы опережающего отражения, модели потребного будущего) ее развития носят характер заимствованных трендов из ушедших далеко в историческое время стран. Так было с историческим временем Петра I, так было со сталинской индустриализацией, так имеет место и с современной ситуацией, когда потоки экзоинформации в исторической динамике развития страны значительно превышают масштабы эндоинформации. Такая диспропорция требует своего переосмысления: продуцирование (экспликация и экскавация) местно-региональной социально-антропологической информации предстает не просто как уважение к автохтонности, но как способ интенсификации средовой бытийности, отвечающей фундаментальному противоречию локальности и глобальности.

Вопрос об уважении к провинции как источнику культурной биогеохимической энергии, питающему организм огромной мировой державы, возник не случайно. Наше время дает возможность оценить значимость духовно-сознаниевого потенциала региона, который сохранил концепты староверия, советскости, всемирности, подвижничества, творчества и самоотверженности. Чтобы сделать выводы относительно этой проблемы, требуется большая аналитическая работа, но некоторые сюжеты лежат на поверхности. Вне конкуренции краеведческая традиция, заложенная «отцами города» и лишь в самой незначительной мере отрабатываемая властью и обществом: музейные проекты не получают сколь-нибудь значимой поддержки (и, надо сказать, не только по причине нехватки средств на «реанимирование» исторического прошлого).

К сожалению, практически невозможно собрать материал по нереализованным гуманитарным региональным проектам, нет возможности определить, какая часть из задуманного сбылась, но известно, что очень небольшая. Перед нами тот случай, когда небытие (и невоплощенность) оказывается значительнее, чем собственно бытие. В условиях «модернизации» духовное (культурное) производство оказывается еще более невостребованным, чем производство материальное: точно так же как товары — предметы материальной культуры — производят не в России, а в Китае, ставка делается на продукты зарубежного информационного (сознаниевого, чтобы не сказать духовного) производства. Современная низовая провинциальная Россия обречена «дурной глобализацией» на деятельностное вырождение. Этот вывод для гуманитарного сообщества региона мог бы рассматриваться как эмпирическое обобщение, если бы не одно обстоятельство: слишком много фактов исключительно личностного подвижничества в сфере духовного производства, т. е. той части общества, которая по своей сущности называется интеллигенцией (тот слой, который осуществляет «за свой счет» региональное духовное производство).

Гуманитарное пространство региона: историческая, филологическая и философская традиции

Каждый ивановский вуз ведет свой учет научным школам (в том числе гуманитарным), но серьезной аналитической работы по данной важной проблеме до настоящего времени не осуществлялось. Перечислим лишь те основ-

ные направления, которые находятся на самой вершине пирамиды регионального духовного производства.

Самая влиятельная традиция, вне всякого сомнения, *историческая*, у ее истоков стояли крупнейшие историки нашей страны (работавшие в вузах расположенного недалеко от Москвы Иванова). В ее лоне постепенно сформировались археологическая, краеведческая, экскурсионно-музееведческая, религиоведческая и другие школы. Вторая по значимости традиция духовного производства — *филологическая*. Наконец, третья — *философская* (обществоведческая), у истоков которой стояли Н. П. Антонов и А. И. Уёмов. (Создание первого университета в Иванове опиралось как раз на традиции трех профессоров-гуманитариев — философа Н. П. Антонова, филолога П. В. Куприяновского и историка В. М. Бритова.)

Ноосферная региональная традиция

Университетская научная школа представляет собой довольно сложную самоорганизующуюся систему, в которой в качестве элементов могут обозначаться не только члены кафедры, коллеги из местных вузов и других городов страны, зарубежные коллеги, аспиранты различных форм обучения, студенты, изучающие соответствующие курсы, но также иные образовательные, научные и общественные институты, которые позволяют оценить и апробировать деятельность данной научной школы, выявить ее мировоззренческий, научный и практический потенциал. История научной школы, очевидно, должна писаться последовательно и рассматриваться как важнейший фактор университетской жизни в целом. Жизнь научной школы отражает значимые аспекты ноосферной истории региона. Начало работы с университетской историей ноосферной региональной школы было положено ранее¹, данная статья освещает процессы, произошедшие за последнюю пятилетку. Наиболее существенная сторона деятельности научной школы связана не столько с результативными показателями, сколько с логикой развития научных идей, за которыми стоят конкретные ученые, не только осмысливающие научные проблемы, но и откликающиеся на процессы, происходящие в стране и мире.

Логика научно-исследовательских пятилеток

Философия пятилеток в известной мере связана с законом взаимного перехода количественных изменений в качественные: за пять лет происходят, на наш взгляд, качественные изменения, которые позволяют не только «подвести итоги», но и обнаружить такие, может быть, незначительные на первый взгляд подвижки, которые следовало бы назвать странными аттракторами научной школы. Условно говоря, прошедшие пятилетки можно было бы представить следующим образом: 1956—1960 годы — становление диалектико-материалистической парадигмы осмысления проблемы сознания, 1961—1965 годы — конституирование проблемы происхождения и сущности сознания, 1966—1970 годы — разработка теоретических и прикладных про-

¹ См.: Смирнов Г. С. Философия сознания и ноосферы: научная школа в университетском сообществе // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2005. № 2.

блем структуры и функций общественного и индивидуального сознания, 1971—1975 годы — обращение к творчеству В. И. Вернадского и проблемам ноосферы, неразрывно связанным с философией сознания, 1976—1980 годы — разработка историко-философских и социально-философских проблем становления ноосферы в связи с научно-технической революцией и глобальными проблемами современности, 1981—1985 годы — комплексная разработка философских оснований учения В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, 1986—1990 годы — осмысление философии сознания в историко-философском и социокультурном контекстах, разработка философских и естественно-научных истоков, а также мировоззренческих и методологических представлений о биосфере и ноосфере, 1991—1995 годы — историко-философская и теоретическая разработка взаимосвязи парадигм языка и сознания, в том числе семиотических исследований), 1996—2000 годы — формулирование парадигмы ноосферного университетского и лицейского образования, философско-культурологический анализ становления ноосферного сознания, 2001—2005 годы — системный анализ ноосферной динамики России, анализ учения В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу в связи с реалиями третьего тысячелетия.

**Одиннадцатая пятилетка (2006—2010):
философия сознания и ноосферы как модель сильного синтеза**

Обозревая пройденный путь и забегаая вперед, следует сказать, что в этот период кафедра в ходе своей эволюции вступила на траекторию, задаваемую принципом дополнительности (принципом философской комплементарности).

Одиннадцатая пятилетка — это пятилетка сильного синтеза. Специфической чертой данного периода было слияние «ручейков» различных философских направлений, развивающихся на кафедре, в единое русло общеполитической проблематики, соединяющей философию сознания и ноосферы Н. П. Антонова, философию языка и философскую антропологию А. Н. Портнова, системологию А. И. Уёмова и И. В. Дмитриевской, философию нравственности Г. Н. Гумницкого, онтологию сознания А. В. Ерахтина, ноосферологию Г. С. Смирнова, когнитологию Т. Б. Кудряшовой, этнонациологию О. В. Рябова и нациосферологию М. Ю. Тимофеева.

Подобный синтез всегда процесс очень сложный, полисемантический и многовариантный. К достижению результатов, очевидно, придется еще достаточно долго двигаться. Но некоторые обоснования подобного синтеза имеют место уже сейчас. Философия сознания и ноосферы предстает как сообщество разнообразных, дополняющих друг друга дискурсов: семиотического, герменевтического, когнитивного, онтологического, этнонационального. Только в таком универсальном взаимодополнении представления о ноосфере как сфере, формируемой сознанием и разумом, приобретают не примитивный редуционистский характер, а предстают как философское многоцветие, как мировоззрение, отвечающее реалиям XXI века.

Эти синтетические процессы касаются не только культурно-культурологических взаимосвязей между специалистами-философами, но и в значительной степени, как это и положено университету, модели междисципли-

нарного синтеза и сотрудничества с кафедрами биолого-химического, филологических, юридического, физического факультетов.

Ноосфера и семиосфера: союз двух подходов (2005)

Значимым событием в истории развития школы было объединение двух направлений философских исследований, одно из которых связано с проблемами сознания и ноосферы, другое — с проблемами соотношения сознания и семиотики.

Начало этой ноосферно-семиотической проблематике было положено работами А. Н. Портнова еще на конференции 1990 года². Но в полном формате она проявила себя в работах по языковому сознанию³ и по соотношению ноосферы и семиосферы⁴.

Союз ноосферного-универсального и семиотического подходов, на наш взгляд, доказал свою состоятельность. Открылось новое исследовательское направление, задачей которого стало, по меткому выражению Вяч. Вс. Иванова, «описывать семиосферу, без которой невозможна ноосфера».

Спустя три года в свет вышла монография Д. Г. Смирнова «Семиософия ноосферного универсума: ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе»⁵, научным редактором которой выступил профессор А. Н. Портнов. Наряду с теоретико-методологическими сюжетами, она содержала значительный блок практических моментов, связанных прежде всего с проблематикой ноосферного образования. Анализ монографии представлен в рецензии, помещенной в журнале «Интеллигенция и мир»⁶.

Антропологическая составляющая ноосферных исследований (2005)

Соприкосновение двух линий кафедральной философской традиции носило достаточно противоречивый характер. Еще на конференции по проблемам ноосферного образования (2001) А. Н. Портнов отчетливо сформулировал мысль о том, что образование невозможно без учета антропологических составляющих, опираясь при этом на глубокое знакомство с немецкой философской антропологией⁷.

² Портнов А. Н. Ноосфера и семиосфера // Философские истоки учения В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу. Иваново, 1990.

³ Портнов А. Н., Смирнов Д. Г. Глобализация: ноосферно-семиотический аспект // Языковое сознание: устоявшееся и спорное. М., 2003; *Их же*. Языковое сознание и семиотическое измерение глобализационных процессов // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. М., 2003; Портнов А. Н. Структура языкового сознания: феноменологический и антропологический аспекты проблемы // Там же.

⁴ Портнов А. Н., Шишкина Г. М. Ноосфера и семиосфера: генетические аспекты // Ноосферная идея и будущее России. Иваново, 1998; Портнов А. Н., Смирнов Д. Г. Семиосфера: общие проблемы // Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы. Иваново, 2002.

⁵ Смирнов Д. Г. Семиософия ноосферного универсума: ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново, 2008.

⁶ Раков В. П. Заметки дилетанта // Интеллигенция и мир. 2009. № 2.

⁷ Портнов А. Н. «Ноосферная парадигма образования»: утопия или путь выхода из кризиса? // Ноосферное образование в России. Иваново, 2001. Вып. 2.

Во время стажировки в Москве в 2005 году он сумел собрать значительный материал по немецкой философской антропологии из библиотеки иностранной литературы, переводы и осмысление которого и определили на пять лет его творческую деятельность. Знакомство с его публикациями свидетельствует о том, что ноосферная и антропологическая проблематика в значительной степени оказались комплементарными и продуктивными для осуществления исследований в рамках защит не только кандидатских, но и докторских диссертаций.

Первый значительный шаг в этом направлении был сделан С. В. Коваленко, который сумел за годы докторантуры (2003—2005, научный консультант профессор Г. С. Смирнов) подготовить докторскую диссертацию на тему «Философско-антропологические аспекты ноосферогенеза» (по специальности 09.00.01 — Онтология и теория познания). Им были опубликованы статьи в ваковских изданиях и написана монография (научный редактор профессор А. Н. Портнов)⁸. Диссертационная работа была защищена в диссертационном совете Д 212.062.01 при ИвГУ, ведущей организацией выступила кафедра философии РАН (Москва), а оппонировали крупные специалисты в области ноосферологии профессор МГУ В. М. Федоров и профессор ИГЭУ А. В. Брагин, а в области философской антропологии профессор из Нижнего Новгорода О. Л. Краева. Принципиальная концептуальность диссертации была связана с тем, что в методологическом плане сплелись универсальный эволюционизм (синергетика) и философская антропология, были выявлены объективные и субъективные факторы ноосферогенеза (в этом отношении С. В. Коваленко в известной степени продолжал направление ноосферных исследований, которое было заложено еще Н. П. Антоновым)⁹, а также затронуты полевые аспекты ноосферной самоорганизации человека и формирования ноосферной личности.

Кооперативность как принцип самоорганизации (2006)

В первом десятилетии нового века в философии вообще и ноосферологии в частности наблюдалось увеличение интереса к синергетической методологии¹⁰. Традиция такого рода берет свое начало в творчестве Н. Н. Моисеева¹¹. Вклад в этом направлении был внесен аспиранткой Е. Н. Прищеп, подготовившей диссертацию на тему «Кооперативность как принцип самоорганизации социальных систем: ноосферные аспекты»¹². Особенный интерес в контексте обсуждаемых проблем ноосферологии имеет вторая глава диссертации «Кооперативное измерение ноосферного развития», в которой автор

⁸ Коваленко С. В. Антропологические основы ноосферогенеза. М., 2005.

⁹ Антонов Н. П. Субъективный фактор становления ноосферы // Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. М., 1991. Т. 2.

¹⁰ Этому в значительной степени способствовало издание ежегодников «Синергетическая парадигма», в которых обсуждался широкий круг философских, культурологических, искусствоведческих и других проблем.

¹¹ См.: Моисеев Н. Н. Современный рационализм. М., 1995.

¹² Прищеп Е. Н. Кооперативность как принцип самоорганизации социальных систем: ноосферные аспекты : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2006.

исследует кооперативные основания ноосферной цивилизации. Важно обратить внимание на то, что в контексте русской философской мысли, движущейся в русле ноосферных идей, предложено осмысление российской кооперативной философии¹³. К сожалению, кооперативный потенциал ноосферного развития, проявления «глобальной кооперативности» пока еще не осмыслены российской властью эпохи модернизации и не смогли включить важнейшие факторы самоподдерживающегося развития.

Прикладные региональные приоритеты (2006)

Ноосферные исследования, которые, казалось бы, имеют только теоретическое измерение, в действительности обнаруживают прямые выходы в практику. Прикладные аспекты ноосферных исследований представлены в рамках Межрегиональной научно-практической конференции «Природа — Экономика — Человек. Устойчивое развитие: комплексные биосферно-ноосферные исследования, проектирование и реализация»¹⁴, проходившей 22—24 ноября 2006 года и посвященной 10-летию разработки Концепции устойчивого развития России. Начало работы по осмыслению данной тематики было положено еще в 1999 году в рамках обсуждения проблем регионального устойчивого развития¹⁵. Проведение этой конференции свидетельствовало еще об одном интегративном измерении ноосферных исследований — непосредственной научно-организационной связи с кафедрой зоологии ИвГУ, возглавляемой профессором В. А. Исаевым, продолжающим традиции, заложенные профессорами философом Н. П. Антоновым и биологом Г. Л. Шкорбатовым в области осуществления естественно-научного и социально-гуманитарного синтеза знаний в рамках классического университета. Это научное мероприятие проходило при непосредственном участии Института географии РАН (профессор Б. И. Кочуров) и Биосферно-ноосферного центра Отделения изучения проблем биосферы РАЕН.

Грантовая поддержка школы: региональное устойчивое развитие (2007)

Как и в предыдущем пятилетии, имела место грантовая поддержка деятельности ноосферной научной школы, что не только позволяло реализовать публикацию исследовательских проектов, но и в известной степени являлось одновременно свидетельством ее общественного признания.

Значительным шагом в выходе ноосферной научной школы на прагматический уровень деятельности стало получение гранта РГНФ на 2007 год, который касался проблемы «Региональная модель устойчивого развития как результат комплексных ноосферных исследований» (проект № 07-03-54704а/Ц). По итогам выполнения гранта опубликованы исследования, наиболее полно

¹³ Прищеп Е. Н. Кооперативные идеи в русской социальной философии второй половины XIX—XX вв. Иваново, 2005.

¹⁴ См.: Региональное устойчивое развитие: комплексные биосферно-ноосферные исследования, проектирование и реализация : материалы науч.-практ. конф., Иваново, 22—24 нояб. 2006 г. Иваново, 2007.

¹⁵ См.: Региональное устойчивое развитие: новое видение проблем. Иваново, 2000.

представляющие содержание и направление работы Ивановского биосферно-ноосферного центра, функционирующего с 2004 года при ИвГУ, и ориентированные на исследование философских, методологических, экономических, экологических, социальных, информационных и образовательных проблем регионального устойчивого развития. Ректор ИвГУ В. Н. Егоров отмечал, что «в нашей области имеется существенный научный, образовательный и управленческий потенциал, позволяющий формировать модели не только тактического, но и стратегического характера»¹⁶.

Продолжением этой деятельности стал материал, опубликованный в рамках совместной работы с творческим коллективом экономистов под руководством Б. Д. Бабаева¹⁷.

Переводы с антропологического языка на ноосферный: «ищу человека»

О чем бы ни говорил философ, всегда все заканчивается размышлениями о человеке. Так и в творчестве А. Н. Портнова: все, что он хотел сказать о трудностях и беспросветностях современного ноосферного (и неноосферного) бытия, все формулировалось путем выбора предметной области перевода. С этой точки зрения нет более ярко выраженного ноосферного дискурса, чем выбранные им для перевода статьи А. Гелена, М. Бубера, А. Шюца, К. Шмитта¹⁸. Особенно в этом плане характерна статья А. Гелена, пафос которой был близок переводчику: нет ничего проще, чем в духе Просвещения утверждать торжество и величие разума, однако антропофилософ, «случайно» переживший катаклизмы XX века, обязан говорить о другом. Читая статью А. Гелена, естественно задумываешься над тем, где открывается главная «акцентуализация» (одно из любимых слов А. Н. Портнова) смысла. Попробуем предположить, что это — параграф «Путь аскезы»: «Если возможно представить себе некий выход, то он видится собственно только в аскезе. В практическом плане это будет обозначать, что, по меньшей мере, мы исключим себя из того, что Бергсон называл всеобщей погоней за благосостоянием»¹⁹. Но это положение, которое вообще комплементарно жизни любого философа, было бы неполным, если не учитывать, что перевод состоялся в эпоху, когда Россия ринулась из потребительского коммуно-социализма в суперпотребительский псевдокапитализм. Поэтому наиболее актуальной оказывается следующая мысль: «...концентрация духовного и волевого самоконтроля аскезы опасна и станет предметом совместных нападок капитализма и социализма, которые полностью согласны между собой только в этом пунк-

¹⁶ Егоров В. Н. Современная регионология и вузовская наука: приоритеты устойчивого развития // Региональное устойчивое развитие. Иваново, 2007. С. 3.

¹⁷ Смирнов Г. С. Биосферно-ноосферные аттракторы экологического развития города Иванова // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2009. № 2.

¹⁸ См.: Бубер М. Встреча с монистом ; Демон во сне // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 1 (40) ; Его же. Изреченное слово // Там же. Вып. 2 (41) ; Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Там же. 2007. Вып. 2 (36) ; Гелен А. Образ человека в свете современной антропологии / пер. А. Н. Портнова, М. А. Кукарцевой // Там же. Вып. 3 (37) ; Шмитт К. Песнь шестидесятилетнего // Неизреченное слово. Иваново, 2012.

¹⁹ Гелен А. Указ. соч. С. 48—49.

те — в погоне за благосостоянием, или, как выражаются более возвышенно, в борьбе за повышение жизненного уровня. В современном обществе аскету нет места — это утопическая фигура»²⁰.

Интеллигенция и ноосфера (2007)

Другая сторона философско-антропологической проблематики становления ноосферы (наряду с проблемами культурологической составляющей антропологической коэволюции, роли власти и демократии в формировании ноосферного человека и ноосферной личности) связана с рассмотрением предметной области интеллигентоведения. Весьма показательно, что в межкультурном иваново-вознесенском пространстве неожиданным образом пересеклись два направления поиска человеческой сущности: ноосферологическое (междисциплинарно-философское) и интеллигентоведческое (междисциплинарно-историческое).

Сотрудничество бисферно-ноосферного центра и института интеллигентоведения, функционирующих в ИвГУ, открыло несколько перспективных направлений исследования духовной жизни. В их числе роль региональной интеллигенции в устойчивом развитии края²¹, значение интеллигенции в процессах общественной самоорганизации²², место мировой интеллигенции в ноосферной истории²³, функции интеллигенции в ноосферном образовании²⁴.

Русская интеллигенция (как бы ни старались в постсоветско-либеральную эпоху ее дискредитировать) на протяжении столетий вела непрекращающуюся — в значительной степени интеллектуально-философскую — борьбу с властью, очень часто теряющей разум и даже здравый смысл в жестокой борьбе за геополитическое место в мире. Платоновская формула о философах во власти никогда не потеряет своей актуальности именно по причине того, что речь в ней идет об идеальной модели, которая никогда не сможет осуществиться, но всегда способна быть аттрактором поискового движения вперед.

²⁰ Там же. С. 49.

²¹ *Смирнов Г. С.* Народный гуманизм: философия социального советования и народной синергии // Гуманизм. Онтологическая и антропологическая аналитика : межвуз. темат. сб. Владимир, 2006 ; *Его же.* Антоновские яблоки познания // Наша родина — Иваново-Вознесенск. 2006. № 4 ; *Его же.* Дмитрий Геннадьевич Бурьлин как уникальный феномен иваново-вознесенской культуры // Меценаты русской провинции: история и современность : к 155-летию со дня рождения Д. Г. Бурьлина : материалы науч.-практ. конф., 15—16 февр. 2007 г. Иваново, 2008.

²² *Смирнов Г. С.* Российская интеллигенция и модели миропостроения: проблемы устойчивого развития и социальной синергетики // Интеллигенция в процессах преобразования мира: исторические вызовы, социальные проекты и свершения : материалы XVIII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 27—29 сент. 2007. Иваново, 2007 ; *Его же.* Курс «Введение в интеллигентоведение» // Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук : исслед. и учеб.-метод. разработ. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново, 2008.

²³ *Смирнов Г. С.* Ноосферная история человечества: философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2006. № 1 ; *Его же.* Философия интеллигенции и ноосферная история: синергетический подход // Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук ; *Его же.* Три Владимира: размышления о ноосферной истории и ноосферном будущем России // Соловьевские исследования : период. сб. науч. тр. / гл. ред. М. В. Максимов. Иваново, 2008. Вып. 19.

²⁴ *Смирнов Г. С.* Ноосферное образование: «мыслить глобально, действовать локально» // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2008. Вып. 3.

Из этого посыла следует вывод о значительной роли мировой интеллигенции в ноосферной истории: центральная задача мировой интеллигенции (и как особой духовной субстанции, и как антропологического феномена) в третьем тысячелетии — обеспечение устойчивых форм *внутреннего* (сознаниевого) и *внешнего* (космопланетарного) *миропостроения*. Интеллигенция начинает приобретать характер единого планетарного субъекта, который озабочен сохранением (поддержанием) устойчивого развития ноосферного тела планеты Земля.

Сотрудничество с Неправительственным экологическим фондом им. В. И. Вернадского (2008)

Традиционно важную роль в развитии научной школы играли связи с Неправительственным экологическим фондом им. В. И. Вернадского. Знакомство с Фондом произошло в 1998 году на конференции «Ноосферная идея и будущее России», главным организатором которой выступил Ивановский государственный университет. Потом были конференции «Ноосферное образование в России» (2001), «Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия» (2003)²⁵. Формы сотрудничества были разнообразными. Два раза студенты и аспиранты ИвГУ становились обладателями именных стипендий Фонда, в свою бытность студентом Д. Г. Смирнов победил в открытом Всероссийском конкурсе студенческих работ «Миссия России в развитии цивилизации» и принял участие (в составе делегации Фонда) во Всемирном саммите по устойчивому развитию, проходившем в 2002 году в ЮАР²⁶.

Новая активизация сотрудничества пришлась на 2008 год. Фонд пригласил представителя ивановской ноосферной школы Д. Г. Смирнова к участию с докладами, отражающими научную деятельность российского молодежного ноосферного сообщества, в так называемом «Меридиане Вернадского», посвященном 145-летию со дня рождения академика. Благодаря Фонду удалось наладить связи с научным сообществом Украины, принять участие сразу в нескольких научных конференциях высокого уровня²⁷.

В течение нескольких последних лет Ивановский биосферно-ноосферный центр принимал участие в престижном Международном конкурсе «Национальная экологическая премия» с проблематикой ноосферного образования и ноосферно-экологического видения мира. В 2009 году специальный приз конкурса в номинации «Образование для устойчивого развития»

²⁵ В этом мероприятии Фонд выступил уже не только как участник, но и в качестве спонсора, опубликовав в издательском доме «Ноосфера» материалы конференции «Реалии ноосферного развития» (М., 2003).

²⁶ Отметим, что философское эссе, с которым Д. Г. Смирнов победил в конкурсе, было опубликовано при финансовой поддержке Фонда отдельной брошюрой на русской и английском языках: *Смирнов Д. Г. Ноосферная миссия России в развитии человеческой цивилизации = The noospheric mission of Russia in the development of the mankind*. М., 2002.

²⁷ *Смирнов Г. С. Ноосферология как университетский курс // Ноосферология: наука, практика, образование. NOOS'2008 : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 145-летию со дня рождения В. И. Вернадского, Симферополь, 27—29 мая 2008 г. / Тавр. нац. ун-т им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2008 ; Смирнов Д. Г. Ноосферология: биосферология et семиософия // Там же.*

получил проект «Ноосферно-семиотическое образование как стратегия понимания процессов глобализации и устойчивого мирового существования», представленный Ивановским биосферно-ноосферным центром²⁸.

Журнал «Ноосфера» в течение долгого времени был направлен на популяризацию научного и творческого наследия В. И. Вернадского, разработку проблематики устойчивого развития и ноосферно-экологического образования. Ивановская ноосферная школа регулярно знакомила широкую научную общественность с результатами своих изысканий в этой области²⁹.

Ноосферная безопасность (2008)

Рубеж двух веков для России оказался временем выживания в условиях «шоковой терапии», которую более точно следовало бы назвать всеобщим (демографическим, экономическим, социальным и культурным) катастрофизмом. Место проблем госбезопасности по своей значимости заняли проблемы чрезвычайных ситуаций. Осмысление философских проблем безопасности оказалось в центре внимания научной общественности: национальная, демографическая, экологическая, информационная безопасность — актуальные вопросы современного научно-философского дискурса. В силу этого научно значимой оказалась работа М. Ю. Цветкова, в которой осуществляется попытка системно-синергетического понимания ноосферной безопасности³⁰. Логика развертывания проблематики в значительной степени определена поисками «новой абстрактности» — построениями более широкого понятия. В данном случае поиск новой категории ноосферологического дискурса связан с задачей оттолкнуться от категорий «экологическая безопасность», «экономическая безопасность», «культурная безопасность», «информационная безопасность», получивших разработку в отечественной и зарубежной литературе. Развитие ноосферных проблем устойчивого развития в контексте саммита в Йоханнесбурге (2002) позволило сформулировать представление о «ноосферной безопасности»³¹: «Ноосферная безопасность — это системная характеристика оптимизированного и гармонизированного состояния самоорганизующейся космопланетарной сверхсистемы (ноосферы), состоящей из взаимосвязанных между собой различных естественных и искусственных систем, которое предполагает возможность обеспечения соразмерности устойчивого развития духовного и материального производства и потребления на глобальном и региональном уровнях в контексте основного ноосфер-

²⁸ Победители и лауреаты «Национальной экологической премии — 2009» // Ноосфера. 2009. № 33.

²⁹ См.: Смирнов Д. Г. Проблема ноосферно-экологического образования — лейтмотив глобального устойчивого развития // Там же. 2002. № 15 ; *Его же*. Общественные и религиозные основания «устойчивого мирового существования» по В. И. Вернадскому // Там же. 2003. № 16.

³⁰ Цветков М. Ю. Философские проблемы ноосферной безопасности: системно-синергетический подход : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2008.

³¹ Смирнов Г. С., Цветков М. Ю. Проблемы безопасности и устойчивого развития: гуманитарно-ноосферные аспекты // Гуманитарные аспекты профессионального образования: проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 2005.

ного закона»³². В диссертации затронуты властно-правовые и культурно-антропологические аспекты ноосферной безопасности, что в значительной степени соответствовало профилю и характеру профессиональной работы диссертанта в системе МЧС.

100-летие Николая Павловича Антонова (2009)

Столетие Н. П. Антонова было важным рубежом, заставившим задуматься о роли и значимости философской школы в региональном духовном пространстве. Фактически профессор Н. П. Антонов³³ был не только первым иваново-вознесенским профессиональным философом, но и первым в регионе ноосферным философом³⁴.

В пригласительном билете на торжественное заседание и чтения, посвященные этой дате, была зафиксирована, пожалуй, наиболее существенная ноосферная идея советской эпохи и творчества Н. П. Антонова как советского философа: «Трудовая и интеллектуальная жизнь человека — величайший творческий фактор, преобразующий мир». Профессор Н. П. Антонов в полной мере показал потенциал творческого и актуализированного диалектического и исторического материализма (современного материализма) в осмыслении самых сложных проблем развития СССР (Н. П. Антонов скончался за несколько месяцев до начала перестройки) и глобализирующегося мира (он чрезвычайно высоко оценивал социально-философский масштаб творчества Аурелио Печчеи).

В юбилейных чтениях приняли участие представители администрации области (Ю. В. Поленов), ректората ИвГУ (Д. И. Польшинский), коллеги Н. П. Антонова (Н. В. Савин, Б. Д. Бабаев, И. В. Дмитриевская), его ученики-аспиранты (А. В. Брагин, Н. И. Ивлев, Ю. Д. Кузин, Г. С. Смирнов), а также студенты, которых он учил философии (М. Ю. Осколков), нынешние молодые ученые, аспиранты и студенты, занимающиеся проблемами сознания, ноосферы, антропологии, устойчивого развития и т. д. Наиболее существенные вопросы мемориальной и научной дискуссии нашли отражение в опубликованных материалах чтений³⁵.

Ноосферное развитие (2010)

Проблемы ноосферного развития занимали особое место в функционировании ивановской ноосферной школы со времени конференции «Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия» (Иваново, 2003). Задачу социально-философского осмысления ноосферного развития на диссертационном уровне решал соискатель, а затем и

³² Цветков М. Ю. Проблемы ноосферной безопасности: системно-синергетический подход // *Личность. Культура. Общество*. 2008. Вып. 1 (40).

³³ Антонов Н. П. Философские фрагменты // *Николай Павлович Антонов : философия сознания и ноосферы*. Иваново, 2003. С. 3.

³⁴ См.: *Смирнов Г. С. Первый иваново-вознесенский философ : (к столетию профессора Николая Павловича Антонова)* // *Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки*. 2010. Вып. 2.

³⁵ Юбилейные Антоновские чтения // Там же.

аспирант кафедры М. В. Жульков³⁶. Среди многих аспектов этой проблемы он выбрал три главных (коллективный разум, социальная автотрофность³⁷, ноосферная личность), однако в конечном итоге его усилия были сконцентрированы на первых двух аспектах³⁸.

Наиболее интересные результаты этой исследовательской программы были связаны с конституированием категории «ноосферная автотрофность», понимаемой как информационная, энергетическая и вещественная независимость человечества от биосферы³⁹. Уже сейчас идеи В. И. Вернадского об автотрофности человечества (независимо от того, насколько они известны в мире) оказываются фьючерной программой выхода из кризиса для современной техногенной цивилизации⁴⁰. Практические выводы диссертации связаны в значительной степени с формированием представлений об *энергосфере* в контексте основного ноосферного закона («информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество»).

Вестник ноосферного мировоззрения (2010)

Жизнеспособность научной школы даже при всех проблемах, существующих в современной системе образования, определяется прежде всего мировоззренческим и интеллектуальным энтузиазмом молодых исследователей. Даже при минимальных ресурсах может получиться значительный эмерджентный эффект. Пример тому «Вестник Ивановского государственного университета», посвященный столетию со дня рождения Н. П. Антонова. В нем представлена практически вся палитра ноосферных идей, над которыми размышляет как университетское, так за-университетское (неформальное) ноосферное сообщество⁴¹.

³⁶ Жульков М. В. Философские проблемы ноосферного развития: коллективный разум и социальная автотрофность : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2010.

³⁷ Жульков М. В. Ноосферное развитие: становление коллективного разума и социальной автотрофности // Личность. Культура. Общество. 2010. Вып. 2 (55/56); *Его же*. Социально-философские проблемы ноосферного развития // Вестн. Помор. гос. ун-та. 2010. № 7.

³⁸ Жульков М. В. Философия коллективного разума и функции мировой интеллигенции // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность : материалы XX Междунар. науч.-теор. конф. Иваново, 2009 ; *Его же*. Коллективный разум интеллигенции и ноосферное развитие // Интеллигенция и мир. 2009. № 3.

³⁹ Жульков М. В. От социальной автотрофности к ноосферной автотрофности // Молодая наука в классическом университете : материалы докл. науч. конф. фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. Иваново, 2010. Ч. 8. С. 89.

⁴⁰ Отметим, что уже сейчас 20 % энергии, производимой в Германии, связано с фотоэлектрическими батареями, что составляет почти столько же, сколько производят атомные станции.

⁴¹ Значительный интерес представляют публикации бывших аспирантов профессора И. В. Дмитревской, которые теперь работают в других — необразовательных — сферах, но сохраняют интерес к ноосферной проблематике. См.: *Разов О. С.* Информационные аспекты эволюции ноосферы // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2010. № 2 ; *Нагнибида И. Ф.* Кризис экспансионизма как этап эволюции ноосферы // Там же.

Новые шаги в формировании ноосферного мировоззрения связаны в первую очередь с широтой и многообразием теоретических и прикладных исследований: когнитивная сфера⁴², коммуникативное пространство⁴³, информационные аспекты, ноосферная история⁴⁴, коллективный разум, правовые аспекты устойчивого развития — все эти проблемы оказываются актуальными не только по причине научной новизны, но и по знакам социальной востребованности.

Смена парадигмы: универсальный катастрофизм

Эпоха метадискурсов, как принято считать, прошла. При этом постмодернизм зафиксировал очень важное изменение в стратегическом мышлении человечества: дальнейшее развитие, очевидно, будет носить принципиально иной характер самоорганизации глобальной демографической, экономической, экологической, социальной и культурной реальности. Информационно-ноосферная реальность предполагает, что разрушение социально организованных симулякров в различных сферах бытия может пойти очень быстрыми темпами, а это означает, что прогнозы Н. Н. Моисеева на середину XXI века как на точку планетарной бифуркации весьма точны. Такого же мнения придерживается и Д. Медоуз, утверждающий, что «в течение ближайших двадцати лет мир ожидает больше драматических перемен, чем за все прошедшее столетие»⁴⁵. Он формулирует новый — гуманитарно-синергичный — императив: «Забудьте о том, что нужно спасти весь мир, вместо этого вы можете давать конкретным людям и группам людей полезные практические рекомендации, как они могут наилучшим образом подготовиться к предстоящему периоду больших потрясений»⁴⁶.

В этом ключе очень важно понимать и глобально-региональный, и глобально-личностный ракурсы катастрофизма, идущего на смену эволюционистскому мировоззрению современного человечества⁴⁷.

Работа диссертационного совета

⁴² Жульков М. В. Коллективный разум: когнитивные модели // Актуальные проблемы современной когнитивной науки : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 2008 ; Смирнов Г. С. Когнитивные катастрофы в ноосферном развитии // Актуальные проблемы современной когнитивной науки : материалы третьей науч.-практ. конф. с междунар. участием (21—22 октября 2010 г.). Иваново, 2010.

⁴³ Дмитриевская И. В. Коммуникативное пространство ноосферы // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2010. № 2.

⁴⁴ Смирнов Д. Г. Живая ноосферная история : (по страницам «Философских фрагментов» Н. П. Антонова) // Там же.

⁴⁵ Цит. по: Костина Г., Оганесян Т. Мало не покажется // Эксперт. 2012. № 16. С. 62.

⁴⁶ Там же. С. 66.

⁴⁷ Смирнов Г. С. Ноосфера в век глобальных катастроф // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2010. Вып. 2 ; Его же. Великая глобальная социальная революция: государство, общество и церковь в поисках ответов на вызовы XXI века // Государство, общество, церковь в истории России XX века : материалы X Междунар. науч. конф., Иваново, 16—17 февраля 2011 г. Иваново, 2011. Ч. 1.

Диссертационный совет Д 212.062.01 по философским наукам на базе Ивановского государственного университета является одновременно и дискуссионно-апробационной площадкой для школы, и своеобразной гостиной для новых исследовательских веяний столичной и провинциальной науки. За время существования совета (с 1983 года) защищено 75 кандидатских и 19 докторских диссертаций (с 1995 года), из них за последние пять лет — 40 кандидатских и 10 докторских. В рамках работы кафедры (аспирантура и докторантура) за пять лет региональная философская школа подготовила 15 кандидатов и 7 докторов наук, непосредственно по ноосферной проблематике защитились 4 аспиранта и 1 докторант.

Ноосферная молодежь

В нулевые годы особое внимание стало уделяться привлечению к работе научных школ молодых ученых и студентов. В рамках ежегодного фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодая наука» по кафедре философии выступали с докладами и осуществляли публикации аспиранты и студенты различных специальностей.

Наиболее интересные студенческие научные работы по проблемам, затрагиваемым в данной статье, были представлены Ю. М. Мастеровой⁴⁸, Е. А. Карнаевой⁴⁹, В. Н. Солнцева⁵⁰, И. М. Чучманом⁵¹, Р. В. Ратынской⁵², Е. А. Петровой⁵³, А. Кулёвой⁵⁴ и другими.

По курсам «Философия», «Логика», «Семиотика», «Концепции современного естествознания» студенты самостоятельно выполняли творческие научные работы по интересующей их проблематике, укладывающейся в исследовательские традиции школы, которые становились основой научных сообщений и тезисов. Всего за отчетный период в рамках секций «Междисциплинарные исследования в философии», «Философские и общенаучные методы в гуманитарных исследованиях», «Философские и междисциплинарные исследования прикладного характера» было опубликовано 49 научных докладов (2006 год — 5; 2007-й — 8; 2008-й — 7; 2009-й — 20; 2010-й — 9).

Перспективы и трудности развития научной школы

⁴⁸ *Мастерова Ю. М.* Формула природолюбия // Молодая наука в классическом университете : тез. докл. науч. конф. фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. Иваново, 2010. Ч. 8.

⁴⁹ Студент-юрист Е. А. Карнаева под руководством доцента Д. Г. Смирнова выполняла грант ИвГУ по данной теме на базе кафедры философии. См.: *Карнаева Е. А.* Правовой потенциал Конституции РФ как основа для разработки концепции устойчивого развития // *Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки.* 2010. № 2.

⁵⁰ *Солнцева В. Н.* Ноосферная история и интеллигенция: опыт историописания жизни Н. Н. Моисеева // Молодая наука в классическом университете : тез. докл. науч. конф. фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. Иваново, 2008. Ч. 4.

⁵¹ *Чучман И. М.* Современная глобалистика и международное право: ноосферное развитие и терроризм // Там же. 2009. Ч. 4.

⁵² *Ратынская Р. В.* Феномен психосферы: понятие и сущность // Там же. 2006. Ч. 5.

⁵³ *Петрова Е. А.* Научная основа общемирового права (Ноосферная конституция и ноосферное право) // Там же. 2008. Ч. 4.

⁵⁴ *Кулева А.* Пантономия как философский и психологический феномен // Там же. 2007. Ч. 4.

Несмотря на некоторые успехи в развитии региональной школы философии сознания и ноосферы, остается много нерешенных проблем. Как правило, публикация монографических исследований предполагает использование средств автора, что особенно тяжело сказывается на возможности издавать свои итоговые жизненные труды для корифеев гуманитарной науки региона. К числу трудностей функционирования научной школы следует отнести финансовые сложности с публикацией «Философских фрагментов» Н. П. Антонова, итоговой монографии по проблемам языка и сознания А. Н. Портнова, которые в значительной степени подготовлены к печати. На повестке дня стоит издание трудов первого иваново-вознесенского философа — Н. П. Антонова, отражающих жизнь и деятельность ученого, во многом определившего важные направления развития Ивановского университета и специфику регионального, а в некоторой степени российского сознания и раскрывшего тенденции дальнейшего развития России.

В условиях, когда Россия выходит в формат нового постмодернизационного (инновационного) этапа, государство обязано изыскивать средства на интенсивное развитие региональных научных школ. Обоснование перспектив глобального и регионального ноосферного развития современной России может считаться актуальной проблемой, которую решает ивановская региональная школа философии сознания и ноосферы.

**Список работ ученых — представителей
Ивановского биосферно-ноосферного центра за 2005—2010 годы**

Брагин А. В. Проблема устойчивого развития и конфуцианская концепция управления // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2009. Вып. 2. С. 3—8.

Брагин А. В. Проблема «массы разума» и устойчивость развития // Там же. 2010. Вып. 2. С. 59—67.

Дмитревская И. В. Герменевтика драматургии А. П. Чехова / Иван. гос. с.-х. акад. Иваново, 2008. 186 с.

Дмитревская И. В. Коммуникативное пространство ноосферы // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2010. № 2. С. 9—25.

Гелен А. Образ человека в свете современной антропологии / пер с нем. А. Н. Портнова // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 3 (37). С. 37—51.

Егоров В. Н. Современная региология и вузовская наука: приоритеты устойчивого развития // Региональное устойчивое развитие: комплексные биосферно-ноосферные исследования, проектирование и реализация : материалы науч.-практ. конф., Иваново, 22—24 нояб. 2006 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007.

Жульков М. В. Уровни ноосферного развития // Региональное устойчивое развитие: комплексные биосферно-ноосферные исследования, проектирование и реализация : материалы науч.-практ. конф. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. С. 131—133.

Жульков М. В. Автотрофность человечества и уровни ноосферного развития // Молодая наука в классическом университете : материалы докл. науч. конф. фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. Ч. 4. С. 73—74.

Жульков М. В. Коллективный разум: когнитивные модели // Актуальные проблемы современной когнитивной науки : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иваново : Иваново, 2008. С. 92—99.

Жульков М. В. Коллективный разум — важнейшее звено ноосферного развития // Молодая наука в классическом университете : материалы докл. науч. конф. фести-

валя студентов, аспирантов и молодых ученых. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2009. Ч. 4. С. 96—97.

Жульков М. В. Коллективный разум интеллигенции и ноосферное развитие // Интеллигенция и мир. 2009. № 3. С. 114—129.

Жульков М. В. Философия коллективного разума и функции мировой интеллигенции // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность : материалы XX Междунар. науч.-теор. конф. Иваново : Иваново, 2009. С. 97—100.

Жульков М. В. Человеческое качество в свете уровней ноосферного развития // Размышления о евразийском пространстве : альм. регион. шк. молодого автора. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2009. С. 127—140.

Жульков М. В. Антропологические и гуманистические аспекты ноосферного развития // Философия человека в культурно-историческом контексте : материалы регион. (заочной) науч. конф. / Владимир. гос. гуманитар. ун-т. Владимир, 2010. С. 93—100.

Жульков М. В. Когнитивное измерение коллективного разума в философии русского космизма // Актуальные проблемы современной когнитивной науки : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иваново : Иваново, 2010. С. 232—240.

Жульков М. В. Ноосферное развитие: становление коллективного разума и социальной автотрофности // Личность. Культура. Общество. 2010. Вып. 2 (55/56). С. 267—271.

Жульков М. В. Основное противоречие ноосферного развития // Вестн. Костром. гос. ун-та. 2010. Т. 16, № 2. С. 37—41.

Жульков М. В. От социальной автотрофности к ноосферной автотрофности // Молодая наука в классическом университете : материалы докл. науч. конф. фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2010. Ч. 8. С. 89.

Жульков М. В. Социально-философские проблемы ноосферного развития // Вестн. Помор. гос. ун-та. 2010. № 7. С. 128—131.

Жульков М. В. Философские проблемы ноосферного развития: коллективный разум и социальная автотрофность : дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2010.

Калинин П. Е., Портнов А. Н. Проблемы языка описания сознания // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2009. Вып. 2. С. 8—37.

Карнаева Е. А. В. И. Вернадский: закон и производ в России на рубеже XIX—XX веков // Молодая наука в классическом университете : тез. докл. науч. конф. фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2009. Ч. 4. С. 97—98.

Карнаева Е. А. Правовой потенциал Конституции РФ как основа для разработки концепции устойчивого развития // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2010. Вып. 2. С. 72—74.

Карнаева Е. А. Философия устойчивого развития // Молодая наука в классическом университете : тез. докл. науч. конф. фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2010. Ч. 8. С. 90—91.

Коваленко С. В. Козволюция человека и ноосферы (полевого аспект) // Вестн. Иван. гос. энергет. ун-та. 2005. Вып. 2.

Коваленко С. В. Философско-антропологические аспекты ноосферогенеза : дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2005. 321 с.

Мастерова Ю. М. Формула природолюбия // Молодая наука в классическом университете : тез. докл. науч. конф. фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2010. Ч. 8. С. 91—92.

Петрова Е. А. Научная основа общемирового права : (ноосферная конституция и ноосферное право) // Там же. 2008. Ч. 4. С. 75—77.

Портнов А. Н. Философская и психологическая антропология Л. Клагеса // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2005. Вып. 2. С. 94—104.

Портнов А. Н. Философия языка Мартина Хайдеггера : (языковое сознание и языковая личность) // Там же. 2006. Вып. 2. С. 37—53.

Портнов А. Н. Языковое сознание и языковая личность Мартина Хайдеггера : (опыт реконструкции) // Вестн. гуманит. фак. Иван. гос. хим.-технол. ун-та. 2006. Вып. 1. С. 157—172.

Портнов А. Н. «Жизненный мир» Альфреда Шютца: некоторые пояснения // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 2 (36). С. 43—52.

Портнов А. Н. М. Хайдеггер: «дело мышления» и «дело языка» // Там же. Вып. 4 (39). С. 43—61.

Портнов А. Н. Хосе Ортега-и-Гассет : от философии жизни к философии истории // Вестн. гуманит. фак. Иван. гос. хим.-технол. ун-та. 2007. Вып. 2. С. 86—104.

Портнов А. Н. Знаковая функция как междисциплинарное понятие // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2008. Вып. 2. С. 3—22.

Портнов А. Н. События и встречи Мартина Бубера // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 1 (40). С. 19—21.

Портнов А. Н., Портнов А. А. «Консервативная революция»: сущность, дискурс, некоторые фигуры // Вестн. гуманит. фак. Иван. гос. хим.-технол. ун-та. 2008. Вып. 3. С. 107—114.

Портнов А. Н., Смирнов Д. Г. Биологическая семиотика: некоторые философско-методологические проблемы исследования // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2007. Вып. 2. С. 38—51.

Прищеп Е. Н. Кооперативность как принцип самоорганизации социальных систем: ноосферные аспекты : дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2006. 183 с.

Раков В. П. Заметки дилетанта // Интеллигенция и мир. 2009. № 2. С. 134—142.

Ратынская Р. В. «Психосфера» в отечественной философской и психологической науке // Молодая наука в классическом университете : тез. докл. науч. конф. фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. Ч. 4. С. 69—70.

Румянцева Т. В., Смирнов Д. Г. Образовательный ноосферный комплекс «Лицей — Университет»: хроника событий // Россия Вернадского : история и современность» : материалы универ.-лиц. науч.-практ. конф., Иваново, 22 мая 2003 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2006. С. 53—57.

Смирнов Г. С. Антоновские яблоки познания // Наша родина — Иваново-Вознесенск. 2006. № 4. С. 73—75.

Смирнов Г. С. Гуманизм космического мировоззрения // Онтология и антропология гуманизма : материалы межвуз. симпоз. «Онтология и антропология гуманизма», Владимир, 16—17 мая 2006 г. Владимир, 2006. С. 235—240.

Смирнов Г. С. Д. Г. Бурьлин как тип иваново-вознесенского интеллигента: проблемы региональной топологии и типологии в современном краеведческом интеллигентоведении // Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества : материалы XVII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 21—23 сент. 2006 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2006. С. 18—21.

Смирнов Г. С. Души живые и мертвые. Путешествие по метаисторическим мирам Будущего России : размышления о книге С. М. Усманова «Птица-Тройка. Пути России в озарениях русских мыслителей XIX столетия» (Иваново, 2004. 160 с.) // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2006. № 2. С. 108—111.

Смирнов Г. С. Зеркало вселенского бытия : музейный мир Дмитрия Бурьлина // Наша родина — Иваново-Вознесенск. 2006. № 1. С. 6—10.

Смирнов Г. С. Миф об «ивановском мифе» : метаисторические размышления над книгой Л. Н. Таганова ««Ивановский миф» и литература». Иваново, 2005 // Откровение : лит.-худож. альм. Иваново, 2006. № 12. С. 330—337.

Смирнов Г. С. Народный гуманизм: философия социального советования и народной синергии // Гуманизм : онтологическая и антропологическая аналитика : межвуз. темат. сб. / Владимир. гос. пед. ун-т. Владимир, 2006. С. 75—125.

Смирнов Г. С. Ноосферная история человечества: философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2006. № 1. С. 3—21.

Смирнов Г. С. Ноосферная история человечества : философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции // Там же. 2006. № 2. С. 4—28.

Смирнов Г. С. Ноосферная история: философский универсум В. И. Вернадского // Учен. зап. Тавр. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер.: Философия. 2006. Т. 19 (58), № 1. Симферополь С. 83—84.

Смирнов Г. С. Ноосферная среда и образовательное пространство в университетах центра России // Гуманитарная наука в изменяющейся России: состояние и перспективы развития : материалы VIII регион. науч.-практ. конф. Центр. региона РФ, Курск, 25—27 сент. 2006 г. Курск, 2006.

Смирнов Г. С. Региональное ноосферное устойчивое развитие : (об истоках и путях развития Ивановской области) // Гуманитарные аспекты профессионального образования: проблемы и перспективы : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию Иван. ин-та ГПС МЧС России. Иваново, 2006. С. 22—30.

Смирнов Г. С. Интеллигенция и ноосфера : философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. 128 с.

Смирнов Г. С. Музей-усадьба Д. Г. Бурылина: проект «Меценаты меценату» // Материалы круглого стола. Иваново, 2007.

Смирнов Г. С. Православный экуменизм как феномен XXI века: философский взгляд на логику регионального развития // Государство, общество, церковь в истории России XX века : материалы VI Междунар. науч. конф., Иваново, 7—8 февр. 2007 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. С. 279—282.

Смирнов Г. С. Российская интеллигенция и модели миропостроения: проблемы устойчивого развития и социальной синергетики // Интеллигенция в процессах преобразования мира: исторические вызовы, социальные проекты и свершения : материалы XVIII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 27—29 сент. 2007 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. С. 11—14.

Смирнов Г. С. Синергия безудного бытия : размышления над книгой Ю. А. Иванова «Уездная Россия. Местные власти, церковь, общество во второй половине XIX — начале XX в.» Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 268 с. // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2007. № 2. С. 120—125.

Смирнов Г. С. Текстильный край: истоки и аттракторы ноосферного устойчивого развития // Региональное устойчивое развитие: комплексные биосферно-ноосферные исследования, проектирование и реализация : материалы науч.-практ. конф., Иваново, 22—24 нояб. 2006 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. С. 5—17.

Смирнов Г. С. Теория и практика устойчивого развития: информационное пространство для регионального сообщества // Там же. С. 236—246.

Смирнов Г. С. Философско-культурологические и методологические проблемы ноосферного проектирования // Там же. С. 177—196.

Смирнов Г. С. Государственническое и народное православие: ноосферно-синергетическая концепция церковно-религиозной динамики в России // Государство, общество, церковь в истории России XX века : материалы VII Междунар. науч. конф., Иваново, 13—14 февр. 2008 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. С. 182—186.

Смирнов Г. С. Дмитрий Геннадьевич Бурылин как уникальный феномен иваново-вознесенской культуры // Меценаты русской провинции: история и современность : к 155-летию со дня рождения Д. Г. Бурылина : материалы науч.-практ. конф., 15—16 февр. 2007 г. Иваново, 2008. С. 3—9.

Смирнов Г. С. Интеллигенция.RU: портрет молодой российской интеллигенции в ноосферном интерьере // Молодая интеллигенция и устойчивое развитие общества : материалы XIX Межгос. науч.-теорет. конф., 25—27 сент. 2008 г. Иваново, 2008. С. 14—18.

Смирнов Г. С. Курс «Введение в интеллигентоведение» // Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук : исслед. и учеб.-метод. разраб. / отв. ред. В. С. Метов. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. С. 206—216.

Смирнов Г. С. Локусы русскости: «старая вера» в формировании региональных архетипов // Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость : материалы Междунар. науч. конф. (Иваново — Плес, 15—16 мая 2008 г.). Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. С. 178—181.

Смирнов Г. С. Музейное пространство Замосковского края: региональный сетевой мегапроект // Материалы III съезда краеведов Ивановской области, Иваново, 18 апр. 2008 г. ; Шуя, 19 апр. 2008 г. Иваново ; Шуя : Референт, 2008. Т. 2. С. 202—209.

Смирнов Г. С. Новая молодая российская интеллигенция: философские проблемы ноосферной экологии, антропологии и персонологии в XXI веке // Интеллигенция и мир. 2008. № 3. С. 60—70.

Смирнов Г. С. Новая молодая российская интеллигенция: философские проблемы ноосферной экологии, антропологии и персонологии в XXI веке // Там же. № 4. С. 61—78.

Смирнов Г. С. Ноосферная история человечества как процесс коэволюции мировой интеллигенции // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции : моногр. / под ред. В. С. Меметова. Иваново, 2008. С. 347—370.

Смирнов Г. С. Ноосферное образование: «мыслить глобально, действовать локально» // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2008. Вып. 3. С. 88—104.

Смирнов Г. С. Ноосферность и софийность: парадоксы высокого соприкосновения двух гениев // Соловьевские исследования : период. сб. науч. тр. / гл. ред. М. В. Максимов ; Иван. гос. энергет. ун-т. Иваново, 2008. Вып. 20. С. 67—72.

Смирнов Г. С. Ноосферология как университетский курс // Ноосферология: наука, практика, образование. NOOS' 2008 : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 145-летию со дня рождения В. И. Вернадского (Симферополь, 27—29 мая 2008 г.) / Тавр. нац. ун-т им. В. И. Вернадского. Симферополь : Энергия Дельта, 2008. С. 159—163.

Смирнов Г. С. Три Владимира: размышления о ноосферной истории и ноосферном будущем России // Соловьевские исследования : период. сб. науч. тр. / гл. ред. М. В. Максимов ; Иван. гос. энергет. ун-т. Иваново, 2008. Вып. 19. С. 68—72.

Смирнов Г. С. Философия интеллигенции и ноосферная история: синергетический подход // Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук : исслед. и учеб.-метод. разраб. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. С. 98—128.

Смирнов Г. С. Биосферно-ноосферные аттракторы экологического развития города Иванова // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2009. № 2. С. 58—69.

Смирнов Г. С. Геополитическая мощь государства и Православная церковь: пневматосферно-ноосферные аспекты // Государство, общество, церковь в истории России XX века : материалы VIII Междунар. науч. конф., Иваново, 11—12 февр. 2009 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2009. Ч. 1. С. 372—376.

Смирнов Г. С. Такая разная интеллигенция: лица и лики российской интеллигенции : (к 100-летию выхода сборника «Вехи») // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность : материалы XX Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 24—26 сент. 2009 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2009. С. 61—65.

Смирнов Г. С. Когнитивные катастрофы в ноосферном развитии // Современные когнитивные исследования. Иваново, 2010.

Смирнов Г. С. Народная интеллигенция и власть: философия социального советования и общественной синергии // Интеллигенция: вопросы теории и методологии. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2010. С. 270—321.

Смирнов Г. С. Ноосфера в век глобальных катастроф // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2010. Вып. 2. С. 75—92.

Смирнов Г. С. Ноосферный космизм: проблемы формирования современного космического сознания // Русский космизм: прошлое, настоящее, будущее : материалы науч. конф. Орел, 2010.

Смирнов Г. С. Первый иваново-вознесенский философ : (к столетию профессора Николая Павловича Антонова) // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2010. Вып. 2. С. 3—8.

Смирнов Г. С. Так начинается ноосферная история: «гиперболический рост населения мира» и пути ноосферного развития : размышления о книге С. П. Капицы «Парадоксы роста: Законы развития человечества». (М. : Альпиона нон-фикшн, 2010. 192 с.) // Там же. Вып. 3.

Смирнов Г. С., Воронов Ю. М. Региональное устойчивое развитие: шаг второй // Региональное устойчивое развитие: комплексные биосферно-ноосферные исследования, проектирование и реализация : материалы науч.-практ. конф., Иваново, 22—24 нояб. 2006 г. Иваново, 2007. С. 142—147.

Смирнов Г. С., Цветков М. Ю. Проблемы безопасности и устойчивого развития: гуманитарно-ноосферные аспекты // Гуманитарные аспекты профессионального образования: проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иваново : Иван. гос. ун-т. 2005. С. 360—366.

Смирнов Д. Г. Философско-методологический анализ взаимодействия ноосферы и биосферы : дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2005.

Смирнов Д. Г. Экологическая семиотика: новый диалог с природой // Природа и человек : материалы IV науч.-практ. конф. «Природа и человек. Антропогенное воздействие на окружающую среду», Иваново, 23—24 июня 2005 г. Иваново, 2005. С. 29—31.

Смирнов Д. Г. Гуманистическая семиотика и семиотическая гуманистика // Онтология и антропология гуманизма : материалы симпоз., 16—17 мая 2006 г. Владимир, 2006. С. 64—67.

Смирнов Д. Г. Семиосознание в эпоху глобализации: семиотический императив ноосферной реальности // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2006. Вып. 2. С. 54—64.

Смирнов Д. Г. Семиотическая истина // Истина и пути ее постижения : сб. ст. и тез. докл. Межвуз. науч.-практ. конф., Иваново, 24—25 марта 2006 г. Иваново, 2006. С. 56—58.

Смирнов Д. Г. Семиотические ресурсы ноосферного образования // Россия Вернадского : история и современность : материалы универ.-лиц. науч.-практ. конф., Иваново, 22 мая 2003 г. Иваново, 2006. С. 23—30.

Смирнов Д. Г. Универсумная (ноосферная) семиотика // Учен. зап. Тавр. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер.: Философия. 2006. Т. 19 (58), № 1. С. 84—87.

Смирнов Д. Г. Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия // Россия Вернадского : история и современность : материалы универ.-лиц. науч.-практ. конф., Иваново, 22 мая 2003 г. Иваново, 2006. С. 101—104.

Смирнов Д. Г. Интеллигенция: семиологическая функция : (к постановке проблемы) // Интеллигенция и мир. 2008. № 3. С. 13—26.

Смирнов Д. Г. Ноогенная биогеохимическая энергия: семиотическая репрезентация ноосферного закона // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2008. Вып. 3. С. 104—112.

Смирнов Д. Г. Ноосферология: биосферология et семиософия // Ноосферология: наука, образование, практика. NOOS'2008 : материалы Междунар. науч. конф. Симферополь, 2008. С. 164—170.

Смирнов Д. Г. Российское образование и интеллигенция: ноосферизация как семиотический процесс // Молодежь в науке : проблемы и перспективы : сб. материалов Межрегион. съезда молодых ученых России, Липецк, 5—6 мая, 2008 г. Липецк, 2008. С. 277—281.

Смирнов Д. Г. Семиософия ноосферного универсума: ноосфера и биосфера в глобальном дискурсе. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 348 с.

Смирнов Д. Г. Семиософия ноосферной реальности: философско-методологический дискурс // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2008. Вып. 2. С. 52—59.

Смирнов Д. Г. Семиотика ноосферной идентичности // Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость : материалы Междунар. науч. конф., Иваново — Плес, 15—16 мая 2008 г. Иваново ; Плес, 2008. С. 185—188.

Смирнов Д. Г. Незнакомый В. И. Вернадский: эмпирическая семиотика Вселенной // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2009. Вып. 3. С. 123—133.

Смирнов Д. Г. Семисознание как форма духовного бытия человечества // Личность. Культура. Общество. 2009. Вып. 2 (48/49). С. 302—309.

Смирнов Д. Г. Живая ноосферная история : (по страницам «Философских фрагментов» Н. П. Антонова) // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2010. Вып. 2. С. 25—35.

Смирнов Д. Г. Религиозное сознание и семиотический детерминизм ноосферной истории // Государство, общество, церковь в истории XX века : материалы IX Междунар. науч. конф., Иваново, 11—12 февр. 2010 г. Иваново, 2010. Ч. 1. С. 607—612.

Смирнов Д. Г., Фадеев А. М. Преподаватель и ученый: модели университетского синтеза // Интеллигенция и мир. 2006. № 4. С. 114—129.

Солнцева В. Н. Ноосферная история и интеллигенция: опыт историописания жизни Н. Н. Моисеева // Молодая наука в классическом университете : тез. докл. науч. конф. фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. Иваново, 2008. Ч. 4. С. 67—68.

Цветков Ю. М. Проблемы правового регулирования в области техногенной безопасности России и стратегия устойчивого развития // Гуманитарные аспекты профессионального образования: проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иваново : Иван. гос. ун-т. 2005. С. 240—246.

Цветков Ю. М. Программы по устойчивому развитию: из опыта некоторых зарубежных стран // Природа и человек : материалы IV науч.-практ. конф. «Природа и человек. Антропогенное воздействие на окружающую среду», Иваново, 23—24 нояб. 2005 г. Иваново : Иван. гос. ун-т. 2005. С. 35—36.

Цветков Ю. М. Гуманитарно-образовательные и культурно-антропологические аспекты ноосферной безопасности // Гуманитарные аспекты профессионального образования: проблемы и перспективы : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию Иван. ин-та ГПС МЧС России. Иваново : Иван. гос. ун-т. 2006. С. 19—22.

Цветков М. Ю. Научная основа стратегии устойчивого развития и проблемы ноосферного развития // Гуманитарные аспекты профессионального образования: проблемы и перспективы : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. : (в рамках III Междунар. науч.-практ. конф. «Пожарная и аварийная безопасность»). Иваново : Иваново, 2007. С. 5—10.

Цветков Ю. М. Общациональные проекты и проблемы ноосферной безопасности // Региональное устойчивое развитие: комплексные биосферно-ноосферные исследования, проектирование и реализация : материалы науч.-практ. конф., Иваново, 22—24 нояб. 2006 г. Иваново : Иван. гос. ун-т. 2007. С. 56—64.

Цветков М. Ю. Проблемы ноосферной безопасности: эколого-экономические и социально-культурные аспекты // Молодая наука в классическом университете : материалы науч. конф., Иваново, 16—27 апр. 2007 г. Иваново : Иван. гос. ун-т. С. 68—69.

Цветков М. Ю. Проблемы ноосферной безопасности: системный и синергетический подходы // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 1 (40). С. 353—360.

Цветков Ю. М. Философские проблемы ноосферной безопасности: системно-синергетический подход : дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2008.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ

ББК 60.033.4

А. В. Ерахтин

ПОСТМОДЕРНИЗМ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Проводится сравнительный анализ постмодернизма и классической философии. Делается вывод, что постмодернизм не обогащает философию новыми конструктивными концепциями, а, напротив, разрушает ее. На основе исследования оригинальных текстов ведущих представителей постмодернизма, а также работ отечественных и зарубежных авторов дается развернутая критика философии постмодернизма.

Ключевые слова: история философии, разум, истина, релятивизм, иррационализм, децентрация, деконструкция, шизоанализ, фаллоцентризм.

Comparativistic analysis of postmodernism philosophy and classical philosophy is conducted. It is shown that postmodernism doesn't inreach but destroys its system. The complex critics of postmodernism philosophy is done on the base of the original texts analysis and.

Key words: history of philosophy, mind, truth, relativism, irrationalism, destentration, deconstruction, shizoanalysis, fallotsentrism.

Постмодернизм — сложное и противоречивое явление, возникшее в западноевропейской культуре последней четверти XX века. Это течение философской мысли несет на себе печать разочарования в идеалах и ценностях рационализма, с его верой в прогресс и торжество разума. Представители постмодернизма убеждены, что их философия является магистральной линией современной философии. С этим трудно согласиться, но, безусловно, есть определенная логика в развитии западной философии, приведшая к постмодернизму. Постмодернизм представляет собой реакцию на модернизм, это отход от философских воззрений и концепций XVII — середины XX века, в которых ярко выразились особенности духовного и культурного развития Европы, важнейшей чертой которого явился культ разума. Философская классика XIX века получила название философии модернизма, т. е. современности, но она внутренне связана со всей европейской культурой, имеющей своим истоком античную философию.

Исторически первой формой рационализма стала античная натурфилософия. Само возникновение философии означало замену религиозно-мифологического мировоззрения философским убеждением в том, что в мире господствует *логос*, разумный и гармонический порядок, что именно человеческий разум является единственным надежным орудием познания мира. Классическая философская парадигма рационализма была четко сформулирована в учениях Платона и Аристотеля. Платон считал, что философия начинается с удивления, и подлинным философом он называл того, кто любит искать ис-

тину. Философ, подчеркивает Платон, познает не какие-либо мнения, а бытие и истину. Аристотель стремление к истине считал высшим философским принципом. Являясь приверженцем концепции отражения, он сравнивает сознание (душу) с воском, на котором остается знак золотого кольца с печатью. Аристотель формулирует классическую концепцию истины, выражающую соответствие знаний реальности. Античные философы впервые выделили субъектно-объектные отношения, сыгравшие решающую роль в развитии научного знания.

Философия с момента своего возникновения играла определяющую роль в формировании мировоззрения людей. Она поддерживала, защищала и развивала культуру рационального мышления, в рамках которого только и могли осуществляться научные исследования. Даже в Средние века, когда роль жреца Высшей истины взяла на себя религия, не исчезла охранительная и эвристическая роль философии по отношению к науке. Иррациональность религии и рациональность науки были несовместимы по существу, тогда как философия и наука имели своим основанием общий источник — разум.

XVII век открывает особый период в развитии философской мысли, который принято называть классической философией. Новое время знаменуется значительными открытиями в области естественных наук. Поэтому в центре философии Ф. Бэкона, Р. Декарта, Т. Гоббса, Б. Спинозы и Г. Лейбница оказались проблемы гносеологии и особенно метода научного познания. Преодоление схоластических устоев и предрассудков опиралось на осмысление результатов и методов новой науки, направленной на познание природы, а не божественного духа. Это создавало предпосылки для утверждения философского материализма. Важнейшей чертой философии Нового времени является ее рационализм. Именно в это время возникает культ разума — уверенность в безграничных возможностях науки.

Новоевропейская рационалистическая культура получила дальнейшее развитие в эпоху Просвещения, выдающимися представителями которой были П. Гольбах, Д. Дидро, Дж. Локк, Вольтер, Ж. Ж. Руссо. Научные знания, являвшиеся ранее достоянием узкого круга ученых, в XVIII веке выходят за пределы университетов и лабораторий, они становятся предметом обсуждения среди литераторов, популярно излагающих последние достижения науки и философии. Просвещение было направлено против феодальных институтов, диктата церкви и всевозможных предрассудков. И главным орудием этого движения выступали наука и философия как воплощение разума. Просветители видели радикальное средство совершенствования человека и общества в распространении знания, науки, в просвещении и правильном воспитании человека. Считая, что человек по своей природе добр, а его пороки связаны исключительно с несовершенством общества, они были убеждены в возможности преобразования общества на разумных началах.

Эти идеи получили наиболее полное развитие в немецкой классической философии (конец XVIII — середина XIX в.), представляющей собой завершающий этап европейской рационалистической философии. Для этого периода характерно стремление к построению целостной системы философского знания. Философы пытаются понять мир в целом, их прежде всего интересует онтология, они строят учение о бытии, которое определяет гносеологию и антропологию. Важнейшей целью немецкой классической философии является познание истины. Гегель писал: «Дерзновение в поисках истины, вера в могущество разума есть первое условие философских занятий» [2, с. 83].

В отечественной литературе советского периода к немецкой классической философии было принято относить совокупность философских учений И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинга, Г. В. Ф. Гегеля и Л. Фейербаха. Возникновение марксистской философии рассматривалось как разрыв в философской традиции, как революционный переворот в философии. Но известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс занимались решением тех проблем, которые были поставлены их предшественниками, прежде всего Гегелем и Фейербахом. Поэтому более логично рассматривать марксистскую философию как завершающий этап немецкой классической философии.

Марксистская философия — это последовательный рационализм, она исходит из признания материальности мира, объективного характера законов его развития, возможности их познания и использования в целях преобразования общественных отношений, построения справедливого общества. Маркс резко выступал против философских спекуляций, оторванных от реальной жизни. Философия, по его убеждению, должна руководствоваться не спекулятивными, а научными принципами. Для марксизма, как и для философии модернизма в целом, объединяющим фактором является вера в социальный и научный прогресс, установление на этой основе господства человека над природой, социальной справедливости и гуманизма. Поэтому невозможно согласиться с В. П. Ратниковым, который причисляет философию Маркса и физику А. Эйнштейна к истокам постмодернизма и заявляет, что «в рамках марксистской концепции четко и определенно было заявлено об относительности всякой истины» [14, с. 121].

Абсолютизация относительной истины неизбежно ведет к релятивизму, а следовательно, к отрицанию объективной истины. Действительно, если знание только относительно и не содержит в себе ничего абсолютного, значит, в нем нет даже малой доли соответствия своему предмету, а это агностицизм. Обвинять Маркса и Энгельса в релятивизме и агностицизме — нелепо. Согласно марксистской гносеологии любая истина относительна, но она обязательно содержит в себе момент абсолютно-истинного знания, т. е. такого знания, которое никогда не будет опровергнуто последующим познанием. Энгельс писал: «Истина и заблуждение подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области... Как только мы станем применять противоположность истины и заблуждения вне границ вышеуказанной узкой области, так эта противоположность делается относительной и, следовательно, негодной для точного научного способа выражения» [10, с. 92]. Диалектика истины и заблуждения раскрывается с помощью понятий абсолютной и относительной истины и находит свое концентрированное выражение в принципе конкретности истины, который гласит: «Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна». Это значит, что любое знание будет истинным только в определенной системе отношений, но за пределами этих отношений, оно окажется ложным. Например, суждение «Сумма углов треугольника равна 180 градусов» — истинно оно или ложно? В геометрии Евклида — это абсолютная истина, а в геометриях Лобачевского и Римана — оно будет ложным. Точно так же появление теории относительности Эйнштейна не отменило действие законов механики Ньютона. Следовательно, любая истина абсолютно-относительна, абсолютное и относительное всегда выступают как противоречивые стороны истины.

На рубеже XIX и XX веков происходит переход от традиционной классической философии к неклассической. Философы этого периода уже не претендовали на исследование фундаментальных проблем философии в свете новых исторических реалий, объединяющей их идеей стал иррационализм. Иррационализм возник как реакция на материалистические и революционные идеи мыслителей предшествующего периода, как реакция на рационалистическую традицию. Тезису рационалистов о разумности мира иррационалисты противопоставили противоположный: мир неразумен, человеком управляет не разум, а слепая вера, инстинкт, интуиция, страх и отчаяние.

Первым против рационализма выступил А. Шопенгауэр. Мир, по Шопенгауэру, существует двояко: в качестве воли и представления. Воля — это абсолютное начало всего бытия, некая слепая, бессознательная космическая сила, создающая и мир, и человека. Эта сила бессмысленна, как бессмысленна и сама жизнь человека, обреченного на старость, болезни, страдания и смерть. Воля заставляет человека жить, каким бы бессмысленным и жалким не было его существование. Для избавления от страданий у человека есть только один выход — погасить в себе волю к жизни, сознательно выбрать небытие. Шопенгауэр первым в XIX веке создал философское обоснование пессимизма, и его идеи нашли своих сторонников.

Анти-Гегелем называли современники и другого иррационалиста первой половины XIX века — С. Кьеркегора. Он был видным представителем датской литературы и не претендовал на звание философа. Несостоятельность рационализма Гегеля Кьеркегор видел в том, что для Гегеля истинно только общее — то, что можно выразить с помощью понятий. Но научные рациональные методы непригодны для познания человека. Кьеркегор утверждал, что экзистенция всегда ускользает от понимания посредством абстракций. Научное познание абстрактно и безлично, оно не способно раскрыть внутреннюю духовную жизнь человека, которая неподвластна разуму. Кьеркегор фиксировал внимание на неустойчивости человеческого существования, его обреченности на смерть, выражая ее в понятиях страха, сомнения, трепета и т. д. Эти пессимистические идеи в дальнейшем получили развитие в философии экзистенциализма.

Во второй половине XIX века капитализм переживает кризис, охвативший не только политические и экономические структуры, но и духовную жизнь. Ярким проявлением этого кризиса явилась иррационалистическая философия Ф. Ницше. Его труды представляют собой собрание отдельных афоризмов, высказываний, проповедей. Историческая заслуга Ницше как философа состоит не в создании новой оригинальной философской системы, а в проблематизации основных положений классической философии.

Ницше поставил своей целью разрушить все прежние философские системы. Выступая против рационализма и классических философских традиций, он не прибегает к аргументам. Он не доказывает, а изрекает, полагая, что любая философия есть исповедь своего сочинителя. Взгляды Ницше весьма противоречивы. С одной стороны, он превозносит до небес заблуждения, предрассудки, иллюзии, но вместе с тем утверждает, что истина превыше всего. Задавшись вопросом «Что же такое, в конце концов, человеческая истина?», отвечает: «Это — непроверяемые человеческие заблуждения» [12, с. 622]. Нелепость и безапелляционный характер некоторых высказываний Ницше можно объяснить, видимо, только с учетом постоянно терзающих его хворей. Как понять, например, такое высказывание: «Все предрассудки про-

исходят от кишечника» [13, с. 710]. Это изречение становится еще более непонятным, если учесть, что философ высоко оценивает познавательное значение предрассудков. И. А. Гобозов называет Ницше духовным отцом постмодернистской философии и пишет: «Физически больной Ницше изрекает интеллектуально больные мысли. Но они были подхвачены его многочисленными последователями и комментаторами» [3, с. 80]. Идеи представителей неклассической философии оказали большое влияние на многие направления философии XX века, прежде всего феноменологию, экзистенциализм, неопозитивизм, структурализм, и нашли свое завершение в философии постмодернизма.

Постмодернизм возник во Франции в начале 70-х годов XX века. Главная причина его появления связана с глобальным кризисом западного общества: непрерывные войны, унесшие миллионы человеческих жизней, экологические проблемы и появление ядерного оружия, угрожающего самому существованию человеческого общества. Деструктивные тенденции в жизни современного общества не могли не отразиться на умонастроениях интеллигенции, они вызывали разочарование в возможностях научно-технического прогресса, ощущение бессилия науки и неверие в разумность существующего мироустройства. Все это, по мнению постмодернистов, является результатом рационалистического отношения к жизни, научной революции и веры в бесконечный прогресс. Другими словами, на рационализм и науку постмодернисты возлагают ответственность чуть ли не за все беды нашей цивилизации. Постмодернизм как философское течение внес определенный вклад в освобождение мышления от упрощенных схем, застывших стереотипов, ограниченности позитивистской картины мира. Он привлекает многих неискушенных читателей своей псевдодемократичностью, заявляя, что все духовные ценности относительны и равноправны, и выдает свои взгляды за «дух эпохи», некую доминирующую, по крайней мере в западном мире, духовную реальность. Дело еще и в том, что постмодернизм зафиксировал те существенные преобразования в культуре, которые были вызваны бурным развитием информационных технологий и средств массовых коммуникаций. Информатизация привела к качественному изменению всей среды обитания человека. Появление Интернета способствовало закреплению этой философии, использующей такие понятия, как «текст», «гипертекст», «смерть автора»

и др. Действительно, смерть автора и самостоятельная жизнь текста без автора уже в какой-то мере реализованы в системе Интернета. Более того, здесь порой вообще достаточно трудно установить авторство. В Интернете сегодня есть система детективов, где с определенного момента вы можете их дописывать. Возникает понятие гипертекста как его принципиальная незавершенность и возможность бесконечного развития. Уловив возрастание в обществе роли информации, разнообразных знаков и текстов, постмодернизм дал извращенное решение информационно-знаковых проблем.

Постмодернизм, в отличие от неклассической философии, удерживавшей в себе определенные черты классики, полностью отвергает все достижения последней. Это отношение к классической философии наглядно представлено в книге Ж. Делёза «Логика смысла». Она стала очень известной в значительной мере благодаря блестящей рецензионной статье М. Фуко, открывавшейся словами: «Возможно, когда-нибудь нынешний век будет известен как век Делёза». В своей книге Делёз претендует на ниспровержение

фактически всей предшествующей философии. На философов он смотрит как на психотоников и ставит им клинические диагнозы. Так, согласно Делёзу, *идеализм* (названный им «врожденной болезнью платонизма») логично расценивать как «маниакально-депрессивную форму философии», т. е. как философскую паранойю. «Досократическую» же философию ранних греческих мыслителей, которых принято именовать физиками и относить к материалистической линии, Делёз называет «философской шизофренией» [5, с. 172—174].

«Логика смысла» была написана в 60-х годах XX века, когда страны Запада охватила сексуальная революция. Парижские студенты во время «майской революции» 1968 г. выступили под лозунгом «Требуйте невозможного», они отвергали всякого рода культурные запреты и ограничения в сексуальных отношениях, требовали прав сексуальных меньшинств. Делёз и Фуко теоретически обосновывали необходимость сексуальной революции и практически участвовали в ней, что в дальнейшем сказалось на их творчестве.

Делёз подчеркивает, что литераторы, в чьих произведениях он усматривал подход к своей «теории смысла», были алкоголиками и наркоманами, страдали тяжелыми психическими расстройствами, доводившими их до сумасшествия и суицида. Неслучайно объектом его философских размышлений оказалось мировосприятие алкоголиков и шизофреников. Согласно Делёзу, алкоголизм и шизофрения — это феномены, которые помогают решению старой философской проблемы: познать самого себя. Но для этого философу придется «быть немножко алкоголиком, немножко сумасшедшим, немножко самоубийцей, немножко партизаном-террористом» [5, с. 206].

Постмодернисты отвергают почти все фундаментальные понятия классической философии, такие как бытие, объективная реальность, истина, разум, развитие, противоречие, история, прогресс и т. д. Вместо этих категорий они используют свои понятия: *тело, деконструкция, дискурс, симулякр, ризома, нарратив, сюжет*, которые не несут никакой ценной информации, но зато звучат оригинально.

Постмодернистская философия отказывается от категории бытия, которая в классической философии была одной из основных и фиксировала достоверный факт существования объективного мира. На место бытия приходит язык, точнее текст. Оказывается, что мир не существует независимо от интерпретации, он начинает существовать только в интерпретациях и благодаря им. Поэтому невозможно определить, какая реальность является подлинной, а какая — мнимой. Текст не отражает реальность, а творит новую. Таким образом, весь мир — это бесконечный и безграничный текст. Объективная реальность — это конвенция, продукт нашего соглашения. Постмодернизм абсолютизировал многозначность текстов и их относительную самостоятельность, провозгласив: «Ничто не существует вне текста». Но если текст — единственная реальность, то нет проблемы соотношения субъекта и объекта познания. Между собой можно сопоставлять только тексты. Гносеологические категории объекта и субъекта упраздняются. Отрицание субъекта как познавательного центра именуется постмодернизмом *децентрацией*.

Другим фундаментальным понятием и методом постмодернизма, выдвинутым Ж. Деррида, является *деконструкция*. Этот новый методологический подход направлен на разрушение уверенности в том, что текст обладает единственным и фиксированным значением. Цель деконструкции — избавиться от «метафизики присутствия» и начать понимать текст как самодеконструирующийся феномен. В процессе деконструкции текст подлежит не по-

знанию или пониманию, а свободным интерпретациям, число которых неограниченно. Безбрежный плюрализм интерпретаций означает, что не может быть истинной или ложной интерпретации, поскольку понятие истины — «реликтовый принцип». В классической философии истина объективна, ее содержание не зависит от познающего субъекта. Постмодернизм отрицает объективность истины. Любая попытка обнаружить истинную сущность вещей обречена на неудачу, поскольку истина — не более чем «лингвистическая, историческая и социальная конструкция», подлежащая устраниению.

Функции философии и науки, заключающиеся в познании бытия, постмодернистами отвергаются. Так, известный американский постмодернист Р. Рорти в книге «Философия и Зеркало природы» пишет: «Цель книги заключается в том, чтобы подорвать доверие читателя к “уму” как к чему-то такому, по поводу чего нужно иметь “философский взгляд”, и “познанию” как к чему-то такому, о чем должна быть “теория” и что “имеет основание”, а также к “философии”, как она воспринималась со времен Канта» [15, с. 5]. По мнению Рорти, вся «платоновско-декартовско-кантовская» традиция опиралась на миф — веру в существование Истины. Эту веру он называет *фундаментализмом*. Задача философии, по Рорти, не поиск истины, а разговор и коммуникация. Философии необходимо переориентироваться с познания истины на разговор и общение; новая философия должна основываться не на объективности, а на иронии.

Постмодернисты отказываются от признания факта существования всемирной истории и идеи прогрессивного развития общества. В классической философии история рассматривается как закономерный процесс смены эпох, как движение из прошлого через настоящее к будущему. Согласно постмодернизму, история представляет собой хаос совершенно случайных событий, не обладающих внутренней связанностью, не подчиняющихся какой-либо необходимости или логической последовательности. История — это рассказ («нарратив», по их терминологии), открытое пространство бесконечных интерпретаций, поэтому сколько «рассказчиков» (историков, философов, социологов, политологов), столько и историй. Вместо концепции социального прогресса постмодернисты выдвинули идею *конца истории*. Отсюда негативное отношение к возможности теоретического обоснования путей развития общества и перспектив его изменения.

Основные принципы постмодернизма — это *тотальная критика традиционных ценностей рационализма, классической философии, негативное отношение к научному познанию, признанию материальности мира и законов исторического развития, отказ от истины и беспредельный релятивизм*. Но абсолютное отрицание всего прошлого, кроме вреда, ничего не дает для приращения философских знаний. Действительно, о каком приращении философского знания может идти речь, если у философии нет своего предмета и она не стремится к поиску истины? Ж. Делёз и Ф. Гваттари пишут: «Философия состоит не в знании и вдохновляется не истиной, а такими категориями, как Интересное, Примечательное или Значительное, которыми и определяется удача или неудача» [7, с. 108]. Рассматривая философию как искусство формировать, изобретать и изготавливать концепты, Делёз и Гваттари поясняют, что сам термин «концепт» трактуется как «неразделимость конечного числа разнородных составляющих, пробегаемых некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью» [там же].

Видимо, чувствуя, что не все читатели способны понять и достойно оценить это оригинальное определение, они разъясняют: «Концепт имеет характер не парадигматический, а *синтагматический*, не проективный, а *коннективный*, не иерархический, а *окольно-проселочный*, не референтный, а *консистентный*» [там же]. Не следует думать, что причиной этой бессмысленной тарбарщины является переводчик данной книги. Напротив, в послесловии он откровенно говорит о трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться при переводе, и заявляет, что чтение и перевод книги Делёза и Гваттари напоминают процесс «зрительного выворачивания бублика через его дырочку».

Постмодернисты превратили философию в *дискурс*, т. е. в пустой разговор обо всем и ни о чем. В силу присущего им нигилизма они не обогатили философию новыми конструктивными концепциями, а, напротив, разрушили ее. Постмодернистская мода с ее пафосом деконструкции и разрушения, пишет Д. И. Дубровский, «это вовсе не признак творческого стиля наступающей новой эпохи, не форма выражения причастности к высшему уровню культуры, а всего лишь одна из реакций части интеллектуальной элиты на мучительные трудности вставших перед нами проблем». «В истории культуры, — продолжает он, — тотальное разрушение всегда отбрасывало к варварству... Ни одна культурная ценность прошлого до сих пор не отменялась, на их фоне постмодернистская ультра — жалкие пигмеи, одержимые комплексом Герострата» [8, с. 52—53].

Тем не менее постмодернизм получил распространение в современной российской философии. Типичные черты постмодернистского текста, по мнению Дубровского, наглядно представлены во многих публикациях М. Мамардашвили. В. А. Кутырев констатирует, что постмодернизм становится синонимом современного философствования, «превращается в моду, почти норму мысли. Широкая вузовско-академическая общественность, сначала протестующе ворчала, теперь же все чаще оперирует этим понятием. Его внесли в программу гуманитарного образования...» [9, с. 3]. В то же время он подчеркивает, что огромное количество людей, принявших постмодернизм, пересказывает его идеи без осознания их действительного смысла.

Л. А. Микешина, сетуя на то, что ее коллеги-профессора не видят ничего положительного в постмодернизме, утверждает, что в нем есть «целый ряд важнейших идей, которые, по сути дела, могут существенно обновить наше мышление». В частности, она полагает, что «необходимо осмыслить и принять новые принципы подхода к познанию, часть из которых сформулирована *постмодернизмом*». В рамках этого подхода Микешина предлагает переосмыслить марксистскую концепцию истины, согласно которой объективная истина существует, и приходит к выводу, что истина относительна: «Следует признать, что всякое знание, которое достигает человек и которым он пользуется в своей деятельности, носит принципиально релятивный характер» [11, с. 148—149].

В 1998 году вышел «Новейший философский словарь», где около 70 % текста посвящено постмодернизму, хотя издатели определяют его цель как «неангажированное» освещение всей мировой философии. Постмодернизм в нем представлен без всякой критики, зато материализму дается уничижительная характеристика. Почти в каждой статье словаря после описания истории вопроса говорится, что современный подход заключается в том, что...

и далее описывается позиция постмодернизма. При использовании данного словаря у читателя может сформироваться мнение, что, во-первых, постмодернизм — это вершина философской мысли и, во-вторых, что никаких других заслуживающих внимания философских учений в настоящее время нет.

Именно так оценивает философский постмодернизм Р. Гарнас. Согласно ему, с позиций постмодернистского мышления на многих горизонтах открылись неожиданные возможности, позволившие приблизиться к тем духовным проблемам, которыми так давно «тяготилось и мучилось современное мышление». Он пишет: «Эпоха постмодернизма — это эпоха полной неясности и несогласия относительно природы реальности, однако на ее долю выпало, как из рога изобилия, сказочное богатство взглядов и воззрений, и из этой неиссякаемой сокровищницы можно черпать какие угодно идеи, вооружаясь ими для решения великих задач» [18, с. 347]. Какие же новые горизонты открывает нам постмодернизм, помимо отрицания объективной реальности, закономерности истории, истины и философии? Как уже отмечалось, объектом философских размышлений Делёза явилось мировосприятие алкоголиков и шизофреников. Оказывается, интерес к шизофрении у постмодернистов неслучаен. Об этом свидетельствует работа Делёза и Гваттари «Анти-Эдип: капитализм и шизофрения», в которой обосновывается глубокая взаимосвязь между шизофренией и современным западным обществом, которое «производит шизофреников так же, как шампунь Дор или автомобили Renault, с тем единственным различием, что шизофреников нельзя продать» [6, с. 383].

Помимо *шизоанализа*, представителей философского постмодернизма занимает и проблема *фаллоцентризма*. Деррида утверждает, что европейский идеал полного овладения истиной носит агрессивный и сексуально окрашенный характер. Важнейшей чертой метафизики присутствия является примат мужского начала, поэтому логоцентризм может быть осмыслен и как фаллоцентризм. Делёз разъясняет: «Теперь ясно, что сексуальная организация — это предпочтание организации языка, так же как физическая поверхность была подготовкой для метафизической поверхности. Фаллос играет важную роль на всех стадиях конфликта между ртом и мозгом. Сексуальность находится между едой и говорением; и в то же самое время, когда они отделяются от деструктивных поглотительных влечений, сексуальные влечения внушают первые слова, составленные из фонем, морфем и семантем. Сексуальная организация уже наделяет нас всей точно-линейно-поверхностной системой; а фаллос как объект = X и слово = X играют роль нонсенса, распределяющего смысл по двум базовым сексуальным сериям — догениальной и эдиповой» [5, с. 316]*.

Большинство постмодернистов имеют филологическое образование, но смело и широко используют естественно-научные понятия. Американские ученые А. Сокал и Ж. Брикмон в книге «Интеллектуальные уловки. Критика

* Для более полного осознания глубины и высоты философских открытий Делёза процитируем еще одну его мысль: «Фаллос как образ на поверхности каждое мгновение рискует быть замещенным пенисом глубины или пенисом высоты и таким образом быть кастрированным в качестве фаллоса, ибо пенис глубины пожирает и кастрирует, а пенис высоты — источник фрустрации» [5, с. 265]. Ну как тут не согласиться с автором, что, для того чтобы стать адептом подобной «фаллосной» философии, надо быть «немножко алкоголиком» и «немножко сумасшедшим».

современной философии постмодернизма» поставили задачу показать, как постмодернисты используют физико-математические понятия и термины. Они свободно рассуждают о научных терминах, о которых имеют, в лучшем случае, лишь смутные впечатления, используют их, не задумываясь о том, что они означают. Например, с точки зрения Ж. Лакана, структура невротика и есть *тор* (т. е. сама реальность) (гл. 2), с точки зрения Юлии Кристевой, поэтический язык есть *сила континуума* (гл. 3), а с точки зрения Жана Бодрийара, современные войны разворачиваются в *неевклидовом пространстве* (гл. 8) [17].

Используя научные термины в таком контексте, в котором они не имеют вообще никакого смысла, постмодернисты, по мнению Сокала и Брикмона, пытаются поразить и, главное, смутить не подготовленного специально читателя, а также использовать престиж точных наук для того, чтобы придать блеск собственным рассуждениям. История создания книги «Интеллектуальные уловки» началась с розыгрыша. Удивленный и возмущенный безграмотными работами постмодернистов, получившими широкое распространение среди американской университетской интеллигенции, Сокал предложил модному культурологическому журналу «Социальный Текст» пародию на постмодернистскую литературу. Статья под громким названием «Нарушая границы: к трансформативной герменевтике квантовой гравитации», переполненная глупостями и явными нелепостями, была принята и опубликована как бы в ответ на выступления отдельных ученых против постмодернистов. Ее содержание было построено вокруг высказываний таких известных авторов, как Ж. Делёз, Ж. Деррида, Ф. Гваттари, Ж. Лакан, Ж.-Ф. Лиотар и других французских постмодернистов.

В статье ставилась под сомнение устаревшая «догма». Согласно этой догме «существует внешний по отношению к нашему сознанию мир, содержание которого независимо от отдельного человека и всего человечества в целом», а далее категорически заявлялось, что «физическая реальность», точно так же как и «реальность» социальная, является «лингвистической и социальной конструкцией». На основе дальнейших глубокомысленных рассуждений делался вывод, что «число π Эвклида и сила притяжения G Ньютона, которые до сих пор считались постоянными и универсальными, теперь должны рассматриваться как исторически преходящие». И вся статья в том же духе. Публикация этой статьи, да еще в специальном номере, оказалась для издатель «Социального Текста» самым радикальным из возможных разоблачений.

Сокал и Брикмон подчеркивают, что для естественных наук постмодернизм не представляет никакой опасности. Но от модной сегодня постмодернистской бессмыслицы страдают гуманитарные науки, где «языковые игры» заменяют собой строгий анализ социальной реальности.

Как отмечают многие отечественные критики постмодернизма, для него характерен безграничный релятивизм и вопиющие концептуальные противоречия, при которых логические аргументы вообще теряют всякий смысл и то, что отвергается явно, используется неявно. Например, Рорти доказывает, что гносеология (в его терминологии «эпистемология») должна быть изгнана из философии, поскольку гносеологические проблемы суть псевдопроблемы. Но преследуя такую цель, он фактически строит «свою» гносеологию. Фуко провозглашает «смерть автора», но сам действует как вполне живой субъект, строит свои концепции, в том числе о «смерти субъекта», претендующие на публичное признание.

Возникает вопрос: почему, несмотря на все это, постмодернизм получил широкое распространение и популярность? Постмодернизм — это яркий пример раскрученной философии, Делёза и других его представителей за рубежом величают не иначе как выдающимися и величайшими философами современности. Современное западное общество при всем своем внешнем демократизме управляется финансовыми и политическими элитами, использующими средства массовой информации в собственных интересах. По мнению А. В. Бузгалина, постмодернизм представляет собой ответ на социальный заказ неолиберализма — современной буржуазии и рынка [1, с. 3]. Рынок конца XX века стал мощной тоталитарной системой, всесторонне влияющей на человека. «Для хозяев рынка, — пишет Н. И. Губанов, — постмодернистская философия и следующая из нее методология является очень выгодной. Они формируют человека полностью лояльного, послушного существующей экономике и политической системе» [4, с. 67].

Постмодернизм, несомненно, не является магистральным направлением современной философии, а представляет собой одну из ее побочных ветвей. Ведь если философия не может претендовать на истину и не является адекватным отражением действительности, то возникает вопрос: что может дать такая философия человеку и обществу, зачем и кому она нужна? Современная цивилизация вступает в ту стадию, которую принято называть информационным обществом. А информационная цивилизация может твориться только рационально мыслящими людьми, владеющими научной философией, которая позволяет человеку ориентироваться в современной быстро меняющейся действительности.

В советский период российские философы основное внимание направляли на исследование и разработку классической, прежде всего марксистской, философии. В философии постсоветской России, несмотря на крайне критическое отношение некоторых авторов к философии диалектического материализма, содержание многих учебников и философских публикаций по-прежнему опирается на парадигму рационального и системного мышления, которое сложилось в европейской философии и вошло в русскую культуру через Маркса и Энгельса.

Сторонники классических традиций, болеющие за судьбы отечественной философии, призывают не уходить от обсуждения фундаментальных мировоззренческих проблем, которые на протяжении веков были в центре внимания мировой философской мысли, говорят, что необходимо отказаться «от суетливого следования моде», которая, как у нас принято, приходит исключительно с Запада. Но ведь и на Западе есть немало серьезных мыслителей, отстаивающих общепризнанные ценности классической философии. Выступая на XX Всемирном философском конгрессе, один из наиболее авторитетных философов США, Джон Силбер, подчеркивал, что философы вносят бесценный вклад в университетское образование, давая студентам понимание принципов научного мышления и логической аргументации, а также обучая основам нравственности. «Кто бы мог представить, — продолжает он, — что, вопреки традиционному представлению о разуме как опоре философии, столь блистательно развитому Платоном и многими другими выдающимися философами, убедительно опровергшими релятивизм, многие современные философы откажутся от поиска истины и, дискредитируя и опровергая практическую ценность логического рассуждения, бросятся в объятия

различных форм релятивизма и нигилизма». Современная философия, по мнению Силбера, должна «базироваться на рациональных способах мышления, используя которые можно с наибольшей вероятностью выстроить максимально приближенное к истине представление о реальности» [16, с. 65].

Библиографический список

1. Бузгалин А.В. Постмодернизм устарел : (закат неолиберализма чреват угрозой «протоимперии» // *Вопр. философии*. 2004. № 2. С. 3—15.
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М. : Мысль, 1974. Т. 1. 452 с.
3. Гобозов И. А. Куда катится философия : от поиска истины к постмодернистскому трепу : (филос. очерк). М. : Савин С. А., 2005. 200 с.
4. Губанов Н. И. Ницше философия постмодернизма // *Философия и общество*. 2007. № 1. С. 54—68.
5. Делёз Ж. Логика смысла. М. : Академ. проспект, 2011. 472 с.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2008. 672 с.
7. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М. ; СПб. : Ин-т эксперим. социологии, 1998. 288 с.
8. Дубровский Д. И. Постмодернистская мода // *Вопр. философии*. 2001. № 8. С. 42—55.
9. Кутырев В. А. Философия постмодернизма : научно-образовательное пособие для магистров и аспирантов гуманитарных специальностей. Н. Новгород, 2006. 95 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. 827 с.
11. Микешина Л. А. Философия науки : современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования : учеб. пособие. М. : Прогресс-Традиция : МПСИ : Флинта, 2005. 464 с.
12. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1990. Т. 1. 829 с.
13. Ницше Ф. Там же. Т. 2. 829 с.
14. Ратников В. П. Постмодернизм: истоки, становление, сущность // *Философия и общество*. 2002. № 4. С. 120—132.
15. Рорти Р. Философия и Зеркало природы. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 314 с.
16. Силбер Д. В. Философия и будущее образование // *Вестн. Рос. филос. о-ва*. 2001. № 2. С. 64—82.
17. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки : критика философии постмодернизма. М. : Дом интеллектуал. кн., 2002. 248 с.
18. Тарнас Р. История западного мышления. М. : Крон-пресс, 1995. 880 с.

ББК 60.028

Е. В. Ширяева

БЕССМЕРТИЕ КАК ИДЕАЛ: ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Анализируются три основные формы идеала бессмертия. Показана зависимость представлений о ценностном статусе этого идеала от индивидуальных особенностей личности, от соотношения в ней жизненного и духовного начал. Особое внимание уделено идеям Н. Ф. Федорова и В. С. Соловьева о нрав-

© Ширяева Е. В., 2012

ственном смысле идеала бессмертия и о его связи с чувством любви. Приведены наиболее распространенные аргументы противников идеи бессмертия.

Ключевые слова: архетипическая форма, идеал бессмертия, жизненное и духовное начало в человеке, сущность индивидуального человека, религиозное сознание, нравственность, любовь.

The author analyses three basic forms of the immortality ideal. The article demonstrates the dependency of the perceptions of this idea's value status on individual features of personality, as well as on the correlation of vital and spiritual origins in it. The article pays special attention to the ideas of N. F. Fedorov and V. S. Soloviev concerning moral sense of the immortality ideal and its connection with the feeling of love. The most widespread arguments of the immortality ideal opponents are cited.

Key words: archetypal form, immortality ideal, vital and spiritual origins in a human being, the essence of an individual human being, religious consciousness, morality, love.

Прежде чем рассматривать идеал бессмертия как некий устойчивый элемент культуры, проясним содержание понятия «идеал». В современной литературе оно трактуется двояко. Во-первых, это «высшая степень ценного, или наилучшего, завершённое состояние какого-либо явления», во-вторых, «индивидуально принятый стандарт чего-либо» [11, с. 71]. В нашем случае следует иметь в виду оба значения данного термина, делая, однако, акцент на втором. Идеал — это некий ориентир деятельности, линия горизонта, постоянно убегающая вперед от идущего за ней. В понимании социальной функции идеала будет вернее всего присоединиться к позиции И. Канта. Он утверждал, что идеалы, содержащиеся в человеческом разуме, хотя и «не имеют в отличие от *платоновских* творческой силы, но все же обладают практической силой (как регулятивные принципы) и лежат в основе возможности совершенства определенных *поступков*» [10, с. 346]. Одним из основных подобных ориентиров в истории человеческого рода как раз и является идеал бессмертия.

Бессмертие — исконная мечта человечества, а сегодня, в связи с впечатляющими успехами науки, зачастую не просто идеал, а и практическая цель. И. В. Вишев, автор, который в течение ряда лет проводит идею достижимости бессмертия (см.: [4, 5, 6]), утверждает: «Не бороться за практическое бессмертие — все равно что прекратить освоение космоса, овладение ядерной энергией и многое другое, ссылаясь на непредсказуемость последствий этого» [4, с. 219]. Тем не менее до обретения человеком бессмертия еще весьма далеко. Поэтому будет уместно рассматривать идею бессмертия не как утилитарную задачу, а именно как идеал. В каждую эпоху, в каждой культуре тема бессмертия обретает свои очертания и формы, свои акценты и интерпретации. В зависимости от интерпретации соотношения телесного (жизненного) и духовного начал¹ можно выделить три основные формы, в которых идеал бессмертия человека предстает в религиозной и философской традиции.

Первая форма это понимание бессмертия человека как бессмертия его души — отдельной от тела самостоятельной субстанции. Эта форма восходит к философии Платона, а у него, очевидно, идет от пифагорейцев, уходит в

¹ Подробнее о соотношении жизненного и духовного начал в человеческом существовании см. статью К. Л. Ерофеевой [8].

древневосточную традицию. Вторая форма предполагает бессмертие человека в единстве соматического и психического компонентов. Таковы дофилософские представления древних египтян, философия и практика даосизма, идеи современного трансгуманизма о возвращении к жизни умерших посредством вывода из анабиоза или воссоединения электронного аналога психики с неким биологическим либо идентичным биологическому заменителем тела. Наконец, третья форма, в которой предстает идеал бессмертия, — идея воскрешения измененного, качественно преобразованного тела, иначе говоря, воскрешения конкретной целостной индивидуальности, достигшей более высокого уровня развития (философия Н. Ф. Федорова, христианские представления о воскрешении праведников после Страшного суда).

У идеи бессмертия немало не только сторонников, апологетов, но и противников как в среде ученых, так и среди обычных людей, на уровне массового сознания. Многие искренне считают, что бессмертие отнюдь не является для человека благом. Вот наиболее распространенные аргументы в пользу этой позиции. В первом из них утверждается: единственное, что придает смысл нашей конечной жизни, — это именно ее конечность. Если бы она не была ограничена во времени, мы не осознали бы ее ценности, более того — томились бы скукой, впали бы в апатию, в безразличие ко всякой реальности. Именно такую трактовку темы человеческого бессмертия дает известный аргентинский писатель Х. Л. Борхес в рассказе «Бессмертный». Герой рассказа находит реку, воды которой даруют вечную жизнь. На берегу ее он встречает дикарей, не знающих даже речи. Они-то и оказываются бессмертными, уставшими от разнообразия жизни, пережитых впечатлений, полученных знаний...: «Жизнь Бессмертного пуста; кроме человека, все живые существа бессмертны, ибо не знают о смерти; а чувствовать себя Бессмертным — божественно, ужасно, непостижимо уму... Наученная опытом веков, республика Бессмертных достигла совершенства в терпимости и почти презрении ко всему. Они знали, что на их безграничном веку с каждым случится все» [3, с. 17—18]. Второе соображение, приводимое как довод против идеи бессмертия, состоит в следующем. Смерть есть естественный финал человеческого существования, который надо воспринимать спокойно как любое природное явление. Она необходима для прогресса человеческого рода в целом. Поэтому ее и следует принимать естественно, как смену времен года.

Субъективное отношение к смерти во многом детерминировано индивидуальной сущностью каждого конкретного человека. Если эта сущность состоит в преобладании жизненного начала над духовным, то отношение к собственной жизни и смерти сходно с отношением к ним у животных. Они, как известно, стремятся к максимально долгому сохранению и поддержанию жизни, но смерть по естественным причинам встречают относительно спокойно. Именно так на протяжении тысячелетий относятся к чужой и собственной смерти абсолютное большинство людей. Существование по законам органического мира, основанное на борьбе за выживание, на стремлении к самосохранению, экспансии и самовоспроизводству, не предполагает жажды бессмертия. Независимо от того, в какой культурной, религиозной среде воспитывался человек такого склада, он не склонен к глубокой вере в загробную жизнь. Даже если он принимает ту или иную версию человеческого бессмертия, находясь в определенной культурной и религиозной системе, сама мысль о бессмертии существует на периферии его сознания, мало влияет на его по-

вседневную жизнь. Именно поэтому он старается сделать в земном бытии как можно больше, взять как можно больше, успеть как можно больше.

По всей видимости, вера в божественное начало и в человеческое бессмертие необходима лишь тем людям, чья индивидуальная сущность состоит в преобладании духовного начала над жизненным порывом. Из этого очевидного обстоятельства можно сделать самые разные выводы. Можно утверждать, как это часто делают апологеты духовности, что только духу и необходима вечная жизнь. Можно, напротив, будучи апологетом жизненного начала, возражать, что мысли о бессмертии суть лишь психологическая защита слабого человека от очевидности и необратимости смерти. Принять ту или иную позицию в свое мировоззрение человека побуждает не столько культурная среда, в которую он погружен, сколько его индивидуальная сущность. Поэтому в любую эпоху и в любой религиозной или атеистической культурной среде существовали типы людей, по-разному понимающих бессмертие. Более того, сами исторические модели представлений о жизни и смерти иллюстрируют различия индивидуальных сущностных характеристик людей. Например, понимание загробного мира как места, где всем воздастся по справедливости, характерно для самых разных религиозно-культурных моделей бессмертия. Это понимание можно встретить и в античности (Платон), и во всех модификациях буддизма, христианства, ислама². Однако сами представления о божественной справедливости в рамках одной и той же религии, конфессии всегда очень заметно различались. Верующие, чья индивидуальная сущность содержит, по терминологии Э. Фромма, садомазохистские тенденции, создали модель ада, места наказания, абсолютного страдания за несправедливое поведение на земле. Разумеется, здесь необходимо помнить и о социальных функциях религии. Одной из главных в числе этих функций в истории всегда выступала функция дисциплинирующая, репрессивная. Но понимать идею посмертного воздаяния за грехи лишь как идеологическое средство устрашения было бы неверно, в ней явственно прослеживаются черты определенного психологического типа и типа человеческого характера. Напротив, люди, склонные к гуманному, толерантному отношению к другим, создали и развивали в рамках религиозного сознания идею милосердия Бога, идею постепенного искупления после смерти земных грехов.

В современном массовом религиозном сознании в целом явно преобладает тенденция к «мягким», «гуманным» представлениям о жизни души после смерти. Это связано с преобладанием ненасильственного воспитания детей в семье, с нарастанием гуманистических тенденций в общественных нравах. Причем такая особенность религиозного сознания присуща и христианской, и буддистской, и мусульманской культуре. В то же время в современном мире красноречиво заявляют о себе отдельные экстремистские религиозные направления и секты, которые обещают загробное спасение лишь избранным и соответственно требуют религиозной нетерпимости в земном существовании верующего. Эта нетерпимость может принимать и самые

² К XIII веку даосизм все больше сближается в понимании бессмертия с буддизмом. Понятие о бессмертии стало интерпретироваться как переход в иные реальности с другими жизненными циклами и другим течением времени, цели сохранения своего тела поменялись на цели духовного саморазвития. Более поздние школы даосизма делали основной упор уже на медитациях, подобных буддийским (см.: [15]).

одиозные формы, выливаться в открытое насилие, в идеологическую апологию насилия.

Среди перечисленных форм идеала бессмертия каждая имеет свои специфические мировоззренческие последствия, свою экзистенциальную направленность. Представляя себе бессмертие как простое продолжение земного бытия конкретного человеческого индивида, мы приходим к отрицанию ценности бессмертия (Борхес) либо к апологии примитивного эгоизма и эгоцентризма. В. С. Соловьев в знаменитой работе «Смысл любви» писал об этом: «Но если неизбежность смерти несовместима с истинной любовью, то бессмертие совершенно несовместимо с пустотой нашей жизни. Для большинства человечества жизнь есть только смена тяжелого механического труда и грубочувственных, оглушающих сознание удовольствий. А то меньшинство, которое имеет возможность деятельно заботиться не о средствах только, но и о целях жизни, вместо этого пользуется своей свободой от механической работы главным образом для бессмысленного и безнравственного времяпрепровождения. ...Для такой жизни смерть не только неизбежна, но и крайне желательна: можно ли без ужасающей тоски даже представить себе бесконечно продолжающееся существование какой-нибудь светской дамы, или какого-нибудь спортсмена, или карточного игрока?» [12, с. 520]. В той же работе Соловьев дает и критику идеала бессмертия души. Несмотря на то что многие считают этого мыслителя приверженцем платонизма, он в данном вопросе далеко отходит от учения Платона и, в духе национальной философской традиции, чрезвычайно высоко оценивает телесно-духовное единство человека, не желая пожертвовать им даже ради вечности: «Многие, правда, верят в бессмертие души; но именно чувство любви лучше всего показывает недостаточность этой отвлеченной веры. Бесплотный дух есть не человек, а ангел; но мы любим человека, целую человеческую индивидуальность, и если любовь есть начало просветления и одухотворения этой индивидуальности, то она необходимо требует вечной юности и бессмертия этого определенного человека, этого в телесном организме воплощенного живого духа. Ангел или чистый дух не нуждается в просветлении и одухотворении; просветляется и одухотворяется только плоть, и она есть необходимый предмет любви. Представлять себе можно все, что угодно, но любить можно только живое, конкретное, а любя его действительно, нельзя примириться с уверенностью в его разрушении» [12, с. 519—520]. Русский мыслитель-идеалист жаждет именно телесно-духовного, целостного бессмертия конкретной человеческой индивидуальности, преображенной и восстановленной в этой целостности силой любовного чувства: «К чему, собственно, стремится любовь относительно телесности: к тому ли, чтобы повторились в ней без конца одни и те же стихийные факты возникновения и исчезновения, одна и та же адская победа безобразия, смерти и тления, или к тому, чтобы сообщить телесному действительную жизнь в красоте, бессмертии и нетлении? <...> Торжество ума — в чистом созерцании истины, торжество любви — в полном воскрешении жизни» [13, с. 615]. Для Соловьева бессмертие не самоцель. Это условие обретения человеком более совершенного качества, более высокого уровня духовности. Еще более отчетливо эта идея выступает в философии общего дела Н. Ф. Федорова. Последний, собственно говоря, и дал Соловьеву мощный импульс размышлений на тему смерти и бессмертия. Как отмечает

А. Г. Гачева, «почти двадцатилетний творческий диалог Соловьева и Федорова оказался весьма плодотворен не только для его участников, но и для русской мысли в целом» [7, с. 935]. Н. Ф. Федоров пишет: «В единстве, в обществе бессмертных личностей, верность их друг другу, отеческая и сыновья любовь не имеют границ в смерти, как это у нас, в обществе смертных. Или, вернее, понятнее сказать, потому и нет у них смерти, что верность и взаимная любовь их безграничны...» [16, с. 132].

Нравственный максимализм обоих русских мыслителей говорит нам: если мы проникнемся мыслью, что закон всеобщего умирания несправедлив и враждебен нам, если возненавидим его как абсолютное зло — мы можем победить его! Современные сторонники идеи бессмертия сохраняют этот пафос отрицания смерти и уверенности в победе над ней (см.: [1, 2, 3]). Например, Л. Е. Балашов в статье под названием «Реалистическая теория бессмертия» выступает за освоение космоса и утверждает, что «смерть как превращение живого в труп вызвана ограниченностью жизненного пространства и ресурсов». «Человечество, — продолжает он, — уже сейчас должно поставить перед собой задачу ликвидации смерти...» [1, с. 134—135]. Как видим, речь здесь идет либо о третьей, либо о второй архетипической форме идеала бессмертия. Автор намеренно не уточняет, будет ли сохраняться телесная форма человека или материальный носитель личности качественно изменится. Однако в целом приведенная цитата демонстрирует скорее индифферентное отношение автора к традиционной, природной телесности человека. Его занимает только духовная составляющая — «разум, самосознание, личность». Сейчас, как и в былые века, эта точка зрения на проблему бессмертия весьма распространена. В традиционном обществе, когда впечатляющих достижений наук в этой сфере еще не наблюдалось, она была представлена религиозной идеей бессмертия души. Сегодня данная точка зрения выражена в идее перенесения индивидуального сознания на электронный носитель либо на иной заменитель тела. Подобный идеал «бестелесности» амбивалентен. С одной стороны, он отражает извечное стремление человека освободиться от своего материального тела как от чего-то внешнего и даже чуждого. С другой стороны, пренебрежение собственной телесностью может обернуться забвением гуманизма как такового, будь это религиозное аскетическое отрицание и осуждение тела или светское, основанное на крайнем сциентизме, всепоглощающее стремление в мир искусственного.

Мы видим, что как бы ни трактовался идеал бессмертия, в качестве основной, первичной в нем должна выступать нравственная составляющая. Это лучше всех поняли русские философы конца XIX века — Н. Ф. Федоров и В. С. Соловьев. Только при наполнении данного идеала нравственным содержанием и даже пафосом его влияние на мировоззрение человека и культурной системы в целом будет продуктивным, плодотворным, созидательным.

Библиографический список

1. Балашов Л. Е. Реалистическая теория бессмертия // Вестн. Рос. филос. о-ва. 2003. № 1. С. 133—135.
2. Безух Ю. В. От смерти к бессмертию // Там же. 2005. № 4. С. 166—169.

3. Борхес Х. Л. Алеф. СПб. : Амфора, 1999. 256 с.
4. Вишев И. В. Гомо Имморалис — Человек Бессмертный. Челябинск : Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 1999. 138 с.
5. Вишев И. В. На пути к практическому бессмертию. М. : МЗ-Пресс, 2002. 324 с.
6. Вишев И. В. Проблема личного бессмертия. Новосибирск : Наука, 1990. 248 с.
7. Гачева А. Г. В. С. Соловьев и Н. Ф. Федоров: история творческих взаимоотношений // Н. Ф. Федоров: pro et contra : в 2 кн. СПб. : Изд-во РХГИ, 2004. Кн. 1.
8. Ерофеева К. Л. Онтология человека в информационном обществе: сущность и существование / Иван. гос. энергет. ун-т. Иваново, 2007. 372 с.
9. Игнатьев В. А. Возможно ли практическое, «земное» воскрешение человека? // Вестн. Рос. филос. о-ва. 2005. № 3. С. 109—112.
10. Кант И. Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994. 591 с.
11. Новая философская энциклопедия. М. : Мысль, 2001. Т. 2. 636 с.
12. Соловьев В. С. Смысл любви // Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1988. Т. 2. С. 493—548.
13. Соловьев В. С. Жизненная драма Платона // Там же. С. 582—626.
14. Соловьев В. С. Идея сверхчеловека // Там же. С. 626—635.
15. Стулова Э. С. Даосская практика достижения бессмертия // Культура народов Востока. М. : Наука, 1984. С. 230—270.
16. Федоров Н. Ф. Сочинения. М. : Мысль, 1982. 711 с.

ЮБИЛЕЙ КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ

Д. Г. Смирнов, М. В. Теплянский

ИСТОРИЯ КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ: НАЧАЛО БИОГРАФИИ

1918—1923

Преподавание философии и смежных с философией дисциплин — неотъемлемая часть учебного процесса любого высшего учебного заведения. Не являясь исключением и Иваново-Вознесенский политехнический институт (ИПИ), на базе которого в 1932 году был создан Ивановский государственный педагогический институт (ИГПИ), преобразованный в 1973 году в Ивановский государственный университет (ИвГУ).

Уже первые учебные планы¹, разработанные в стенах Ивановского политехнического института в 1918/19 учебном году, предусматривали введение на факультетах преподавания целого ряда дисциплин общепедагогического характера.

В разное время² на физико-математическом факультете такими предметами должны были стать философия точных наук, основы общественных наук, общие основы естествознания, исторический материализм. На социально-историческом факультете к этим дисциплинам относились история эстетических учений, теория и психология художественного творчества, наука о финансах, общее учение о производстве и государстве, история политических учений, история философии права, введение в философию, введение в науку об искусстве.

Программа двухгодичных педагогических курсов при ИГПИ предусматривала проведение эпизодических, рассчитанных на 20 часов курсов по истории научного мировоззрения. А такие дисциплины, как философия, история философии, психология, государствоведение, история социалистических учений, логика и методология наук, должны были стать обязательными для всех факультетов и отделений института.

Эти дисциплины вводились «с целью пробуждения интереса у студентов к серьезному научно-философскому мышлению и к всестороннему усвоению творческих понятий, сообразно которым формируются... науки» и одновременно воспринимались профессорско-преподавательским составом института как «необходимые для всякого будущего педагога, независимо от его специальности, дающие круг знаний, на которые опирается его общее мировоззрение... и социально-политические взгляды»³.

© Смирнов Д. Г., Теплянский М. В., 2012

¹ Учебные планы в то время разрабатывались соответственно схемам, предоставленным отделом подготовки учителей Народного комиссариата просвещения с приблизительным распределением на 4 года.

² Статут института и учебные планы в указанный период неоднократно пересматривались и изменялись.

³ Преподаватели физико-математического факультета считали, что «понятия о числе, пространстве, времени, прежде чем сделаться предметом чистой математики, должны быть развиваемы в чистом поле философской работы».

Среди тех, кто должен был преподавать дисциплины общеполитического характера, в этот период в институте работали В. М. Экземплярский, А. Н. Зограф, Э. Э. Понтович, Б. Н. Северный, С. А. Лясковский, В. И. Лебедев и другие.

К сожалению, в полной мере осуществить планы по устройению учебного процесса в то время не удалось. Сказывались низкий уровень знаний студентов, сокращение срока обучения, недостаток квалифицированных преподавателей⁴, скудность материально-технической базы института.

Чиновники рабоче-крестьянской инспекции, проводившей обследование института, посчитали отдельные дисциплины философского цикла наук «слишком специальными для института» и посоветовали исключить их из учебного процесса, заменив другими курсами «более общеобразовательного характера».

В результате к лету 1921 года «по предметам общественных наук, как например: развитие общественных форм, исторический материализм и другие — отдельных лекций не читалось, а студенты с нескольких факультетов сводились в группы, где сообща проходили намеченный курс».

В 1922 году Иваново-Вознесенский политехнический институт был преобразован в Практический институт народного образования (ПИНО). Финансирование ухудшилось, что привело к еще более резкому сокращению учебных программ.

Ряд преподавателей покинули институт, в результате чего в 1922/23 учебном году на социально-историческом факультете из общественных дисциплин читалась только история социализма (преподаватель С. А. Лясковский). В числе обязательных предметов для получения свидетельства об окончании вуза остались, на выбор, логика или философия, государственное или история социализма.

Таким оказался первый опыт преподавания философии и смежных общественно-научных дисциплин в нашем вузе.

1932—1938

Кафедра философии⁵ является одной из старейших в ИвГУ. Она была создана в 1932 году, когда наш вуз переживал свое второе рождение.

Первым кафедрой философии возглавил специалист в области диалектического материализма профессор И. Н. Гусев (с 1 декабря 1932 года). Затем кафедрой последовательно заведовали профессор Ф. Л. Ерошок (с 1 сентября 1933 года), профессор И. А. Лapidус (с 1 сентября 1934 года) и старший преподаватель И. П. Дюпинский (с 1 сентября 1937 года).

Параллельно в институте работала кафедра ленинизма, которую возглавлял профессор Д. А. Мишагин⁶. Позднее эти кафедры были объединены в одну.

⁴ Многие преподаватели приезжали читать лекции из Москвы. Это было вызвано тем, что среди преподавателей Иваново-Вознесенска долгое время не было специалистов «по вопросам строго политического характера... с коммунистическим уклоном».

⁵ В это время в официальных документах можно было встретить несколько названий кафедры, а именно: кафедра философии, кафедра диамата, кафедра диамата и истмата (а после объединения с кафедрой ленинизма — кафедра диамата, истмата и ленинизма).

В период с 1932 по 1938 год, в разное время на кафедре работали преподаватели Н. Ф. Панфилов (директор института в 1932—1936 гг.), И. И. Степанов (директор института в 1936—1938 гг.), доценты Г. И. Оконишников (директор института в 1946—1957 гг.), А. П. Андреев, А. М. Мягков, исполняющий обязанности доцента А. А. Лаврищев, старший преподаватель С. М. Терехова, преподаватель Колесников, доцент Блюменталь⁷.

Основными направлениями научной и учебно-методической работы кафедры в данный период были:

- проблемы современной буржуазной философии — расовая теория и идеология германского фашизма, критика фашистской идеологии в диалектическом материализме (Г. И. Оконишников, И. А. Лapidус);
- проблемы психологии и логики в буржуазной философии и диалектическом материализме (И. А. Мишагин);
- проблемы морали (феодальной, буржуазной, пролетарской) (А. М. Мягков);
- проблемы роли личности в истории — личности и пролетарского гуманизма, человека и личности в работах Маркса (И. А. Лapidус, И. П. Дюпинский);
- диалектика в стратегии и практике ВКП(б); здесь особое внимание уделялось изложению учения Маркса, Ленина, Сталина, критике «оппортунизма» и «левого доктрианства», критике Плеханова как теоретика меньшевизма (И. П. Дюпинский);
- история философии — основные направления в истории философии Древнего Китая, Джордано Бруно и значение его учения для истории философии, философские взгляды Н. Чернышевского, философско-социологические и экономические взгляды Карла Робертуса (И. А. Лapidус, И. П. Дюпинский);
- теория отражения и художественный образ (И. П. Дюпинский);
- методика преподавания — значение доклада т. Берия⁸ для диалектического материализма, роль классных занятий в новых учебных планах, проблемы согласования курса исторического материализма с курсом истории и курса истории философии с курсом истории педагогики, методика работы с философскими тетрадями В. И. Ленина (И. А. Лapidус, И. П. Дюпинский).

Значительное внимание уделялось обзору периодической и монографической литературы философской проблематики.

Учебные планы предусматривали постепенное вовлечение студентов-отличников 3-го, 4-го курсов в научно-исследовательскую деятельность кафедры. Однако крайняя перегруженность педагогической и общественной работой несколько тормозила определение основных научных тем.

Члены кафедры проводили занятия со студентами по курсам диалектического (диамат) и исторического (истмат) материализма, ленинизма и истории философии.

⁶ Точно установить фамилию не удалось. Возможны два варианта: Мишагин или Мишахин.

⁷ Инициалы Колесникова и Блюменталья установить не удалось.

⁸ Работа называлась «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье».

**Учебный план кафедры философии
для исторического факультета на 1934 год, ч**

Дисциплина	Курс				
	1-й	2-й	3-й	4-й	Всего
Диамат и истмат	90	90	–	–	180
Ленинизм	–	–	–	80	80
История философии	–	–	60	–	60

Народный комиссариат просвещения (НКП) внес ряд изменений и дополнений в программы курсов по диамату и истмату, в частности, были включены дополнительные темы, а именно:

- современная буржуазная философия и задачи борьбы с ней;
- роль личности в истории;
- современная буржуазная социология и задачи борьбы с ней.

Кроме того, в раздел «Идеология и формы общественного сознания» был введен пункт об идеологии фашизма, а в раздел, посвященный критике методологии механицизма, — подраздел, касающийся критики методологии школы М. Покровского.

В программу диамата для математиков был включен раздел, посвященный вопросам истории естествознания и борьбе за материалистическую диалектику в естествознании.

Курс по истории философии (история философии Античности, Средневековья, Нового и Новейшего времени) читал профессор И. А. Лапидус.

**Тематика курса истории философии
по вечернему сектору на 1934/35 учебный год, ч**

Тема	Лекции	Семинары
1. Основные этапы в развитии древней философии	6	–
2. Философия Средневековья и Возрождения	2	–
3. Декарт и Гассенди	2	–
4. Бэкон, Гоббс, Локк	2	–
5. Спиноза	2	4
6. Беркли и Юм	2	4
7. Французский материализм XVIII века	2	4
8. Кант	2	4
9. Гегель	2	6
10. Фейербах	2	4
11. Формирование взглядов Маркса	2	4
12. Основные течения в современной буржуазной философии	4	–
<i>Итого</i>	30	30

В 1935/36 учебном году курс истории философии был дополнен некоторыми моментами в соответствии с указаниями партии и правительства.

В частности, были учтены указания И. В. Сталина, С. М. Кирова и Ю. А. Жданова об учебниках по истории философии. Теперь в них особо выделялась тема «философии фашизма». Как на недостаток в работе кафедры указывалось на слабое освещение вопросов по истории философии народов СССР. Работники же кафедры объясняли этот недочет в работе тем, что данный вопрос получил недостаточную разработку в марксистско-ленинской литературе.

В основу методики преподавания были положены известные решения партии и правительства о высшей школе. Задачи преподавания философии «на современном этапе», вопросы о ходе работы на всех курсах, о консультациях и программах активно обсуждались на заседаниях кафедры, куда приглашались и студенты старших курсов. Пожелания студентов преподаватели старались учитывать.

На кафедре считали, что методологически и методически целесообразнее начинать чтение курса диамата после того, как студенты хотя бы в течение одного семестра изучали историю и политэкономии, т. е. со 2—3-го семестров, а не с 1-го, как это предусматривалось в учебных планах НКП.

В лекционном курсе давалось конкретное изложение всего материала, в конце каждой лекции подводился краткий итог. Семинарские занятия повторяли и закрепляли некоторые узловые вопросы курса. Кроме этого, предусматривалось проведение консультаций по наиболее сложным проблемам. Со временем в учебный процесс была внедрена система коллоквиумов с целью проверки усвоения и закрепления пройденного материала.

Интерес представляет система оценки знаний студентов, сложившаяся в рассматриваемый период. Индивидуальные оценки выставляли не сразу после ответа, а ждали, когда ответит вся группа, т. е. знания оценивались исходя из среднего уровня подготовки студентов.

В процессе обучения студентам рекомендовалось знакомиться с первоисточниками. Из работ классиков марксизма-ленинизма изучались «Философские тетради» В. И. Ленина, «Людвиг Фейербах» и «Диалектика природы» Маркса, а также некоторые другие. В качестве учебного пособия использовались отдельные главы из учебника под редакцией М. Б. Митина, «хотя студенты справедливо жаловались на абстрактность и трудность изложения».

В процессе преподавания кафедра философии столкнулась с целым рядом проблем: недостатком литературы, отсутствием утвержденных программ (в частности, для физматов пединститутов). Тем не менее работники кафедры нашли выход из сложившейся ситуации. Были перепечатаны и в качестве учебного материала выданы на руки студентам программы Института марксизма-ленинизма. Были созданы списки рекомендованной учебной литературы и разработаны первые схемы курсов. По рекомендации наркома просвещения А. С. Бубнова было застенографировано большинство лекций преподавателей, которые впоследствии использовались в качестве учебников⁹.

Контроль за ходом учебного процесса осуществлялся заведующим кафедрой, который должен был посещать лекции и практические занятия других преподавателей, анализировать их с методической точки зрения, участвовать в обсуждении практики преподавания на заседаниях кафедры, поддер-

⁹ Это произошло практически сразу после посещения Ивановского пединститута лично А. С. Бубновым.

живать постоянный контакт со студентами, участвовать в зачетах, которые, как правило, проводились под его руководством.

Период с 1934 по 1937 год — самый яркий в истории кафедры философии довоенной эпохи. В это время кафедру возглавлял один из ведущих преподавателей института профессор Иосиф Абрамович Лapidус — видный советский политэконом, врач-терапевт, участник Гражданской войны, один из организаторов (в 1917 г.) Союза социалистической молодежи в Самаре.

После публикации в 1937 году решений ЦК ВКП(б) по журналу «Под знаменем марксизма» и указаний Сталина «об овладении большевизмом» перед кафедрой философии были поставлены следующие задачи:

- «последовательное и неуклонное проведение в процессе преподавания диалектического и исторического материализма ленинского принципа партийности философии: повышение политической бдительности как основного средства разоблачения возможных вылазок врагов народа — троцкистов, бухаринцев и их пособников»;

- перестройка преподавания диалектического и исторического материализма в направлении проведения связи изучаемых проблем философии с всеобщей историей, развитием науки и культуры.

Примерно в это время был принят новый проект программы по философии, ориентировавший преподавателей на «повышение качества лекций», в котором особое внимание уделялось изучению работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, И. Сталина; истории философии, истории развития марксизма, проблемам естествознания.

Деятельность самой кафедры подверглась резкой критике¹⁰. В отношении курсов диамата и истмата отмечалась их «схоластичность» и «слишком общее освещение вопросов диалектики природы, вследствие слабой увязки курса с основами физико-математической науки». Указывалось на «чрезмерно большое место в курсе» историко-философского раздела «в ущерб основной части курса».

В курсе истории философии была «замечена слабость анализа»: «курс повторял буржуазные учебники по истории философии, представляя компиляцию из этих учебников».

Преподаватели кафедры обвинялись в допущении «неправильных трактовок» НЭПа (Степанов) и вопроса «о X съезде и о демократическом централизме» (Блюменталь). И эти лекции были перечитаны вторично с учетом замечаний.

Все это самым пагубным образом сказалось на дальнейшей судьбе кафедры. Профессора И. А. Лapidуса обвинили в пособничестве троцкистам. В июне 1937 года он был исключен из партии, а в августе 1937 года освобожден от исполнения обязанностей заведующего кафедрой философии и отстранен от преподавательской деятельности в институте. Сменивший его на посту заведующего кафедрой И. П. Дюпинский был командирован на учебу и также покинул ИГПИ. Преподаватель кафедры философии И. И. Степанов был исключен из партии и оставил должность директора института.

¹⁰ В сентябре 1935 года «при перепечатке издания по диамату “Происхождение и развитие классов” машинистка Червякова допустила грубую опечатку, извращающую содержание... задания: было напечатано вместо “кризис капитализма” “кризис коммунизма”». Через год машинистка была уволена.

В марте 1938 года кафедра философии временно прекратила свое существование. Одновременно была создана кафедра социально-экономических наук, в которую вошли отделения истмата, диамата, ленинизма, политэкономии, географии, всеобщей литературы, русского и старославянского языка.

К маю 1938 года из прежних преподавателей кафедры философии дисциплины философского цикла читала лишь С. М. Терехова, пришедшая на работу в институт осенью 1937 года.

1939—1941

Во втором полугодии 1938/39 учебного года в Ивановском педагогическом институте был введен курс основ марксизма-ленинизма. Одновременно была создана одноименная кафедра, перед которой была поставлена задача по перестройке преподавания указанного курса с тем, чтобы сделать студенчество «политически зрелым».

Первым кафедрой основ марксизма-ленинизма возглавил старший преподаватель А. А. Лаврищев. Вместе с ним работали старшие преподаватели К. Г. Громков, Г. К. Николаичев, С. М. Терехова, В. Н. Федоров. Все члены кафедры принимали активное участие в общественной и партийной жизни института и города: четверо входили в лекторскую группу ГК ВКП(б), а Г. К. Николаичев вел лекционную работу во Фрунзенском районном комитете ВКП(б).

Времени на научно-исследовательскую деятельность не хватало. Курс читался в институте впервые, и работникам кафедры приходилось много сил и энергии тратить на подготовку к лекциям. Как следует из отчетов кафедры, все преподаватели с поставленными перед ними учебными задачами справились. Курсы были прочитаны удовлетворительно. Среди недостатков указывалось лишь отсутствие иллюстративного материала, что должно было быть устранено путем создания кабинета основ марксизма-ленинизма.

В основу лекций было положено изложение по главам Краткого курса истории ВКП(б), подкрепленное первоисточниками классиков марксизма-ленинизма. В философском разделе курса рассматривались такие проблемы, как диалектический материализм — мировоззрение марксистско-ленинской партии; всеобщая связь и взаимодействие явлений и предметов в природе и обществе; природа и общество как состояние непрерывного движения, изменения и развития; развитие как переход количественных изменений в качественные, качественные; борьба противоположностей — внутреннее содержание процесса развития; материальность и закономерное развитие мира; первичность материи и вторичность сознания; познаваемость мира и его закономерностей; общественное бытие и общественное сознание; условия материальной жизни общества; классы и классовая борьба; государство и революция; диктатура пролетариата. При прохождении курса особое внимание обращали на основные задачи второй пятилетки, тактику большевиков в буржуазно-демократической революции, организационные основы большевистской партии.

Студентам рекомендовалось ознакомиться с отдельными произведениями классиков марксизма-ленинизма, которые упоминались в Кратком курсе истории ВКП(б), полностью. Лишь треть студентов выполняла эту рекомендацию. На лекциях и семинарах анализировались: «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса; «Анти-Дюринг» и «Л. Фейербах» Ф. Энгельса; «Критика политэкономии» К. Маркса; «Детская болезнь “левиз-

ны” в коммунизме», «Материализм и эмпириокритицизм», «Три источника и три составные части марксизма», «Что делать?», «Шаг вперед, два назад», «Две тактики», «К вопросу о диалектике», «О государстве», «О лозунге Соединенных штатов Европы», «Военная программа пролетарской революции» В. И. Ленина; «Марксизм и национальный вопрос», «Об основах ленинизма», «Анархизм и социализм», «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», «Еще раз о социал-демократическом уклоне нашей партии», «Об индустриализации страны и о правом уклоне ВКП(б)», «К вопросам аграрной политики в СССР», а также материалы доклада на XVIII съезде ВКП(б) И. В. Сталина. Кроме этого, рекомендовалось ознакомиться с отрывками из работы Л. П. Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье».

При прочтении лекций применялась тактика объединенных потоков студентов различных факультетов и курсов, что вызывало трудности в преподавании и понимании предмета. Работники кафедры связывали это с разным уровнем исторической базы у студентов разных факультетов. Первые экзамены показали, что должного внимания к курсу у студенчества не было. За исключением историков, студенты плохо ориентировались в работах классиков марксизма-ленинизма.

Осенью 1939 года кафедре возглавил старший преподаватель В. Н. Федоров. Преподаватели С. М. Терехова и А. А. Лаврищев, последние из тех, кто работал еще на кафедре философии, покинули институт. На кафедру были приглашены новые сотрудники — старшие преподаватели Т. Е. Крылов (директор института в 1938—1939 гг.), И. Г. Коршунов, Н. Г. Пресняков (помощник директора по заочному обучению), С. А. Кудрявцев, а также преподаватели кафедры В. М. Зеленова и Н. А. Ильин. В качестве совместителей на кафедре работали доцент Староверов и старший преподаватель З. Х. Медникова.

Сотрудники кафедры продолжали работу, начатую еще в прошлом году. Были проведены общеинститутские лекции для студентов: «Пролетарская и буржуазная демократия» (В. Н. Федоров), «О войнах справедливых и несправедливых» (К. Г. Громков), «Жизнь и деятельность т. Сталина» (И. Г. Коршунов), «Развитие т. Сталиным марксистско-ленинского учения об организационных принципах большевизма» (Г. К. Николаичев) и «О государстве» (Т. Е. Крылов).

Организовывались также лекции для профессорско-преподавательского состава — «Роль идей в общественном развитии» (В. Н. Федоров), «Марксистско-ленинское учение о научном предвидении» (К. Г. Громков); беседы для административно-технического персонала — «Партия Ленина — Сталина — организатор и руководитель побед Великой Октябрьской социалистической революции» (Н. Г. Пресняков), «Сталинская Конституция СССР — итог борьбы и победы социализма в СССР» (З. Х. Медникова). Для прочтения отдельного цикла лекций по § 2 4-й главы Краткого курса истории ВКП(б) приглашались лекторы из других институтов.

Совместно с представителями кафедры литературы обсуждалась возможность использования художественной литературы при чтении курса основ марксизма-ленинизма. В частности, на заседаниях кафедры были заслушаны следующие доклады: «Революция 1905 года в художественной литературе», «Отражение в художественной литературе борьбы партии за индустриализацию страны», «Литературные течения в период столыпинской реакции».

Научная работа членов кафедры в 1939/40 учебном году сводилась к подготовке и сдаче кандидатских экзаменов и накоплению материала для будущих диссертаций. А после того как на первом совещании заведующих кафедрами марксизма-ленинизма было принято решение о том, что «лица, ведущие несколько лет самостоятельный курс в вузах и удовлетворительно справляющиеся с работой, могут возбуждать ходатайство о сдаче кандидатского минимума», сотрудники кафедры основ марксизма-ленинизма ИГПИ вплотную занялись решением этого вопроса.

По-прежнему значительное внимание на кафедре уделялось учебно-методической работе. Обсуждение планов лекций и семинаров, итогов практических занятий на заседаниях кафедры было обычным делом. Это способствовало «повышению идейно-теоретического уровня лекций и улучшению формы их изложения». Теперь они сопровождались наглядными пособиями из альбомов, посвященных революционной деятельности Сталина и Ленина, а также материалами местного характера. Некоторые преподаватели имели возможность работать с документами из секретных исторических отделов Государственного архива Ивановской области.

Большую роль в процессе обучения играли семинарские занятия, которые предусматривалось проводить в порядке «живой, творческой, товарищеской дискуссии». Однако они сводились в основном к «вопросно-ответной форме». Правда, иногда удавалось добиться того, чтобы студенты самостоятельно работали над материалами практических занятий и относились к курсу более серьезно и добросовестно.

Но были и свои минусы. Курс давался студентам с трудом ввиду отсутствия у них элементарных знаний по политэкономии (во многом из-за того, что преподавание основ марксизма-ленинизма было перенесено на первый курс), а также ввиду их недисциплинированности — на консультации студенты не приходили, а в перерывах между лекциями задавали множество вопросов, на которые преподаватели были просто физически не в состоянии ответить. Сказывались и недостатки в работе кафедры: низкая квалификация отдельных преподавателей, недостаточный контроль над самостоятельной работой студентов, отсутствие практики научно-исследовательской работы.

Главный недостаток в преподавательской деятельности кафедра видела в отсутствии «достаточной увязки» материала основ марксизма-ленинизма с материалом специальных дисциплин и курсов, изучаемых студентами того или иного факультета. Выходом из сложившейся ситуации стало закрепление за каждым факультетом определенного преподавателя.

В целом мероприятия, проведенные кафедрой в 1939/40 учебном году, дали положительные результаты. Процент неуспеваемости снизился с 7,3 % в зимнюю сессию до 6,1 % — в летнюю.

В июле 1940 года в одном из номеров газеты «Правда» вышла статья «О знаниях глубоких и поверхностных», в которой была подвергнута критике деятельность кафедры основ марксизма-ленинизма ИГПИ. Это не осталось незамеченным, и на деятельность кафедры было обращено особое внимание.

В основу работы кафедры в новом 1940/41 учебном году были положены указы Верховного Совета СССР от 26 июня и 10 августа 1940 года, решения II Всесоюзного совещания заведующих кафедрами основ марксизма-ленинизма, новые учебные планы, утвержденные Всесоюзным комитетом по делам высшей школы (ВКВШ), а также «указания» газеты «Правда» о повышении требований к качеству преподавания и оценке знаний студентов.

Одновременно был пополнен и состав кафедры. Сотрудниками в этот период стали преподаватели И. И. Ларенцов, А. М. Тарасенко, И. И. Лещин, Г. И. Козлова, а также лаборант Н. И. Готовкина. В порядке перевода из Ивановского энергетического института в пединститут, согласно постановлению ОК ВКП(б), преподавателем философии был назначен доцент А. М. Мягков. Он читал курс диамата и истмата на старших курсах исторического и литературного факультетов.

Усилился в это время контроль за деятельностью кафедры со стороны партийных структур. Заседания кафедры стали проводиться систематически. Отчеты о ее работе активно обсуждались на заседаниях партбюро и совета института, а также в ОК ВКП(б). Были организованы специальные выступления заведующего кафедрой с отчетами о проделанной работе и о стоящих перед кафедрой задачах на радио и в областной печати. Только в первом полугодии работниками кафедры по заданиям ГК и ОК ВКП(б) было прочитано около 40 лекций для общественности города на темы: «Международное положение», «О любви, дружбе и товариществе», «Брак и семья при социализме» и некоторые другие.

В 1940/41 учебном году преподаватели кафедры предприняли первые реальные шаги по развертыванию научно-исследовательской деятельности. По инициативе кафедры в институте была организована сессия, посвященная 120-летию со дня рождения Ф. Энгельса, на которой члены кафедры выступили с докладами о жизни, революционной деятельности и философских взглядах великого мыслителя.

В плане индивидуальной научной деятельности кафедра занималась разработкой концепций экономического и исторического (социального) развития Ивановского края на основе марксистско-ленинского учения. И. И. Ларенцов работал над написанием диссертации на тему «Декабрьское вооруженное восстание 1905 года», С. А. Кудрявцев — «Ивановские большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции», И. Г. Коршунов — «Революционная ситуация в Иванове в 1915 году», В. Н. Федоров — «Рабочий контроль и национализация промышленности в Иванове и Иваново-Вознесенской губернии». Н. Г. Пресняков готовил к защите диссертационное сочинение «Июльские дни 1917 года в Иваново-Вознесенске». Кроме этого, он занимался исследованием вопроса борьбы с польскими интервентами на территории Ивановского края, а также опубликовал ряд научно-популярных статей по истории народов СССР, брошюры «Искра» и «Иваново-вознесенские рабочие».

В процессе преподавания стал более широко применяться конкретно-исторический материал, наглядные пособия, фрагменты отдельных художественных произведений. В качестве таковых даже выступали кинофильмы «Трилогия о большевике Максиме», «Ленин в 1918», «Ночь в сентябре». Активно использовались и публицистические статьи в журналах «Большевик», «Историк-марксист», «Под знаменем марксизма». Нередко организовывались экскурсии в музеи города. Готовясь к лекциям, преподаватели тщательным образом подбирали слова, а во время экзаменов обращали значительное внимание на культуру речи студентов.

Для стимулирования самостоятельной работы студентов стала использоваться форма «социалистических обязательств». Например, проводились конкурсы на лучшее выступление на семинарских занятиях. На семинарах порой обсуждались «актуальные проблемы современности» — «о путях раз-

вития пролетарских революций в капиталистических странах в условиях наличия СССР и его современной мощи», «о наличии противоречий внутри ВКП(б) в настоящее время и об отмирании партии при коммунизме».

Были разработаны и открыты новые постоянно действующие семинары: «Морально-политическое единство советского народа», «Советский патриотизм», «Уничтожение противоречий между городом и деревней», «Ленинская теория отражения», «Теория пролетарских революций», «О философском обобщении Лениным великих открытий в естествознании и указании путей для преодоления кризиса буржуазного естествознания». Особенный интерес у студентов вызывал семинар по вопросам отмирания наций и национальных государств.

В конце 1940/41 учебного года в ИГПИ был создан кабинет основ марксизма-ленинизма, первым лаборантом которого 5 июня 1941 года, за 17 дней до начала Великой Отечественной войны, был назначен И. Н. Ширяев.

1941—1945

С началом Великой Отечественной войны жизнь и деятельность кафедры основ марксизма-ленинизма заметно изменились. В первую очередь это коснулось преподавателей и сотрудников кафедры. Уже в первые месяцы войны преподаватели С. А. Кудрявцев, Н. Г. Пресняков, Т. Е. Крылов, Г. К. Николаичев добровольно ушли на фронт. С 25 июля 1941 года, вследствие мобилизации в ряды Красной Армии В. Н. Федорова, кафедру возглавил доцент А. М. Мягков. Были переведены на другую работу И. И. Ларенцов, А. М. Тарасенко, Г. И. Коршунов¹¹. Кафедра лишилась собственного помещения и была вынуждена вести работу в три смены с 7.00 до 22.00. Ввиду сокращения объема работы была уволена лаборант кафедры Н. И. Готовкина.

Со временем число работников кафедры удалось восполнить. Среди вновь прибывших были доценты Г. И. Оконишников¹², И. Х. Бодякшин, лаборант Э. В. Робах, старшие преподаватели М. В. Демин, Е. Ф. Солнцева, А. П. Финаров, Д. И. Хорошева, К. Я. Фролова, А. В. Шипулина, преподаватель Т. В. Панкова, ассистенты С. А. Троицкая, А. Г. Жильцова; по совместительству — старшие преподаватели М. И. Голубев, М. И. Никитин, преподаватель А. Н. Осипенков (директор института в 1943—1946 гг.).

В условиях войны перед кафедрой были поставлены задачи воспитания у слушателей «чувства беспредельной любви к социалистической родине», острой ненависти к фашистам. Необходимо было максимально полно раскрыть перед студенчеством всемирно-историческую роль партии и героическое прошлое советского народа. Требовалось на деле повысить идейно-политический и методологический уровень лекций и семинаров, излагая курс на основе неразрывного единства составных частей марксизма-ленинизма, в органической связи исторического материализма с политикой партии. При этом преподаватели всячески увязывали курс с актуальными вопросами Оте-

¹¹ Г. И. Коршунов 12 ноября 1941 года был переведен на работу в ОК ВКП(б).

¹² До этого Г. И. Оконишников работал на кафедре основ марксизма-ленинизма в Ивановском учительском институте иностранных языков, одновременно являясь его директором. В ноябре 1941 года также ушел на фронт.

чественной войны советского народа с германским фашизмом. Одной из важных задач, стоявших перед кафедрой, являлась задача повышения квалификации кадров и проведения широкой пропагандистской работы по поручению партийных организаций в среде студенчества, рабочих, интеллигенции, военнослужащих (в том числе и раненых).

Уже в 1941/42 учебном году на каждом потоке силами кафедры были проведены открытые лекции на темы: «Отечественная война советского народа в борьбе с германским фашизмом и наши задачи», «О шестимесячных итогах Отечественной войны», инструктаж для агитаторов «Героизм Красной Армии в борьбе с германским фашизмом». Совместно с кафедрами всеобщей истории, истории СССР и литературы была организована теоретическая конференция на тему исторической роли русской нации.

В феврале 1942 года вышел приказ Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ) от 13 января 1942 года «О ходе преподавания курса основ марксизма-ленинизма в вузах в 1941—1942 гг.». Именно он лег в основу организации преподавательской деятельности кафедры в годы войны.

В это время были разработаны новые курсы «Великая Отечественная война советского народа» и «Русская классическая философия». При прочтении лекций особое внимание обращалось на связь теории с современностью, ориентирование студентов на регулярное чтение газет и журналов, раскрытие перед слушателями значения линии партии Ленина—Сталина в деле борьбы советского народа в Отечественной войне.

Большое внимание кафедра уделяла раскрытию перед слушателями значения выступлений И. В. Сталина в военный период. Летом 1942 года к списку литературы по курсу были добавлены резолюция XVIII партконференции, речи т. Сталина от 3 июля и 7 ноября 1941 года, доклад т. Сталина от 16 ноября 1941 года, приказы от 23 февраля и 1 мая 1942 года.

В годы войны на кафедре продолжалась работа по совершенствованию методики преподавания. Первые занятия посвящались ознакомлению студентов с основными приемами самостоятельной работы над произведениями классиков марксизма-ленинизма, и в первую очередь с правилами составления конспектов (отделять главное от второстепенного, выделять абзацы и делать пометки, передавать текст своими словами, выделять тезис и доказательство). Студентам рекомендовалось читать литературу, отводя для одного приема 2—3 часа, чтобы чтение носило более или менее законченный характер. В периоды сессий работники кафедры выходили в студенческие общежития и в читальные залы и здесь, на месте, обучали студентов работе с книгой. Однако добиться высокого качества конспектов так и не удалось.

Как методический прием стали использоваться товарищеские собеседования по философским темам среди живущих в общежитиях. Предполагалось, что это поможет лучше усвоить учебный материал. Студенты должны были хорошо знать учение Ленина и Сталина о стихийности и сознательности, характеристику фашизма (данную т. Сталиным)¹³, ответ на вопрос, «как удалось немецким фашистам отравить фашистской идеологией немецкий народ».

Для помощи студентам, особенно выпускникам, сдающим ГЭК, с апреля 1944 года еженедельно по четвергам стали проводить лекции по наиболее важным и сложным темам курса (работа Ленина «Материализм и эмпирио-

¹³ В том числе «о людоедском и антинаучном характере расовой теории фашизма».

критицизм», великая русская нация и выдающиеся представители ее культуры, работа Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза», статья в журнале «Большевик» об ошибках в освещении немецкой классической философии, государственный строй США и Англии, военно-политическое и международное положение СССР и некоторые другие).

Процент успеваемости по основам марксизма-ленинизма по-прежнему оставался низким. Наибольшее затруднение в плане усвоения материала у студентов вызывали работы «Манифест коммунистической партии» (раздел об истинном немецком социализме), «Что делать?» (вопрос о стихийности и сознательности, особенно применительно к современности, вопрос о свободе критики), «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (вопрос о временном революционном правительстве и о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства), «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» (учение о компромиссах, о роли партии в системе диктатуры пролетариата), «Об основах ленинизма» т. Сталина (раздел о стратегии и тактике, вопрос о стихийности и сознательности применительно к современности), а также «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, «К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю» Г. В. Плеханова (вопросы об объективной, абсолютной и относительной истине, о разграничении понятия материи в философском и естественно-научном смыслах, о революции и кризисе современного естествознания).

При ответах на зачетах и экзаменах студенты порой допускали смешение понятий материи и объективной истины, марксистского диалектического метода и марксистского философского материализма; не могли они и подтвердить фактами и примерами марксистское учение о том, что общественное бытие определяет общественное сознание.

Среди прочих недостатков в знаниях студентов преподаватели отмечали слабое понимание исторической обусловленности событий, отсутствие исторической перспективы при ответах. Важнейшим изъяном в подготовке студентов являлось слабое развитие логического, причинно-следственного мышления, поэтому допускались грубейшие ошибки. Так, например, некоторые из студентов определяли материю как все, что существует объективно и зависит от сознания.

Отчасти это было связано с неопытностью преподавателей кафедры, большая часть которых была представлена недавними выпускниками Ярославского и Ивановского педагогических вузов. В таких условиях серьезно встал вопрос о работе с молодыми преподавателями, об их теоретическом росте и повышении их методического мастерства. Значительный груз ответственности за это был возложен на руководителя кафедры.

С сентября 1942 года по июнь 1944 года по постановлению ОК и ГК ВКП(б) при кафедре основ марксизма-ленинизма ИГПИ работал постоянно действующий семинар преподавателей марксизма-ленинизма ивановских вузов. Руководителем семинара был назначен А. М. Мягков. На семинаре обсуждались решения собраний заведующих кафедрами основ марксизма-ленинизма при ВКВШ, теоретические и методические вопросы, также был заслушан и обсужден целый цикл лекций по русской классической философии.

В 1943/44 учебном году кафедра основ марксизма-ленинизма ИГПИ совместно с кафедрой педагогики разработала проект учебной программы по логике для средней школы, совместно с преподавателями кафедры политэкономии обсудила установочную статью «О преподавании политэкономии», опубликованную в журнале «Под знаменем марксизма». По инициативе ка-

федры было проведено обследование постановки политического воспитания на лекциях и семинарах по кафедре литературы. Это обследование выявило «некоторые теоретические и методические промахи преподавателей литературы и помогло установить тесные товарищеские взаимоотношения между работниками различных кафедр по разрешению теоретических вопросов».

Проводила кафедра и активную идейно-воспитательную работу, которая была направлена «на повышение идейно-теоретического уровня студентов, воспитание деятельного патриотизма, горячей любви к партии и ее вождю т. Сталину, формирование образованных деятелей советской культуры».

Работа осуществлялась в различных формах, обычно по плану партбюро: через открытые заседания кафедры, путем организации вечеров вопросов и ответов, диспутов, участия в юбилейных сессиях, чтения докладов на торжественных заседаниях, комсомольских собраниях по вопросам текущей политики, военного и международного положения.

В 1943 году кафедра провела два открытых заседания. Одно из них было посвящено 125-летию со дня рождения К. Маркса, а второе — 25-летию со дня смерти Г. В. Плеханова. К чтению докладов были привлечены не только преподаватели, но и студенты, в том числе и первых курсов. На заседаниях рассматривались такие проблемы, как жизнь и революционная борьба К. Маркса, «Манифест коммунистической партии» и современность, учение Плеханова о роли личности в истории. Также при активном участии кафедры были проведены научные сессии, посвященные 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции и 20-летию со дня смерти Ленина.

Большим успехом у студентов пользовались вечера вопросов и ответов. Только весной 1943 года было задано около 200 вопросов. В поданных списках студенты интересовались политическими событиями (государственным политическим строем союзников, событиями в Китае, личной судьбой Э. Тельмана, возможностью возникновения противоречий в коммунистическом обществе). Много вопросов задавалось по коммунистической этике (что такое дружба, любовь, возможна ли любовь по переписке, каков идеал советской девушки, в чем смысл жизни) и философии (что такое конечная причина, что такое антропологический принцип в философии, в чем сущность учения Гегеля о прекрасном, в чем Чернышевский пошел дальше Фейербаха, в чем недостаток этики Чернышевского, в чем сущность догмата о троичности божества), истории СССР, интересовались также личностями преподавателей кафедры основ марксизма-ленинизма.

Вечера вопросов и ответов продемонстрировали интерес студентов к нравственным проблемам, поэтому было принято решение о проведении диспута на тему «Какой должна быть советская девушка?» Организация и проведение диспута были возложены на кафедру основ марксизма-ленинизма при участии партбюро и комитета ВЛКСМ института.

Во время диспута подлежали обсуждению следующие вопросы:

1. Какие литературные или реальные исторические лица являются для вас идеалом?
2. Какие есть новые положительные черты у советской девушки по сравнению с литературными и историческими персонажами прошлого?
3. От каких отрицательных качеств вы хотите предостеречь своих подруг?
4. Как сочетать служение общественному долгу и личную жизнь?
5. Как сочетать женственность и волевые качества?
6. На чем основана дружба: на сходстве или различии характеров и стремлений?

7. Каков ваш идеал юноши?

8. Как вести себя в семье, в деловой обстановке, на вечере, в театре?

9. Берем ли мы от науки и культуры, от института все необходимое для жизни?

10. Каков ваш идеал учительницы?

Проведение диспута вызвало неподдельный интерес. С докладами выступили 17 студентов и 9 преподавателей. Некоторые студенты — Орлова, Морыганова, Розанова — тщательно подготовились и сделали очень интересные выступления, вызвавшие бурное обсуждение. Особенно ярким оказалось выступление преподавателя кафедры литературы А. П. Орловой, посвященное вопросу об исторической роли русской женщины, ее героизме, радости материнства и творческой радости женщины-педагога.

В целом 1943/44 учебный год прошел под знаком повышения интереса и внимания студентов к изучению марксизма-ленинизма. Кафедра за достигнутые успехи получила переходящее Красное знамя обкома ВЛКСМ.

В годы войны кафедра проводила обширную работу по пропаганде марксизма-ленинизма как в стенах института, так и вне его. Заведующий кафедрой А. М. Мягков был внештатным лектором ОК и ГК ВКП(б), членом партбюро института. Старший преподаватель М. И. Никитин являлся заведующим отделом агитации и пропаганды Ивановского ГК ВКП(б). Доцент кафедры И. Х. Бодякшин состоял внештатным лектором ГК ВКП(б) и провел по заданию парторганов не одно обследование вузов, несколько месяцев работал в бригаде ГК ВКП(б) по налаживанию агитационной работы на фабрике «Красная Талка». Он также являлся руководителем агитколлектива института. Внештатными лекторами, агитаторами, руководителями агитколлективов были и некоторые другие сотрудники кафедры — М. В. Демин, З. Х. Медникова, К. Я. Фролова.

Только И. Х. Бодякшин и А. М. Мягков за годы войны выступили более чем с 200 докладами для партактива города и районов, на предприятиях, в госпиталях, в колхозах и для военных летчиков.

Несмотря на все тяготы военного времени, кафедра продолжала вести научно-исследовательскую работу. Под ее руководством был организован семинар по диамату и истмату для лиц, готовящихся к сдаче кандидатского минимума. К концу войны в стенах института стали принимать кандидатские экзамены по философии, для чего собиралась комиссия во главе с заведующим кафедрой основ марксизма-ленинизма ИГПИ.

Великая Отечественная война оказала заметное влияние на тематику научно-исследовательских работ членов кафедры. А. М. Мягков защитил кандидатскую диссертацию на тему «Советский патриотизм». М. В. Демин начал работать над проблемой патриотизма в истории большевистской партии.

Сотрудники кафедры выступали с докладами «О международном значении опыта ВКП(б)» (Медникова), «Германский империализм — самая злейшая и хищная разновидность империализма» (Бодякшин), «О роли русского народа в развитии культуры и о патриотическом воспитании молодежи» (Мягков). Разрабатывались и другие темы, например «Ленин и внешняя политика советского государства» (Демин), «О роли техники в условиях войны» (Бодякшин), «О типах войн» (Осипенков).

Кроме этого, А. М. Мягков приступил к написанию докторской диссертации на тему «Коммунистическая мораль». Именно он подготовил и прочел в стенах вуза доклад о развитии диалектического и исторического материа-

лизма за 25 лет советской власти. В учебном плане он опубликовал статью «Методика семинарских занятий по основам марксизма-ленинизма».

И. Х. Бодяшкин занимался рассмотрением роли машинной индустрии при капитализме и социализме, исследованием истории текстильной промышленности в Иваново-Вознесенске в дооктябрьский период, анализировал развитие русской экономической мысли Ленина и его предшественников.

В конце Великой Отечественной войны на заседаниях кафедры были приняты предложения, адресованные ВКВШ, в которых определялись основные направления и тенденции в преподавании и развитии философской мысли в ИГПИ и других вузах города в последующие годы. Работники кафедры считали необходимым введение в педагогических институтах курса логики, тем более что такой курс стал читаться в старших классах средней школы. А это, в свою очередь, требовало выделения особой кафедры — кафедры философии. Кроме того, на кафедре говорилось о необходимости введения на литературных факультетах курса истории СССР, так как отсутствие знаний по этой дисциплине препятствовало нормальному преподаванию и восприятию курса основ марксизма-ленинизма. В интересах скорейшего продвижения работников кафедры и вовлечения их в научно-исследовательскую работу, облегчения им доступа для публикаций в журналах кафедра считала целесообразным, чтобы институты академии наук, редакции центральных журналов и прочие организации шире привлекали для авторской работы преподавателей провинциальных вузов.

Биографические справки

В. М. Экземплярский родился 11 октября 1889 г. в семье священника. Среднее образование получил во Владимирской духовной семинарии. С 1907 по 1911 г. прослушал курс историко-философского факультета Московского университета по философскому отделению. В 1916 г. получил звание приват-доцента по кафедре философии. В. М. Экземплярский — специалист в области индивидуальной психологии, провел ряд экспериментальных исследований по вопросу о типах представления. До прихода в ИГПИ работал преподавателем философской пропедевтики и педагогики в старших классах ряда московских школ, преподавателем психологии и педагогики в Первом государственном университете и преподавателем философии в университете им. Шанявского.

А. Н. Зограф родился в 1889 г. Среднее образование получил в 3-й Московской мужской гимназии. В 1907 г. поступил на историко-философский факультет Московского университета. Учился у Никитского, Соболевского, Покровского (по отделению классических языков и древностей), Мальмберга и Цветаева (по отделению истории искусства). А. Н. Зограф — сотрудник музея изящных искусств при Московском университете, заведующий нумизматическим подотделом, специалист в области теории и истории искусства.

Э. Э. Понтович родился в 1886 г. Окончил гимназию в Красноярске. В 1907—1911 гг. учился в Санкт-Петербургском университете. Должен был быть оставлен там для дальнейшей специализации по кафедре государственного права, но ввиду «неблагонадежности» был вынужден покинуть университет. В 1917 г. сдал в Московском университете экзамены на степень магистра. Осенью того же года Э. Э. Понтович был назначен на должность приват-доцента Петроградского университета. В это время он читал курс по ис-

тории философии во 2-ом Петроградском университете и по общей теории права на Высших курсах им. Л. Ф. Лесгафт. С конца 1918 г. работал в Иваново-Вознесенском политехническом институте. К 1921 г. имел около полутора десятков публикаций, из которых 4 — философско-правовые этюды по проблеме государственной власти.

Б. Н. Северный в 1913 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета и был оставлен профессором Г. И. Челпановым при кафедре философии. В 1918 г. он был назначен на должность приват-доцента Московского университета. С 1913 г. лаборант, а затем и ассистент, заведующий отделом психологии труда и лаборатории Психологического института при Московском университете, заведующий отделом экспериментальной психологии Института труда при Народной комиссии труда. К 1921 г. имел ряд заметок и рецензий по вопросам психологии, педагогики и философии.

И. А. Лapidус в 1924 г. окончил медицинский факультет Московского государственного университета, затем учился в Институте философии Коммунистической академии. Уже в студенческие годы он преподавал политэкономию и философию (исторический материализм) на военно-политических курсах Приволжского военного округа и на Пречистинском рабфаке им. Бухарина в Москве, а затем — в Московском институте народного хозяйства им. Плеханова, в Институте красной профессуры и, наконец, в Ярославском и Ивановском пединститутах. В 1937 г., когда ему пришлось покинуть Ивановский пединститут, он перешел в Московский инженерно-экономический институт им. Орджоникидзе (ныне Институт управления).

В соавторстве с К. В. Островитяновым И. А. Лapidус разработал один из первых марксистско-ленинских курсов политэкономию. Учебник пользовался популярностью не только в СССР, но и за рубежом, выдержав 8 переизданий (1928—1934), он был переведен на украинский, английский, французский, китайский, испанский, японский и еврейский языки.

И. А. Лapidус являлся автором и других теоретических работ по политэкономии: «Предмет и метод политической экономии» (М., 1930), «Буржуазная наука в борьбе с учением Маркса» (М., 1933), а также статей «Капитализм», «Мануфактура», «Меркантилисты» для Большой советской энциклопедии первого издания.

И. А. Лapidус был аспирантом РАНИОН по философскому отделению. Как следует из письма его сына, у Иосифа Абрамовича «всегда была тяга к философии; в определенной мере он сочетал с философией те знания, которые получил при обучении на медицинском факультете». В одном из номеров журнала «Под знаменем марксизма» вышла в свет его статья по философско-биологическим вопросам.

Во время работы И. А. Лapidуса в ИПИ был опубликован целый ряд его статей. Наиболее значимые из них — «Новые материалы литературного наследия Маркса» в журнале «Большевик» и «Об антифашистском философском сборнике АН» в журнале «Пролетарская революция».

Перед войной И. А. Лapidус продолжал активно заниматься научной работой. Он опубликовал большую статью о докапиталистических формах общественного развития, начал работу над докторской диссертацией о философии Фихте. Главный его труд довоенного времени — рукопись книги по истории философии — к сожалению, не сохранился.

В 1941 г. И. А. Лapidус отправился на фронт в качестве начальника лаборатории и санитарной службы Бауманской стрелковой дивизии народного

ополчения. Погиб он в октябре 1941 г. под Москвой у села Семлево при попытке выхода из окружения.

В. Н. Федоров родился в Юрьев-Польском. Окончил факультет преподавания общественных наук Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, работал доцентом кафедр политэкономии и экономики нескольких вузов Москвы, Ярославля, Иванова, вел научно-исследовательскую работу в Ярославском пединституте. С 1931 по 1939 г. вел самостоятельный курс политэкономии.

С февраля 1939 г. — старший преподаватель, с сентября — исполняющий обязанности заведующего кафедрой, а с осени 1940 г. — заведующий кафедрой основ марксизма-ленинизма ИГПИ.

В. Н. Федоров — автор ряда публикаций по вопросам политэкономии, в том числе рецензии на учебник Леонтьева. Для написания диссертации был прикреплен к Институту экономики АН СССР.

В. Н. Федоров вел активную партийную и общественную работу, был назначен лектором Дома партпросвещения, председателем обкома Союза высшей школы, членом райсовета, первым заместителем секретаря партбюро Ивановского пединститута. Он много сделал по перестройке преподавания философских дисциплин в институте.

А. М. Мягков. Родился в 1902 г. В 1919—1922 гг. учился на социально-экономическом факультете Иваново-Вознесенского политехнического института, а в 1922—1924 гг. — на факультете общественных наук Московского государственного университета. Член ВКП(б) с 1927 г. Трижды исключался из партии и восстанавливался.

А. М. Мягков работал во всех вузах Иванова, но особенно долго в Ивановском пединституте. 1 сентября 1934 г. был назначен на должность доцента по кафедре философии ИГПИ, а с 1 сентября 1940 г. — основ марксизма-ленинизма, проработал несколько лет. 25 июля 1941 г. А. М. Мягков — исполняющий обязанности заведующего кафедрой, а с 26 февраля 1943 г. — заведующий кафедрой. В этой должности он проработал 7 лет.

По воспоминаниям И. И. Мордвишина, А. М. Мягков был опытным лектором, которого отличала «большая эрудиция, свободное, доходчивое и темпераментное изложение материала».

И. Х. Бодякин. Родился в 1889 г. в семье крестьянина. Член партии с 1907 г. Участвовал в деятельности II Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов, внес поправку в Декрет о земле.

В 1924 г. возглавил рабфак в Иваново-Вознесенске. В 1930—1933 гг. проходил курс по специальности преподаватель социально-экономических дисциплин в ИПК (Москва). В 1933 г. был назначен директором Ивановского подготовительного отдела ИПК. Делегат IX съезда РКП(б), ряда всероссийских и всесоюзных съездов. Работал в редакции газеты «Рабочий край».

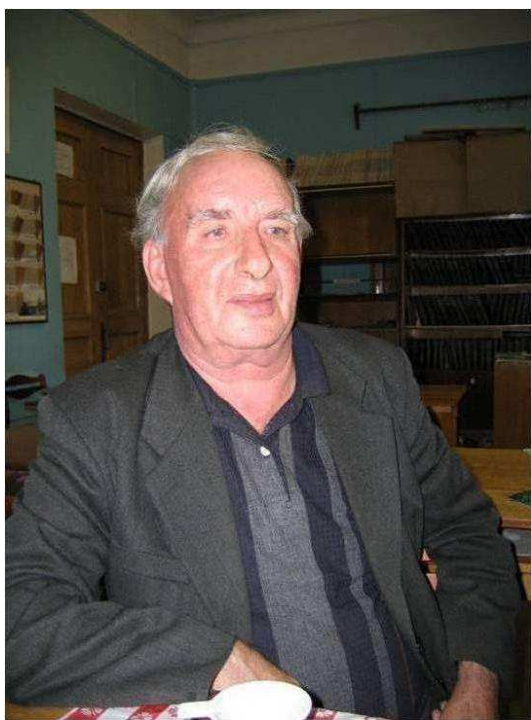
В 1936—1938 гг. являлся главным инспектором Наркомпроса, преподавал в Московском заочном институте марксизма-ленинизма. Прибыл в Иваново в 1941 г. по эвакуации.

* * *

В статье использованы документы Государственного архива Ивановской области (ФР. 804. Оп. 1. Д. 59—62, 200, 201, 276; Оп. 2. Д. 1, 2, 4, 9, 13, 16, 18, 26—28, 30, 35, 45, 46, 52, 72), воспоминания И. И. Мордвишина

(музей истории Ивановского университета) и письма сына И. А. Лapidуса (музей истории Ивановского университета).

ЮБИЛЕИ



Ровесник кафедры

Юрию Михайловичу Серову — проректору Ивановского государственного университета по учебной работе в период его становления (1973—1987), председателю и ученому секретарю диссертационного совета по философии (1983—2000), доценту кафедры философии (но на самом деле, «по гамбургскому счету», — университетскому профессору) — 80 лет. Он ровесник нашей кафедры, и это весьма симптоматично, ибо говорит о том, что ее история — это история не прошлого, а настоящего. То, что измеряется жизнью человека, всегда считалось живой историей, историей к которой можно прикоснуться, а не только текстуально зафиксировать. В каждом человеке сохраняется все, что прожито, а значит, это прошедшее может быть здесь и сейчас. Именно поэтому так интересно общаться с Юрием Михайловичем. «Философы по жизни», столь мудры, что умеют не только расходовать свою энергию в нужном — социальном и человеческом — направлении, но и производить ее для внутреннего бытия, самовыражения и самоидентификации. Сейчас в новом российском обществе уже трудно встретить тип советского человека — человека, который будет тратить свои силы не только за оплачиваемый по норме труд, но и от душевных человеческих щедрот. Юрий Михайлович — компанейский человек и человек веселый, который в нужный момент расскажет неожиданный сюжет из своей жизни или из жизни нашего общества, который сразу сделает неразрешимую проблему решаемой, самые трудные события в жизни кафедры или диссертационного совета проходили безболезненно, ибо удавалось посмотреть на них с точки зрения здравого смысла и народной мудрости. Душевные беседы со студен-

тами и преподавателями — визитная карточка человеческого мира нашего коллеги, которого всегда можно было найти в учебном корпусе прислушавшись и узнав громкий голос и веселый смех. Может быть, именно поэтому одна из любимых философских тем нашего юбиляра — интересубъективность сознания. Им продолжена научная традиция профессора Н. П. Антонова по изучению структуры сознания, многое сделано для проведения в ИвГУ крупных научных конференций по философии ноосферы (1983) и экологическому образованию (1984), чем и сейчас славен наш университет среди научной общественности.

В анналах кафедры хранится стихотворение Юрия Михайловича, которое он и в шутку и всерьез посвятил «закоренелым ноосферщикам»:

Хоть и не раз, но от Природы
Нам суждено уйти в небытие.
Пройдут, как сон, волненья и невзгоды,
Все, чем бrenно людское житие.

Наш прах, как часть субстанции Вселенной,
Вместит в себя космическая Пыль.
И с ней, быть может, памятью нетленной
К другим придет земная наша Быль.

В сцепленьи дней она неповторима
(Закон Кармы я знаю наизусть!).
И потому для нас не устранима
Землячьих душ космическая Грусть.

Что ж, «се ля ви»! Пускай другие знают,
Какими были мы (и без прикрас!).
И пусть они не повторяют
Ошибок наших будто бы за нас.

Дай бог им всем дожить до Ноосферы
(Ее пора придет когда-нибудь!).
В борьбе за Жизнь мы не теряли веры,
И нашим потом полит Млечный путь.

...Нас не щадит безжалостное Время.
Но длится все ж земная наша Быль!
Тогда зачем тебя, людское Племя,
Влечет к себе космическая Пыль?!

Спасибо, Юрий Михайлович, за философскую и жизненную школу. Кафедра философии желает Вам крепкого здоровья, благополучия и бодрости.

Коллеги



Батурина Галина Ивановна

Любая университетская кафедра сильна прежде всего связью поколений профессорско-преподавательского состава, только в этом случае осуществляется естественная передача традиций и смыслов от одного поколения к другому. Доцент Галина Ивановна Батурина встречает свой юбилей на трудовом посту в составе заметно помолодевшей кафедры как человек, обладающий самым богатым преподавательским и человеческим опытом.

Галина Ивановна закончила исторический факультет Ивановского государственного педагогического института (нынешний ИвГУ), написала кандидатскую диссертацию и защитила ее в Горьковском (нынешнем Нижегородском) университете (под руководством профессора Н. П. Антонова), затем прошла путь от ассистента и старшего преподавателя до доцента. В этом году исполняется 40 лет ее трудовой деятельности в Ивановском государственном университете. Ее хорошо знают студенты университета, прежде всего юристы и историки, они уважают Галину Ивановну за высокий профессионализм, требовательность, справедливость, широкую эрудицию, точный и трезвый ум. Студенты иногда не понимают смысла столь отвлеченных дисциплин, как философия, но Галина Ивановна преподает философию как строгую и точную науку, требуя от студентов уважения к гуманитарному предмету, знание которого составляет важную часть профессиональной компетенции и историка, и юриста.

Галина Ивановна строгий судья и научной работы кафедры, ее отзывы и рецензии на научные тексты статей и диссертаций преподавателей и аспирантов не страдают излишней комплементарностью, объективны и непредвзяты, а суждения и оценки заставляют еще раз внимательно продумать представленные идеи.

Желаем нашей коллеге — Галине Ивановне Батуриной — крепкого здоровья, творческих успехов, бодрости духа и всяческого благополучия.

Коллектив кафедры

Рябов Олег Вячеславович



Олег Вячеславович Рябов начал работать на кафедре философии Ивановского государственного университета в 1987 году после окончания службы в армии. Он родился 20 июля 1962 года в городе Павлово-на-Оке Горьковской области. После окончания школы работал токарем на Павловском механическом заводе и заочно учился на истфаке Горьковского университета. В 1981 году он поступил на исторический факультет ИвГУ и успешно его закончил. В 1992 году после обучения в аспирантуре им под руководством профессора Г. Н. Гумницкого была защищена кандидатская диссертация на тему «Соотношение коллективизма и индивидуализма: социально-этический аспект». В 2000 году он защитил диссертацию «Национальная идентичность: гендерный аспект (на материале русской историософии)» на соискание степени доктора философских наук. С 2003 года по настоящее время Олег Вячеславович — профессор кафедры философии Ивановского университета. За время работы в ИвГУ им были разработаны лекционные курсы по логике, этике, этносоциологии, этнологии, этнопсихологии, философии, а также спецкурсы «Русский национализм» и «“Россия-Матушка”: гендер и национализм в истории России». Будучи приглашенным преподавателем университетов штатов Вашингтон и Вайоминг (США) (2001/02 учебный год), а также приглашенным профессором Варшавского университета (2009) и Университета Николая Коперника в Торуня (2011), он читал курсы «Nationalism: Theories, Ideologies, and Semiotics», «Cold War: a Cultural History» и «Gender and International Relations».

Научные интересы Олега Вячеславовича достаточно многообразны. Его многочисленные работы по исследованию национализма, культуры холодной войны, гендерной проблематике, истории русской философии, визуальным исследованиям опубликованы в сборниках материалов проводившихся в России и за рубежом научных конференций и в известных отечественных науч-

ных журналах на русском, английском, французском, польском и украинском языках. Изданные в Иванове, Москве и Штутгарте его монографии «Русская философия женственности (XI—XX века)», «“Матушка-Русь”. Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии» и «“Россия-Матушка”. Национализм, гендер и война в России XX века» хорошо известны ученым во многих странах мира. В соавторстве с профессором Лодзинского университета Анджеем де Лазари в России была опубликована книга «Русские и поляки глазами друг друга. Сатирическая графика», а в Польше — «Polacy i Rosjanie we wzajemnej karykaturze».

В 2005 году в Ивановском госуниверситете им совместно с коллегой по кафедре философии М. Ю. Тимофеевым был создан Центр этнических и национальных исследований (ЦЭНИ), которым О. В. Рябов руководит до настоящего времени. Он был организатором ряда научных семинаров и конференций на базе ИвГУ — «Визуализация нации», «Этническая ситуация в Ивановской области: междисциплинарный подход», «Русская культура как фактор межэтнической интеграции», «Проблемы формирования общероссийской идентичности. Русскость и российскость», «“Русский медведь”: история, семиотика, политика». Материалы ряда конференций были изданы в созданном им альманахе «Границы». Под руководством О. В. Рябова были защищены две кандидатские диссертации. Им регулярно проводится секция ЦЭНИ на дне студенческой науки в ИвГУ.

Олег Вячеславович встретил свой юбилей полным планов, которые не замедлят реализоваться в новых публикациях, научных мероприятиях и работах его аспирантов.

Коллеги

Сведения об авторах

БРАГИН доктор философских наук,
Андрей Витальевич профессор кафедры философии, Ивановский
государственный энергетический университет.
anvibr@mail.ru

ДМИТРЕВСКАЯ доктор философских наук,
Ирина Владимировна профессор кафедры философии,
Ивановский государственный университет.
dissovet_212@mail.ru

ЕРАХТИН доктор философских наук, профессор,
Арнольд Валентинович заведующий кафедрой философии,
Ивановская государственная
архитектурно-строительная академия.
erakhtinav@mail.ru

МЕЛИКЯН аспирантка кафедры философии,
Мерине Акоповна Ивановский государственный университет.
merimelikyan@mail.ru

СМИРНОВ доктор философских наук,
Григорий Станиславович профессор кафедры философии,
Ивановский государственный университет.
gssmirnov@mail.ru

СМИРНОВ кандидат философских наук, доцент,
Дмитрий Григорьевич заведующий кафедрой философии,
Ивановский государственный университет.
dissovet_212@mail.ru

ТЕПЛЯНСКИЙ заместитель директора по научной работе,
Михаил Викторович Российский государственный гуманитарный
университет, филиал в г. Иванове.
mtep@mail.ru

ШИРЯЕВА аспирантка кафедры философии,
Екатерина Вадимовна Ивановский государственный университет.
ShiryevaK@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ «ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с приставным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА Серия «Гуманитарные науки» 2012. Вып. 2 (12). Философия

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы: *М. Б. Баябина, О. В. Батова*

Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Г. Б. Клецкиной*

Подписано в печать 25.10.2012. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 10,3. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru